

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Рагозина Софья Андреевна

**Политический образ ислама (на материале центральных
российских печатных СМИ, 2010-2017)**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

кандидат политических наук,

доцент

Ильинская Светлана Геннадьевна

Москва 2019

Оглавление

Отказ от ответственности: список запрещенных организаций	4
Список таблиц	5
Введение.....	6
Глава 1. Методология и методы исследования	27
§1.1. Специфика инструментария корпусной лингвистики.....	27
§1.2. Об эффективности комбинации критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики	35
§1.3. Описание сформированного корпуса.....	45
Глава 2. Основные тенденции формирования структуры знания об исламе и опыт исследования политического образа ислама в СМИ	50
§2.1. «Что пошло не так?»: о формировании современной структуры знания об исламе	50
§2.2. Обзор исследований по проблемам репрезентации ислама в СМИ	60
Глава 3. Основные дискурсивные стратегии формирования негативного образа ислама.....	69
§3.1. Стратегия 1: Формирование дихотомии радикального и традиционного ислама	71
§3.2. Стратегия 2: Категория действия в дискурсе о мусульманах и исламе .	87
§3.3. Стратегия 3: Категории количества и гомогенизация исламской традиции.....	91
§3.4. Стратегия 4: Криминализация нейтральных коннотаций.....	97
§3.5. Стратегия 5: Неправильное понимание	103
Глава 4. Мигрантофобия, антиамериканизм и защита традиционных ценностей: глубинные корни негативного образа ислама	109

§4.1. Концептуализация понятия «исламофобия»	109
§4.2. О чем говорят, когда говорят про ислам? Общая картина динамики изменения тем.....	117
§4.3. «Фрагментированная» исламофобия российского дискурса об исламе	122
Глава 5. Акторная структура дискурса об исламе	134
§5.1. Академические и алармистские эксперты.....	134
§5.2. Голоса мусульманской общины: традиционные ценности, евразийство и патриотизм	151
§5.3. Молчаливое большинство: каких мусульман боятся больше всего? ...	164
Глава 6. Шаг за рамки газетного дискурса: влияют ли СМИ на другие типы дискурса?.....	181
§6.1. Официальный дискурс об исламе: некоторые тенденции	182
§6.2. «Социальная доктрина российских мусульман»: манифест лояльности «традиционного ислама» российскому государству	193
Заключение	198
Список использованной литературы и источников.....	204

Отказ от ответственности: список запрещенных организаций

В соответствии с положением ст. 4 Закона РФ «О СМИ» не допускается упоминание запрещенных в России организаций без указания на то, что эта организация ликвидирована или запрещена. Так как данная работа опубликована в открытом доступе, то мы также приводим ниже список организаций, упоминающихся в диссертации, с основанием запрета их деятельности.

Запрещены в РФ на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015.

1. «Исламское государство»
2. «Джебхат ан-Нусра»

Запрещена в РФ на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2010 № ГКПИ 09-1715, вступило в силу 24.02.2010.

3. «Имарат-Кавказ»

Запрещены в РФ на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03 116, вступило в силу 04.03.2003.

4. «Аль-Каида»
5. «Талибан»
6. «Хизб-ат-Тахрир»
7. «Братья-мусульмане»

Список таблиц

Таблица 1. Информация о тиражах и режиме публикации анализируемых газет	45
Таблица 2. Распределение материалов по источникам и годам.....	48
Таблица 3. Общие коллокации для всех газет	69
Таблица 4. Примеры конкордансов лексемы «исповедовать», «принять»	70
Таблица 5. Прилагательные, относящиеся к лексеме «ислам», с указанием частоты их появления	72
Таблица 6. Конкордансы «чистый ислам»	80
Таблица 7. Категории определений ислама.....	86
Таблица 8. Глаголы, относящиеся к лексемам «ислам» и «мусульманин», с указанием частоты их появления	87
Таблица 9. «Рейтинг» упоминаемости различных течений в исламе.....	93
Таблица 10. Коллокации лексем «шиизм», «суннизм» и «алавизм» для субкорпуса 2010-2013 года.....	94
Таблица 11. Определения понятий, обозначающих столпы ислама.....	104
Таблица 12. «Закрытый» и «открытый» взгляд на ислам	110
Таблица 13. Ключевые слова по годам для всех газет	118
Таблица 14. Тематические категории конкордансов «радикальный ислам»	123
Таблица 15. Рейтинг экспертов.....	136
Таблица 16. Рейтинг представителей мусульманской общины	151
Таблица 17. Отрывки поздравлений Р. Гайнутдина, где он обращается к социально-политическому контексту	157
Таблица 18. Характеристика различных организаций политического ислама	167

Введение

Многие работы, посвященные современной социологии ислама, исходят из якобы не требующей доказательства предпосылки о доминировании негативного образа ислама или же о «проблемном» характере ислама. Наиболее красноречиво об этом говорят немногочисленные метаисследования состояния современного знания об исламе. Например, С. Ахмед и Й. Маттес проанализировали 345 исследований об образе ислама в СМИ с 2000 по 2015 год¹. Главным стимулом для появления этого направления исследований на Западе стал теракт 11 сентября 2001 года в США, затем всплеск публикаций наблюдался после других наиболее крупных атак. Большинство авторов в своих исследованиях так или иначе связывают образ ислама с терроризмом, насилием и миграцией. Такое смещение в определении предмета исследования по теме ислама происходит не только на уровне СМИ, но и на уровне академических исследований посредством воспроизводства ориенталистского подхода к выстраиванию негативного «образа другого».

Обращаясь к российским реалиям нельзя не отметить ограниченность подобной схемы. Во-первых, события 11 сентября не стали той «точкой невозврата», как это было показано упомянутыми выше исследователями, скорее нужно говорить об афганской войне, распаде Советского Союза и «чеченских войнах». Формирование политического образа ислама в современной России неизбежно сталкивается с фундаментальным противоречием на уровне общественных дискуссий. С одной стороны, укреплению негативного образа способствует историческая память о событиях, связанных с конфликтами с мусульманами. Также в последнее время все чаще происходит политизация ислама в связи с проблемой мигрантов и кризиса на Ближнем Востоке. С другой стороны, нельзя отрицать давнюю историю взаимодействия мусульманской общины с

¹ Ahmed, S., Matthes, J. (2017) "Media representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A meta-analysis", The International Communication Gazette 79(3): 219-244.

российским государством, на протяжении которой ислам выступал как неотъемлемая часть российского социокультурного пространства. Именно это противоречие обуславливает **актуальность** изучения проблемы комплексного анализа политического образа ислама.

В данной работе мы обратились к репрезентации образа ислама в российских СМИ. На данный момент средства массовой информации играют важнейшую роль во всех сферах жизни, являясь не только одним из основных источников знаний по актуальным проблемам, но и эффективным инструментом власти. Различные медийные практики способны оказывать решающее влияние на появление и закрепление социальных стереотипов, затем на появление конкретных моделей политического поведения, и в конечном счете на специфику функционирования того или иного политического режима.

Слабой стороной многих исследований, посвященных образу ислама в СМИ, является использование концепта исламофобии как своеобразной рамки (особенно это касается исследований по мигрантам в Европе²), упрощающей интерпретацию полученных данных. Гораздо более продуктивным представляется подробно рассмотреть политический образ ислама, транслируемый СМИ, и в рамках этого проанализировать механизмы, приведшие к появлению негативного образа ислама. Это позволит не исказить предмет исследования, исходя из неверной предпосылки.

Мы не можем полностью отказаться от использования концепта исламофобии. Однако уделив особое внимание различным языковым и дискурсивным стратегиям, способствующих формированию негативного образа ислама, появляется возможность избежать «концептуальной натяжки»

²См., например: Zunes, S. (2017) "Europe's Refugee Crisis, Terrorism, and Islamophobia", *Peace Review* 29(1); 1-6; Cifti, S. (2012) "Islamophobia and Threat Perceptions: Explaining Anti-Muslim Sentiment in the West", *Journal of Muslim Minority Affairs* 32(3): 293-309; Kaya, S. "Islamophobia in Western Europe: A Comparative, Multilevel Study", *Journal of Muslim Minority Affairs* 35(3): 450-465; Lathion, S. (2015) "Fight Islamophobia in Europe? Less Islam and Muslims and More Citizenship!", *Islam and Christian-Muslim Relations* 26(2): 133-144.

Дж. Сартори³ и отказаться от умозрительных тезисов в рассуждениях по проблеме исламофобии. На богатом эмпирическом материале мы с одной стороны рассматриваем разнообразие дискурсивных практик, способствующих появлению исламофобии, а с другой наиболее полно выстраиваем и весь образ ислама, транслируемый СМИ. **Основной исследовательский вопрос** следует сформулировать наиболее широко: как ислам представлен в современных российских СМИ? Отвечая именно на так широко сформулированный вопрос мы сможем максимально адекватно рассмотреть дискурс об исламе: его общую идейную направленность и частности, касающиеся его элементов.

Говоря о **степени разработанности проблемы**, следует отметить, что наблюдается довольно высокий интерес к теме ислама в России как среди отечественных, так и зарубежных авторов. Большая часть этих исследований находится в лоне «классического исламоведения», где изучается история и философия мусульманского мира, отдельные работы также можно отнести к социологии ислама.

Российская историография изучения ислама чрезвычайно богата и восходит своими корнями к трудам таких классиков отечественного востоковедения, как В. Бартольд⁴, В. Петрушевский⁵, В. Крачковский⁶.

Традиции «классического исламоведения» продолжают и многие современные авторы. Блестящим знатоком историографии и источниковедения раннего и средневекового ислама по сей день остается ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН С.М. Прозоров⁷. Под его редакцией в 1991 году вышел подробный энциклопедический словарь по исламу, не потерявший своей актуальности и по сей день⁸. Другой представитель «ленинградской школы» - В. Кныш⁹,

³Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. 2003. № 3-4.

⁴Бартольд В.В. Ислам. Петроград: Изд-во «Огни», 1918.

⁵Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV веках (курс лекций) / Ответственный редактор В.И. Беляев. Л., 1966.

⁶Коран / перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

⁷Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004.

⁸Ислам: Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Прозорова. М., 1991.

профессор Санкт-Петербургского государственного университета и Мичиганского университета, является одним из ведущих в России специалистов по суфизму. С 2013 года он возглавил Лабораторию по анализу и моделированию социальных процессов в СПбГУ. Согласно описанию на странице Лаборатории, этот проект «нацелен на рассмотрение исторических предпосылок и примеров создания «исламского государства» и осуществления «шариатского правления». На основе собранного и проанализированного материала из различных регионов мусульманского мира будет проведён анализ и последующее моделирование перспектив реализации этих исламских/исламистских концепций в современных условиях, в частности на территории РФ»¹⁰. Руководители и участники этого проекта ведут активную научную и просветительскую работу.

В московском Институте философии РАН с 1960 года ведется большая работа по изучению классического наследия и современному исламу. Благодаря работам А.В. Смирнова, М.Т. Степанянц, Е.А. Фроловой, И.Р. Насырова, Ю.Е. Федоровой, С.Н. Григоряна, А.В. Сагадеева, Г.Б. Шаймухамбетовой¹¹, а также подготовленных в аспирантуре и докторантуре ИФ РАН многочисленных специалистов по исламу в Татарстане, Таджикистане, Башкирии, Узбекистане, Казахстане появилась отечественная философско-исламоведческая школа, что позволило включить мусульманскую философскую и общественную мысль в «Историю

⁹ Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. Пер. с англ. М. Г. Романов. СПб.: «Издательство «ДИЛЯ»», 2004.

¹⁰ Лаборатория по анализу и моделированию социальных процессов СПбГУ. URL: <http://islab.spbu.ru/about-the-project/>

¹¹ История арабо-мусульманской философии: Учебник / Под ред. А.В. Смирнова. М.: Академический Проект, 2013; Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX—XX вв. М.: Наука, 1974; Фролова Е.А. Дискурс арабской философии. Отв. ред. серии А.В.Смирнов. М.: Языки славянской культуры, ООО «Садра», 2016; Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма: генезис и эволюция / Отв. ред. А.В.Смирнов. М.: Языки славянских культур, 2009; Федорова Е.Ю. Соотношение категорий «явное – скрытое»: иранская стратегия осмысления (на материале поэмы Мантик ат-тайр Фарид ад-Дина Атгара) // Рассыпанное и собранное: когнитивные приемы арабо-мусульманской культуры / Отв. ред. А. В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский дом ЯСК, 2017 (Философская мысль исламского мира: Исследования. Т. 10). С. 221-246; Григорян С.Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1966; Сагадеев А.В. Восточный перипатетизм. М.: Изд. дом Марджани, 2009; Шаймухамбетова Г.Б. Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция (начальный период). Москва, Наука, 1979.

философии» в 6 томах, а позже в 2010 году – в «Новую философскую энциклопедию» в 4 томах. Это работа продолжена Сектором философии исламского мира, сформированным в ИФ РАН в 2008 году. Сектором запущена серия «Философская мысль исламского мира», включающая в себя три основных раздела: «Переводы», «Исследования», «Учебники». За десять лет существования серии было опубликовано более 20 академических изданий. Кроме того, в 2010 году вышел первый номер журнала «Ишрак», первого в России периодического издания, специализирующегося на арабомусульманской философии. Также Сектор активно сотрудничает с Фондом исследований исламской культуры.

Л.Р. Сюкияйнен¹² на протяжении многих лет является фактически единственным в России специалистом по мусульманскому праву. В последнее время активно разрабатывает тематику современных вызовов, стоящих перед мусульманской общиной, а именно: проблемы терроризма¹³, прав человека¹⁴ и т.д.

Большое распространение в России получили региональные исследования ислама, в рамках которых изучаются специфика исламской традиции, история и политические особенности в различных регионах мира в исторической перспективе. Так, например, комплексное видение проблем ислама и общества в североафриканских государствах представлено в работах С.Э. Бабкина, М.Ф. Видясовой, Б.В. Долгова, В.И. Комара, В.В. Орлова, А.Д. Саватеева и других¹⁵. Анализ роли исламского фактора в ближневосточных обществах на разных исторических этапах представлен в

¹² Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., «Наука», 1986.

¹³ Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. С. 178 – 200

¹⁴ Сюкияйнен Л.Р. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №1. С. 24 – 43.

¹⁵ Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2000; Видясова М.Ф. Радикальные исламистские движения в Тунисе // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд, с. 258-281; Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире и Тунисе. 1970 – 2017 гг. М.: Ленанд, 2018; Комар В.И. Исламские политические движения в Северной Африке: генезис и типология. М., 2001; Орлов В.В. Традиционная социальная организация алауитского Марокко (середина XVIII - начало XIX века): концепции - структуры - взаимосвязи. М., 1998; Саватеев А.Д. Исламская цивилизация в тропической Африке. Москва: Ин-т Африки, 2006.

работах Д.Р. Жантиева, Г.Г. Косача, Е.С. Мелкумян, М.Б. Пиотровского, К.М. Труевцева¹⁶. Уделяется внимание и мусульманским сообществам Запада: здесь стоит отметить работы Е.Б. Деминцевой и И.Ю. Котина¹⁷. Отечественными исследователями также предпринимаются попытки комплексного осмысления проблемы радикализма в исламе на материале целого ряда регионов – одно из самых заметных исследований такого рода выполнено Р.Г. Ландой¹⁸. В.В. Наумкин помимо исследований, посвященных различным проблемам Ближнего Востока, обращается также к анализу феномена исламского радикализма¹⁹. И.В. Кудряшова на богатом региональном материале анализирует проблемы построения мусульманской идентичности, а также предлагает оригинальные теоретические модели для анализа таких понятий, как «фундаментализм», «религиозный терроризм» «дискурс политического ислама»²⁰.

Большой интерес среди исследователей наблюдается к проблемам ислама в России. Так, истории (от средневековой до современной) мусульманских сообществ в различных российских регионах посвящены работы: А.К. Аликберова²¹, Ю.Н. Гусевой²², Э.Ф. Кисриева²³, М.Ю. Рощина²⁴,

¹⁶ Жантиев Д.Р. Традиционная исламская мысль в османской Сирии в конце XIX - начале XX в. (на примере творчества шейха Йусуфа ан-Набхани) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2015. С 21-29; Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «политический аспект» реформ // *Rah islamica*. 2010. №1(4). С. 141 – 162; Мелкумян Е.С. Исламистские организации Кувейта: история возникновения и современное состояние // *Rah islamica*. 2012. № 1-2 (8-9). С. 452-471; Пиотровский М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества / Отв. ред. П.А. Грязневич. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985; Труевцев К.М. Ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств // *Россия и мусульманский мир*. 2016. № 6 (288). С. 122-146

¹⁷ Деминцева Е.Б. Быть «арабом» во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Котин И.Ю. Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб.: Наука, 2009.

¹⁸ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.

¹⁹ Naumkin, V.V. (2005) *Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle*, Boulder: Rowman and Littlefield.

²⁰ Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Политология. 2017. №4. С. 349-365; Кудряшова И.В. Культурно-религиозные ценности как ресурс общественно-политического развития // *Ислам в современном мире*. 2015. 11(2):65-74; Кудряшова И.В. Религиозный терроризм: концептуальные проблемы политического анализа // *Политическая наука*. 2018. №4. С. 54-68; Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // *Полис*. 2002. №1. С. 66-77; Кудряшова И.В. Идеологический дискурс политического ислама // *Политическая наука. Политическая идеология в современном мире: Сб. науч. тр. М.: РАН. ИНИОН, 2003. №4. С. 132-147.*

²¹ Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.). М.: ИФВЛ РАН, 2003.

²² Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: ООО «Офорт», 2013.

А. Хабутдинова²⁵, А.Б. Юнусовой²⁶, Ш. Шихалиева²⁷. Ф. Асадуллин является видным специалистом по истории мусульманской общины в Москве²⁸. Р. Беккин на богатом архивном материале исследует историю мусульман в Санкт-Петербурге²⁹. К различным аспектам взаимодействия мусульманских организаций и российского государства в своих последних работах обращается и ведущий специалист по исламу Ю.М. Почта³⁰. Отдельно стоит выделить богатое наследие крупнейшего специалиста по истории ислама в России и Центральной Азии – Д.Ю. Арапова³¹. Особое внимание исследователей привлекает анализ исламского фактора как угрозы безопасности в России. Этому посвящены работы И.П. Добаева³². Отдельно следует отметить многочисленные работы А.В. Малашенко, в которых он обращается к различным аспектам «мусульманского вопроса» в современной России³³. Кроме того, он является одним из самых востребованных экспертов и политических консультантов по данной тематике. Работы этнографа А. Ярлыкапова³⁴, посвященные преимущественно республикам Северного Кавказа, также вызывают большой интерес.

Что же касается попыток проанализировать современное коммуникационное пространство об исламе в России, то здесь можно

²³ Кисриев Э.Ф. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт. М., Росспэн. 2007.

²⁴ Роцин М.Ю. К истории ислама в Дагестане // Восточный социум и религия. М.: Институт востоковедения РАН, 2009.

²⁵ Хабутдинов А.Ю. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2016 — начале 2018 г. // Ислам в современном мире. 2018. -№ 14(2).-с. 25-42

²⁶ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Серия "Ислам в России" / Под ред. проф. А.В. Малашенко. Уфа, 1999.

²⁷ Шихалиев Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3. С. 134–169.

²⁸ Асадуллин Ф. Ислам в Москве. М.: Логос, 2007; Асадуллин Ф. Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: опыт прошлого и современность. М.: ИВ РАН, 2015

²⁹ Беккин Р.И. Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. М.-СПб.: Институт Африки РАН, 2016.

³⁰ Почта Ю.М. Значение ислама и роль мусульман в становлении современной российской государственности // Ислам в современном мире. 2015. № 11(4). С. 91-100.

³¹ Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001.

³² Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе: эволюция форм и методов специфической практики // Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе: эволюция форм и методов специфической практики. 2012. С. 132-140.

³³ Малашенко А.В. Надо ли бояться ислама? М. «Весь мир», 2017; Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Московский центр Карнеги, 2006.

³⁴ Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 134. М.: ИЭА РАН, 2000.

выделить ограниченный круг исследователей, обращающихся к данной проблеме. Основным профессиональным интересом В. Бобровникова является изучение ислама на Кавказе, и в Дагестане в частности. В том числе в своих исследованиях он часто обращается и к дискурс-анализу. Так, он исследует исламский дискурс визуальной пропаганды в 1918-1940 в Поволжье, на Кавказе и в Средней Азии³⁵, дискурс мусульманского сопротивления в Крымской войне³⁶, а также место исламского призыва на современном Кавказе посредством кино³⁷.

Другой известный исламовед, И. Алексеев, в целом ряде своих публикаций осмысляет современные процессы в мусульманском мире и место мусульманской общины в российском пространстве. Так, «хрестоматийной» стала его статья «Собирание расколотов уммы», где он подробно объясняет неэффективность использования искусственных терминов, связывающих ислам и радикализацию³⁸. А в одной из последних статей он подробно рассматривает некоторые закономерности складывания структуры знания об исламе в современной России. На эмпирическом материале высказываний ряда представителей профессиональных и социальных групп фиксируются дискурсивные стратегии, отлично иллюстрирующие искусственный характер построения «хорошего» и «плохого» ислама³⁹.

В. Малахов, ведущий специалист по теориям национализма и проблемам миграции, в последних своих публикациях также обращается к проблемам дискурса об исламе. В статье «Ислам в восприятии российского общества: сравнительно-политический аспект», написанной в соавторстве с

³⁵ Bobrovnikov, V. (2017) "Islamic Discourse of Visual Propaganda in the Interwar Soviet Orient (1918 – 1940)", *Islamology* 7(2): 53-73.

³⁶ Бобровников В.О. Крымская война на русском Кавказе: идеология фронта и дискурс мусульманского сопротивления // *The Crimean War, 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals* / Ed. by J. W. Borejsza. Warsaw: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2011, p. 299–332.

³⁷ Бобровников В.О. Исламский призыв (да'ва) на Кавказе XXI в. средствами кино: попытка дискурсивного анализа // *Восток*. 2011. № 4. С. 46–64.

³⁸ Алексеев И.Л. Собирание расколотов уммы: фундаментализм как реинтерпретация исламской истории // *Ab Imperio*. 2003. №4.

³⁹ Alexeev, I., Ragozina, S. (2017) "From 'Good' to 'Right' Islam: The Categories and Concepts in the Modern Russian Analytics and ideology Language", *Islamology* 7(1): 88-105.

Д. Летняковым, проанализировано место дискуссий об исламе в публичном пространстве современной России⁴⁰. Авторы делают неоднозначный вывод об отсутствии политического рынка, на котором было бы востребовано негативное отношение к исламу, по причине «автохтонного» характера ислама для России и специфики российской политической системы. В то же время они фиксируют определенное перетекание западной повестки в российские медиа, связанное с настороженным отношением к исламу, а также «конфессионализацию» и рост исламской составляющей в общественных дебатах о миграции. Также В. Малахов анализирует нарративы исламофобии в Западной Европе и выявляет фундаментальные причины сложившейся ситуации⁴¹. В уже ставшем хрестоматийном противостоянии «радикализации ислама» и «исламизации радикализма», которое, как правило, ассоциируется с двумя французскими исламооведами Ж. Кепелем и О. Руа соответственно, В. Малахов последовательно развивает «социологический» подход О. Руа. «Скорее, речь должна идти об исламизации радикализма. Если в конце XX века сторонники революционного переустройства мира группировались под красным знаменем, то в начале XXI — под зеленым. Радикальный исламизм играет в наши дни примерно ту же роль, какую в 1970-е играл радикальный марксизм. Тогда всякого рода «красные бригады» терроризировали западную публику потому, что считали, что только так можно побороть капитализм. Теперь эта функция перешла к джихадистам, объявившим своим врагом не только определенный тип общественного устройства, но весь западный мир как таковой»⁴².

Ряд исследователей обращается к специфике формирования дискурса исламского радикализма. Например, А.А. Игнатенко исследует феномен «виртуального джихада» и рассматривает особенности исламистского

⁴⁰ Малахов В., Летняков Д. Ислам в восприятии российским обществом: сравнительно-политический аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №2. С. 248–271.

⁴¹ Малахов В. Грозит ли Европе исламизация? // Отечественные записки. 2013. №1 (52). URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/1/24m.html>

⁴² Малахов В. Не радикализация ислама, а исламизация радикализма // Сноб. 29.07.16. URL: <https://snob.ru/profile/30596/blog/111653>

сегмента интернет-пространства⁴³. Его внимание сосредоточено не только на глобальном контексте, но и на российских реалиях – этому посвящено отдельное исследование⁴⁴. Отдельного внимания заслуживает работа К.А. Кадыровой, А.А. Куделина и А.А. Лукашева, где на богатом эмпирическом материале рассматривается трансформация концепции джихада с VIII по XX века⁴⁵. Несколько работ А. Маточкиной посвящены наследию Ибн Таймийи, в том числе и современным интерпретациям его концепции джихада⁴⁶.

Среди других исследователей, также так или иначе обращающихся к изучению различных аспектов исламского дискурса следует отметить С. Абашина, Е. Капустину, И. Саетова⁴⁷.

Наконец, профессор Амстердамского университета М. Кемпер в своих последних работах обращается к языку мусульманского сообщества в России. К той же теме (в числе прочего) обращается и профессор Европейского Университета А. Бустанов⁴⁸. Одним из самых значимых результатов их совместной работы стал сборник статей, как раз посвященный исламскому дискурсу в России, который, к сожалению, из-за того, что был издан за рубежом, не стал широко известен отечественным исследователям⁴⁹. Сам же А. Бустанов подробно анализирует ориенталистскую парадигму в изучении ислама в России, используя прежде всего архивные материалы XIX века⁵⁰.

⁴³ Игнатенко А.А. Виртуальный джихад // Ислам и политика. М., 2004.

⁴⁴ Игнатенко А.А. InterТеррор в России. Улики. М., 2005.

⁴⁵ Кадырова К.А., Куделин А.А., Лукашев А.А. Джихад многоликий. СПб: Культ-информ-пресс. 2015.

⁴⁶ Маточкина А.И. Образ ибн Таймийи на материале русскоязычных интернет-источников // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. №2. С. 63-80.

⁴⁷ Абашин С. Геллнер, “потомки святых” и Средняя Азия: между исламом и национализмом // Ab Imperio. 2004. №3; Капустина Е. Рынок исламских товаров и услуг в Дагестане: практики потребления и общественные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 176-202; Саетов И.Г. Вызов модерну из центра Стамбула: джамаат “Исмаил Ага” в общественной жизни Турции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3-2. С. 90-97.

⁴⁸ Bustanov, A.K. (2012) *Settling the Past: The Soviet Oriental Projects for Kazakhstan, 1920s–1980s*. PhD Thesis. Amsterdam.

⁴⁹ Bustanov, A., Kemper, M. (eds.) (2012) *Islamic Authority and the Russian Language. Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*. Netherlands: Pegasus.

⁵⁰ Bustanov, A.K. (2015) “Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations”, *Central Asian studies series* 29; Bustanov, A. (2011) “The sacred texts of Siberian Khwāja families: the descendants of Sayyid Ata”, *Journal of Islamic Manuscripts* 2(1): 70-99.

Что же касается западных исследований, то здесь ситуация иная. Не затрагивая огромный пласт работ, посвященных позиционированию ислама в публичном пространстве, даже такая, казалось бы, узкая тема «репрезентация ислама в СМИ» представлена целым исследовательским направлением. Фактически по любой западной стране можно обнаружить такие исследования⁵¹.

Таким образом, с определенной степенью уверенности можно говорить о востребованности появления отдельного направления, посвященного изучению социологии российского ислама и дискурсов об исламе, в частности. Так как нами не было обнаружено работ, подробно анализирующих образ ислама в российских СМИ, то представляется, что данное исследование может заполнить данную лакуну и стать органичной частью складывающегося направления исследований.

Объектом исследования являются материалы по теме ислама в современных российских печатных СМИ.

Предметом исследования – дискурс об исламе в современных российских печатных СМИ 2010 – 2017 гг.

Основная цель исследования: выявить основные элементы и механизмы формирования политического образа ислама в российских печатных СМИ.

Для достижения указанной цели, нами были поставлены следующие **задачи исследования:**

1. Описать выбранный методологический подход критического дискурс-анализа, обосновать выбор теории критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу и методов корпусной лингвистики.

2. Проанализировать основные тенденции в современных исследованиях по исламу; рассмотреть опыт изучения образа ислама, в том числе с применением дискурс-анализа и методов корпусной лингвистики.

⁵¹ Dahinden, U., Koch, C., Wyss, V., Keel, G. (2011) “Representation of Islam and Christianity in the Swiss Media”, *Journal of Empirical Theology* 24: 197-208; Kabir, N. (2006) “Representation of Islam and Muslims in the Australian Media, 2001–2005”, *Journal of Muslim Minority Affairs* 26(3): 313-328; Jackson, L. (2010) “Images of Islam in US Media and their Educational Implications”, *Educational Studies*. 46: 3-24.

3. Выявить основные дискурсивные стратегии выстраивания политического образа ислама, проанализировав паттерны лексической сочетаемости леммы «ислам» и «мусульмане».

4. Определить семантическое поле исламофобии в дискурсе об исламе, проанализировав контекст употребления наиболее частотных категорий «радикального» и «традиционного» ислама.

5. Описать акторную структуру дискурса об исламе, а именно: выявить основные нарративы дискурса экспертного сообщества, представленного в СМИ, проанализировать риторику официальных представителей мусульманского сообщества, а также идентифицировать образ мусульман, в наибольшей степени используемый для формирования негативного образа ислама («исламистские группировки», «неофиты», «мусульманские женщины»). Также делается попытка осмысления, какую роль описанные дискурсивные стратегии занимают в более широком российском политическом контексте.

6. Проанализировать востребованность выявленных инструментов выстраивания негативного образа ислама в других типах дискурса, например, в официальном политическом дискурсе об исламе, транслируемом различными государственными органами, а также в официальном исламском дискурсе, транслируемом представителями мусульманского сообщества.

Теоретико-методологические подходы и методы

Теоретико-методологической основой данного исследования послужил ряд теорий, преимущественно из области критического дискурс-анализа. Так, в основу легла тексто-ориентированная концепция Н. Фэрклоу, изложенная им в работе 1989 года «Язык и власть». В ней он подробно излагает теоретическую схему «текст – его интерпретация – контекст», что оказалось наиболее востребовано в данной работе.

Понятие «политического образа» чаще всего употребляется в области политического маркетинга, зачастую в одном ряду с понятием «политического бренда», или же в области семиотики, если акцент делается

на визуальном образе. Однако Н. Фэрклоу удалось преодолеть ограничения обоих подходов и предложить определение политического образа, с одной стороны, органично вписывающееся в логику его дискурс-аналитической теории, а с другой – что гораздо важнее для нас – адаптированное для анализа медийного материала. «Газеты, как правило, предлагают конкурирующие (а иногда и совпадающие) версии истины, каждая из которых основана на неявном утверждении, что репрезентация событий может быть прозрачной, а перспектива – универсальной. Этот миф и лежит в основе деятельности СМИ: предлагать образы и категории реальности, позиционировать и формировать социальные объекты, тем самым способствуя закреплению определенной системы социального контроля и воспроизводства значений»⁵². Таким образом, определение политического образа, которым мы оперируем в данном исследовании, может быть сформулировано следующим образом: это элемент реальности, за которым посредством идеологически обусловленной реализации тех или иных дискурсивных стратегий закрепляется определённый набор политических признаков.

Выходя за рамки критического дискурс-анализа, мы также обращались и к постструктуралистской теории Э. Лакло и Ш. Муффа о гегемонистском дискурсе⁵³. Идея об «интервенции гегемонии» была проиллюстрирована формированием дискурса о радикальном исламе. Идея гегемонистского дискурса используется в работе Н. Гронской и В. Макарычева. В своей статье они выявляют основные источники формирования «кремлевского олимпийского дискурса» до, во время и после проведения Зимних олимпийских игр 2014 года⁵⁴. Некоторые методологические шаги, предпринятые в рамках данного исследования, были частично использованы и в данной работе.

⁵² Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*, p. 161. Cambridge

⁵³ Laclau, E., Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics* London, New York: Verso. Second Edition,

⁵⁴ Gronskaya, N., Makarychev, A. (2014) "The 2014 Sochi Olympics and "Sovereign Power"", *Problems of Post-Communism*, 61(1): 41-51.

При анализе современного состояния изучения ислама мы обратились к теории ориентализма Э. Саида и к критике сложившейся ориенталистской парадигмы изучения ислама, а именно к теориям Б. Тёрнера и Т. Асада. В то время как Б. Тёрнер акцентирует внимание на причинах сложившегося положения дел, апеллируя к доминирующему подходу понимающей социологии М. Вебера, Т. Асад предлагает ответ на вопрос, как следует изучать ислам: не вводить искусственные маркеры, вроде «ортодоксальный-неортодоксальный», а изучать «дискурсивную традицию, которая сама по себе обращается к концепциям прошлого и будущего, с особым интересом к исламской практике в настоящем»⁵⁵.

Наконец, что касается методов данного исследования, то мы используем инструментарий корпусной лингвистики. Отличительной чертой данного направления является применение количественных методов, например, для вычисления частоты появления того или иного лингвистического явления и последующей интерпретацией данного факта. П. Бейкер выделяет несколько преимуществ использования данного метода. Во-первых, это максимальная объективность исследования – выявление статистически значимых лингвистических элементов при анализе большого массива информации уменьшает вероятность субъективной категоризации (как это бывает в контент-анализе). Во-вторых, использование методов корпусной лингвистики позволяет наиболее подробно описать дискурс – как в статичном, так и в динамичном состояниях. И, в-третьих, это методологическая триангуляция, заключающаяся в эффективной комбинации количественных и качественных методов, что в свою очередь ведет к повышению верифицируемости полученных выводов⁵⁶.

Работа с корпусом выполнялась в онлайн-интерфейсе Sketch Engine, разработки специалистов из Университета Бирмингема, а также в бесплатной программе Antconc.

⁵⁵ Asad, T. (1986) "The Idea of an Anthropology of Islam", Occasional Papers Series. Center for Contemporary Arab Studies Georgetown University.

⁵⁶ Baker, P. (2006) Using Corpora in Discourse Analysis, pp.10-17. Continuum.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили материалы 6 российских общенациональных газет за период с 1.01.2010 по 31.12.2017: Российская газета, Коммерсант, Комсомольская правда, Московский комсомолец, Независимая газета (включая приложение НГ-Религии), Новая газета. Материалы взяты из онлайн-архива Интегрум⁵⁷. Общее количество анализируемых статей – 20 699.

Научная новизна

В рамках работы впервые предлагается комплексный анализ политического образа ислама в российских СМИ, а также анализируются дискурсивные стратегии и семантическое поле исламофобии, чего ранее также не делалось в исследованиях, посвященных современному дискурсу об исламе в России. Само по себе формирование столь обширного и довольно глубокого корпуса газетных публикаций об исламе уже можно считать большим достижением для отечественной науки. Впервые в одном месте в электронном формате собраны все публикации в ведущих российских газетных изданиях, где так или иначе затрагивается тема ислама. Нами рассматривается возможность разработки специального софта, чтобы собранные материалы можно было использовать в удобном поисковом интерфейсе. Созданная база данных может быть использована для других исследований о различных аспектах ислама в России, а также для сравнительных исследований политических образов ислама в России и в европейских странах.

Практическая значимость

Теоретико-методологический аспект данной работы определяет ее практическую значимость. Подробно описанный и апробированный на примере позиционирования ислама в медийном пространстве синергетический подход критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики может быть использован в целом ряде других направлений

⁵⁷ Интегрум, <https://www.integrum.ru/>.

политологических исследований, например: оценка эффективности предвыборных кампаний, механизмы формирования образов мигрантов, радикальных политических партий и прочее. В свете меняющейся структуры медийного пространства приоритетной видится также возможность его применения для анализа социальных сетей. Появившийся на стыке наук – критической теории, лингвистики, политологии и социологии – данный подход значительно обогащает и расширяет возможности политического анализа как такового.

В рамках диссертационного исследования выдвинут ряд **положений, выносимых на защиту:**

1. Среди основных дискурсивных стратегий выстраивания негативного образа ислама следует выделить следующие: формирование дихотомии «свой-чужой» на примере противопоставления радикального и традиционного ислама, унификация восприятия мусульманской общины (например, невнимание к различиям многочисленных направлений в исламе), криминализация нейтральных коннотаций ряда лексем, связанных с исламом (например, «мусульманская литература» или «мусульманский праздник»), а также неверная интерпретация мусульманских терминов, способствующая стигматизации в восприятии ислама.

2. Дискурсивные стратегии способствуют формированию негативного политического образа ислама, следовательно, исламофобия в дискурсе российских печатных СМИ представляет собой не что иное, как набор отдельных артикуляций, способствующих стигматизации восприятия ислама. Исламофобия не является цельной идеологией: негативный образ является лишь отдельным элементом различных дискурсивных полей (например, дискурса антиамериканизма или секьюритизации миграции).

3. Понимание фрагментарного характера исламофобии позволяет преодолеть ограничения ориенталистского видения ислама «как проблемы».

4. Основными «выгодополучателями» использования негативного образа ислама выступают представители экспертного сообщества,

способствующие секьюритизации «исламской проблемы», а также представители официального мусульманского духовенства, которые используют данную проблему для собственной легитимации в глазах правящего режима.

5. Выявленные стратегии формирования негативного образа ислама востребованы не только в газетном, но и иных типах дискурса.

Апробация результатов исследования

Основные положения работы сформулированы в ряде публикаций общим объемом около восьми печатных листов.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в Scopus

1. [Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: дискурс исламофобии в российских СМИ](#) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №2. С. 272–299.
2. [Исламская реформация: позитивный проект или искусственный концепт?](#) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 51–76.
3. [Об антиориенталистской социологии ислама Б. Тёрнера](#) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 297–310.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в ВАК

4. [Анализ лексической сочетаемости леммы «ислам» в российских печатных СМИ \(2010–2013\)](#) // Исламоведение. 2017. №1. С. 112–130.

Другие публикации по теме диссертации

5. [Zwischen Anerkennung und Diskriminierung: Islam in Russland](#) // OST-WEST. Europäische Perspektiven. 2018. №3. S. 203–209.
6. [Не ест багет и носит бороду – значит радикал? \(рецензия на: Религии и радикализм в постсекулярном мире / Под ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М., 2017\)](#) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 3. С244–253.
7. Alexeev, I., Ragozina, S. (2017) [“From 'Good' to 'Right' Islam: The Categories and Concepts in the Modern Russian Analytics and ideology Language”](#), Islamology 7(1): 88-105.

8. [Мечты о мусульманской солидарности в борьбе с неокOLONИализмом. Рецензия на книгу Джемиля Айдына «Идея мусульманского мира. Глобальная интеллектуальная история» // Islamology. 2017. Т. 7\(1\). С. 215-219.](#)
9. Интернет-пространство радикального политического ислама Северо-Восточного Кавказа // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / отв. ред. А.Д. Саватеев, Н.А. Нефляшева, Э.Ф. Кисриев. М., 2017. С. 112–130.
10. Политизация истории халифата при правлении четырех праведных халифов 632 – 661 гг. в трудах современных мусульманских мыслителей // История – поле сражения / отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2015. С. 115 – 151.
11. [Дискурс политического ислама \(на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа\)](#) М.: Изд. дом «Либроком», 2013.

Теоретические и методологические наработки, результаты эмпирических исследований были представлены на российских и зарубежных научных конференциях.

1. Conference “Villains! Constructing Narratives of Evil”, Justus-Liebig-Universität, Gießen, February 2019. Paper “‘Banality of Islamic Evil’: Routinization of Islamophobic Practices in Russian media and Society”
2. Conference “European Languages as Muslim lingua franca”, Amsterdam University, December 2018. Paper “Talking on Islam and on behalf of Islam: Discourses of Experts on Islam and Official Muslims as two sides of the same coin”.
3. XXIX Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». СПбГУ, Санкт-Петербург, июнь 2017. Доклад на тему «Концепт исламофобии в западной и российской историографии».
4. International Conference “Image of Islam in Russia”. Uppsala University, Uppsala, Sweden, October 2016. Paper “Image of Islam in Contemporary Print Media”.
5. Коллоквиум «Молодежь в мировом исламистском движении». Институт Африки РАН, Москва, июнь 2016. Доклад на тему «Формирование образа

ИГИЛ в российских печатных СМИ: к проблеме эффективности медийного противодействия».

6. II Конференция «Власть и насилие в незападных обществах». Москва, май 2016. Доклад на тему «К проблеме изучения исламофобии в современном мире».
7. Всероссийская конференция «История востоковедения: традиции и современность». Институт востоковедения РАН, Москва, ноябрь 2015. Доклад на тему «Опыт применения инструментария корпусной лингвистики в исламских исследованиях».
8. XXVIII Международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». СПбГУ, Санкт-Петербург, апрель 2015. Доклад на тему «Дискурс об исламе в российских печатных СМИ»
9. II Съезд молодых востоковедов стран СНГ на тему «Восточные общества: традиции и современность». Институт востоковедения РАН, Институт востоковедения НАН Азербайджана им. акад. З.М. Буниятова. Азербайджан, Баку, ноябрь 2013. Доклад на тему «Концепция истории в современной исламской философии».
10. VI Международная научная конференция Российской Ассоциации исследователей женской истории «Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее». КБГУ им. Х.М. Бербекова. Нальчик, октябрь 2013. Доклад на тему ««Исламский феминизм» или «феминистический ислам»: о философии современных женских движений в исламских обществах».
11. II Всероссийский Круглый стол молодых кавказоведов «Источники по истории народов Кавказа как фактор формирования исторической памяти и идентичности». Институт Востоковедения РАН. Москва, февраль 2013. Доклад на тему «Процесс формирования исторической памяти о второй чеченской войне в интернет-источниках Северо-Восточного Кавказа».

Структура работы соответствует задачам исследования. Первая глава посвящена методологии и методам исследования: выделены основные

элементы теории Н. Фэрклоу, подробно обоснован выбор инструментария корпусной лингвистики, операционализованы основные понятия.

Вторая глава носит историографический характер. В первом параграфе выявлены основные тенденции современной структуры знания об исламе. Во втором параграфе приведен обзор исследований, применяющих комплексный методологический подход критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики. Наконец, третий параграф посвящен обзору исследований по проблемам репрезентации ислама в СМИ.

Три последующие главы посвящены основным результатам проведенного эмпирического исследования. В третьей главе дана общая характеристика сформированного корпуса, а затем подробно описано пять наиболее значимых дискурсивных стратегий, способствующих появлению негативного образа ислама.

Четвертая глава посвящена анализу семантического поля исламофобии. В первом параграфе предпринята попытка операционализовать данное понятие на основе имеющегося исследовательского опыта, затем подробно проанализированы контексты употребления наиболее частотных фраз «радикальный» и «традиционный» ислам для определения специфики исламофобии в российских СМИ.

В пятой главе мы сосредоточились на акторной структуре дискурса об исламе. Сначала была проанализирована риторика тех, кто говорит про ислам и от имени ислама – экспертное сообщество и лидеры российского мусульманского сообщества соответственно. Также был проанализирован и образ «молчаливого большинства», включающего в себя «исламистские группировки», «неофитов» и «мусульманских женщин», в наибольшей степени способствующий формированию негативного образа ислама.

Наконец, в шестой главе мы обратились к анализу официального политического, транслируемого рядом государственных органов, и официального мусульманского, транслируемого представителями мусульманского сообщества, дискурсов, чтобы проиллюстрировать

востребованность выявленных стратегий конструирования негативного образа ислама в других типах дискурса. На примере отдельных материалов будет показано, как идея «борьбы с исламом» перетекает из официального дискурса в медийный и наоборот, а также, как она занимает доминирующее положение в дискурсе. Также на примере анализа «Социальной доктрины российских мусульман» будут выявлены схожие с медийным дискурсом стратегии выстраивания образа «правильного традиционного ислама».

Глава 1. Методология и методы исследования

§1.1. Специфика инструментария корпусной лингвистики

В самом широком своем значении корпусная лингвистика представляет собой изучение языка, основанное на примерах его использования в реальной жизни⁵⁸. Отличительной чертой корпусной лингвистики является применение количественных методов, например, для вычисления частоты появления того или иного лингвистического явления с последующей интерпретацией данного факта.

Е. Тогнини-Бонелли в своей работе 2001 года впервые указала на наличие двух принципиально разных подходов в рамках корпусной лингвистики: *corpus-based* и *corpus-driven*. Представляется, что на русский язык адекватнее всего было бы перевести как «исследования, основанные на корпусе» и «управляемые корпусом». В рамках первого подхода, корпус данных используется для проверки выдвинутой ранее гипотезы, а корпусная лингвистика как таковая понимается в первую очередь как совокупность методов. Другой подход исходит из того, что корпус сам по себе должен являться источником гипотез, «корпус сам по себе воплощает свою собственную теорию языка»⁵⁹.

Отсюда следуют и различные способы формирования корпуса. Т. МакЭнери и А. Харди выделяют три вида корпусов по типам их формирования. *Мониторные* корпуса увеличиваются с течением времени, отражая, таким образом, новые явления в языке. Примером таких корпусов может служить «Bank of English», разрабатываемый с 1980-х годов в Университете Бирмингема (Англия), *Contemporary American English*. Национальный Корпус русского языка, создаваемый в рамках Института русского языка им. Виноградова В.В. РАН при участии множества других исследовательских центров⁶⁰, также может быть отнесен к данному виду корпусов. Далее Т. МакЭнери и А. Харди говорят о таком сравнительно

⁵⁸ McEnery, A., Wilson, A. (1996) *Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.

⁵⁹ Tognini-Bonelli, E. (2001) *Corpus Linguistics at Work*, pp. 65-101. John Benjamins Publishing Company.

⁶⁰ О проекте // Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/corpora-about.html>, доступ от 12.03.2018].

новом виде корпусов как «*Веб как корпус*», где вся совокупность интернет-ресурсов выступает в качестве корпуса. И наконец, последний вид корпусов – *выборочные*, ориентированные на «представление определенного типа языка в определенный период времени». Отечественный ученый А.Н. Баранов, называет такие виды корпусов «исследовательскими». В предложенной им классификации мониторным корпусам соответствуют динамические (хотя в этой же группе есть и статические корпуса); также автор выделяет иллюстративные корпуса, которые «создаются после проведения научного исследования: их цель не столько выявить новые факты, сколько подтвердить и обосновать уже полученные результаты»⁶¹.

В данной работе мы используем корпусную лингвистику как метод и, соответственно, оказываемся в рамках «corpus-based» подхода и сформированный нами корпус может быть отнесен к группе выборочных или иллюстративных.

Теперь стоит подробнее остановиться на ключевых понятиях корпусной лингвистики, которые были использованы в данном исследовании.

Корпус как таковой в лингвистике может быть определен как «примерная совокупность высказываний, отобранных для анализа и представленных в виде письменного текста, магнитофонной записи и т.п.»⁶². В нашем случае речь идет именно о корпусе текстов. Так как корпусная лингвистика выступает в качестве метода при реализации дискурс-анализа, то одной из основных содержательных задач данной работы является выявление основных паттернов лексической сочетаемости ряда слов для наиболее подробного построения концепта «ислама» в дискурсе российских печатных СМИ. Иными словами, нам важно собрать как можно больше смыслов, которыми наделяется ислам в указанном дискурсе. Анализируя не

⁶¹ Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2001.

⁶² Корпус // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [<http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/13.htm>, доступ от 12.03.2018].

только непосредственно лексему⁶³ «ислам», но и тематически связанные с ней понятия (например, «хадж», «мазхаб» и др.) представляется возможным выявить многочисленные коннотации, тем самым подробно описав семантическое поле анализируемого концепта. Здесь важную роль играют коллокации. Самое общее определение данного термина звучит следующим образом: «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии»⁶⁴. Например, «темный» лучше сочетается со словом «ночь», чем со словом «человек». В различных специализированных словарях можно найти важные дополнения. Так, Оксфордский словарь медиа и коммуникаций указывает на такой существенный признак коллокаций как «периодичность и предсказуемость совместного появления слов»⁶⁵. В определении, приведенном в Глоссарии корпусной лингвистики, акцентируется внимание также и на контексте: «факт появления определенных слов в комбинации с другими словами в определенном контексте»⁶⁶. Применение статистических методов в корпусной лингвистике позволяет также акцентировать внимание на характеристике коллокаций, актуализированной именно для этого исследования. Так как нам было важно выявить наиболее значимые лексические сочетания, то на одном из этапов нашего исследования в центре нашего внимания оказались только статистически значимые сочетания.

Другим важным элементом анализа в рамках корпусной лингвистики являются конкордансы. Под конкордансом понимается «список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник»⁶⁷. Синонимом конкордансов является «ключевое слово в контексте» - *key word in context*, и зачастую используется аббревиатура KWIC. Программы, в которых реализуется процедура поиска тех или иных лексем, позволяют

⁶³ Совокупность всех словоформ слова; лемма – исходная форма лексемы.

⁶⁴ Коллокация // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm, доступ от 12.03.2018].

⁶⁵ Chandler, D., Munday, R. (2011) “Collocation”, in Dictionary of Media and Communication. Oxford University Press. [<http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199568758.001.0001/acref-9780199568758-e-0385>, accessed on 12.03.2018].

⁶⁶ Baker, P., Hardie, A., McEnery, T. (2006) Glossary of Corpus Linguistics, p. 36. Edinburgh University Press.

⁶⁷ Грудева Е.В. Корпусная лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2012. С.79.

наглядно визуализировать полученные результаты, размещая искомое слово в середине рабочего окна. Большинство программ позволяют по-разному сортировать полученные результаты: по части речи слова, предшествующего слову-запросу, по алфавиту и так далее. Построение конкорданса, таким образом, представляется эффективным инструментом при анализе контекста. При применении данного инструмента в рамках дискурс-анализа стоит также отметить важный методологический момент. Сколько конкордансов нужно проанализировать, чтобы получить представление о контексте запрашиваемого слова? Например, на запрос «ислам» - именно «ислам», а не всех его словоформ – программа выдает несколько сотен конкордансов. Влиятельный лингвист Дж. Синклэр указывает на то, что достаточно выбрать 30 конкордансов и подробно их проанализировать, остальные не дадут ничего нового для анализа⁶⁸. В ряде случаев мы руководствовались этим принципом, иногда, однако, отдавая предпочтение «сплошному анализу», когда каждый конкорданс имел значение.

При анализе конкордансов можно выявить семантическую просодию анализируемого концепта и просодию дискурса. Термин «просодия» относится к разделу фонетики, и часто синонимичен понятию интонации. «Часто выделяются следующие элементы (компоненты) просодии: речевая мелодия, ударение, временные и тембральные характеристики, ритм, для тональных языков — словесные тоны»⁶⁹. Составители Глоссария корпусной лингвистики разделяют понятия «семантической просодии» и «просодии дискурса»⁷⁰. Термин «семантической просодии» они связывают с именем Б. Лоу, однако по его собственному утверждению Дж. Синклэр оперировал данным понятием еще в 1988 г. во время неформальной дискуссии с ним⁷¹. Данное понятие связано с идеей о том, что слова появляются совместно с некоторой семантической группой или же с некоторыми отдельными

⁶⁸ Sinclair, J. (1999) "A way with common words", in *Out of Corpora: Studies in honour of Stig Johansson*. Rodopi.

⁶⁹ Просодия // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: [<http://www.tapemark.narod.ru/les/401c.html>, доступ от 12.03.2018].

⁷⁰ Baker, P., Hardie, A., McEnery, T. Op. cit, pp. 58-59, 145.

⁷¹ Baker, M., Francis, G., Tognini-Bonelli, E. (2003) *Text and Technology* : In Honour of John Sinclair, p. 158. John Benjamins Publishing Company.

словами. Например, слово «волосы» связано с семантической группой «длина» и «цвет»⁷². Просодия дискурса – более узкое понятие. И, в отличие от семантической просодии, включает в себя оценочный компонент. Иными словами, связь ключевого слова с той или иной семантической группой является основанием для выделения негативных или позитивных аттитюдов. Подробное описание данного термина представлено в одной из работ М. Стаббса⁷³. Российские исследователи М.В. Сергеева и В.В. Денисова с опорой на работу А. Партингтона⁷⁴ довольно четко характеризуют суть явления семантической просодии (хотя, фактически речь идет о просодии дискурса в изложенной выше логике Глоссария корпусной лингвистики): «в рамках теории семантической просодии высказывается мнение о том, что каждое слово «подготовлено» или «настроено» (primed) теми контекстами, в которых мы его обычно встречаем»⁷⁵. Выявление просодии дискурса в рамках анализа дискурса об исламе, на наш взгляд, чрезвычайно важно, так как именно этот инструмент позволяет проверить гипотезу об его исламофобском характере.

Несмотря на то, что корпусная лингвистика как направление возникла сравнительно недавно, в рамках нее уже сформировались и продолжают формироваться новые подходы, акцентирующие внимание на различных предметах анализа. Подход, центральными идеями которого являются «коллокация» и «дискурс», принято называть неоферсианским или неоферсианская корпусная лингвистика. Названная по имени основателя Дж. Р. Ферса, она получила свое развитие благодаря группе лингвистов Бирмингемского Университета, на многих из которых мы уже ссылались выше, а именно – Б. Лоу, М. Стаббс, Е. Тогнини-Бонелли и некоторых других, во главе с Дж. Синклэром, признанным ведущим специалистом в

⁷² Baker P., Hardie, A., McEnery, T. Op. cit, p.145

⁷³ Stubbs, M. (2001) *Words and Phrases. Corpus Study of Lexical Semantics*. Blackwell Publishing.

⁷⁴ Partington, A. (2004) “Utterly content in each other’s company: Semantic prosody and semantic preference”, *International Journal of Corpus Linguistics* 9(1): 131-156.

⁷⁵ Денисова В.В., Сергеева М.В. Изучение семантической просодии слова на базе анализа корпусов // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2012. № 18. С. 86.

этой области⁷⁶. Представляется необходимым подробнее рассмотреть основные его принципы и обосновать его выбор в данном исследовании.

Центральная роль коллокаций в анализе. В основе данного положения лежит мысль о том, что более адекватным источником вычленения смыслов является не лексема, а комбинация лексем. Смысл анализируемой лексемы обусловлен паттерном появляющихся вместе с ним других лексем. Дж. Синклэр называет такой методологический принцип – принципом идиом, заключающимся в следующем. «Говорящий имеет в своем распоряжении большое число полуоформленных фраз, которые представляют собой уже готовые единицы, даже несмотря на то, что при анализе их можно разбить на сегменты.⁷⁷ В некоторых случаях это может отражаться и в ситуациях взаимодействия между людьми: это явление может быть проиллюстрировано естественным стремлением к экономии усилий...» Продолжая рассуждение в этой логике, применительно к нашему предмету исследования, можно сказать, что коллокации отражают основные типы дискурсов, воспроизводимых СМИ об исламе.

Каков принцип отбора коллокаций для анализа? Первый подход заключается в использовании статистических тестов в ходе выявления коллокаций. Преимуществом такого подхода является собственно использование количественного метода, позволяющего говорить о статистически значимых результатах. Чаще всего используются такие статистические тесты, как t-критерий Стьюдента (t-score) и функция взаимной информации (mutual information). Не вдаваясь в математические основы данных процедур, следует обратить внимание на различие в содержательной стороне, отражающееся на результатах. Первый тест показывает «уверенность» коллокации и дает информацию о грамматическом поведении слова (в качестве коллокаций в первую очередь он показывает служебные слова), второй – «силу» и демонстрирует лексическую

⁷⁶ McEnery, T., Hardie, A. Op. cit, p. 122.

⁷⁷ Sinclair, J. (1991) *Corpus, Concordance, Collocation*, p. 110. Oxford University Press. Перевод данного предложения по Копотов М. Введение в корпусную лингвистику: учебное пособие для студентов. Прага, 2014.

сочетаемость⁷⁸. Тем не менее, М. Стаббс выделяет две главные слабые стороны статистического метода. Во-первых, это предположение любого статистического теста о случайном характере выборки, что естественно, не относится к анализируемым текстам. Во-вторых, во многих случаях «уровни совместной встречаемости настолько высоки, что сослаться на уровень вероятности довольно бессмысленно»⁷⁹. Здесь речь идет в первую очередь об устойчивых выражениях, устойчивых грамматических формах употребления отдельных слов с конкретными предлогами и т.д.

Вторая техника иногда называется «коллокация-через-конкорданс» (collocation-via-concordance). «Интуитивное сканирование лингвистом конкордансов», а не математический алгоритм, позволяет вычленить значимые примеры и паттерны⁸⁰. Ученые в рамках неоферсианского подхода отдают предпочтение различным стратегиям исследования, однако, общий принцип, неизменен: «исследовательская интуиция по-прежнему остается финальным арбитром в определении того, является конкретный пример коллокацией или нет»⁸¹.

Неприятие процедуры разметки корпуса. Под разметкой или аннотированием корпуса понимается процедура сообщения дополнительной информации о тексте. Существуют различные виды разметок: акцентная (проставление ударения), грамматическая (указывается грамматическая форма каждого слова), морфологическая (указание части речи), метаразметка (информация о тексте: жанр, автор и т.д.) и т.д. Представителями неоферсианского подхода отвергается эта идея, так как размеченный корпус не позволяет провести анализ коллигаций – употребления различных грамматических форм⁸².

Тесная связь неоферсианского подхода с критическим дискурс-анализом. Корпусная лингвистика, анализируя язык, делает акцент на

⁷⁸ Huston, S. (2002) Corpora in Applied Linguistics, pp. 73-74. Cambridge University Press.

⁷⁹ Stubbs, M. Op. cit., pp.73-74.

⁸⁰ McEnery, T., Hardie, A. Op.cit, p. 126.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid., p. 131.

значениях, благодаря которым можно проанализировать контекст. А большинство смыслов может быть обнаружено только при выходе на уровень анализа дискурса. Т. МакЭнери и А. Харди выделяют одну важную черту, объединяющую корпусную лингвистику и критический дискурс-анализ: «дискурс изучается не с тем, чтобы понять, каков реальный мир, но установить, как говорят о реальном мире»⁸³.

Что же касается нашего исследования, то процедуры его реализации в полной мере отражают выбранный подход. Основным аспектом анализа в нашей работе являются коллокации – и статистически значимые, и «коллокации-через-конкордансы»; посредством этого выявлены значимые элементы дискурса. Корпус не был аннотирован, чтобы посмотреть на семантическую разницу в употреблении различных грамматических форм (в первую очередь это касается лексики «ислам»). И, наконец, основной целью работы является максимально подробное воссоздание образа «ислама» посредством дискурс-анализа газетного корпуса.

⁸³ Ibid, p. 135.

§1.2. Об эффективности комбинации критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики

Сначала мы кратко рассмотрим сущностные характеристики критического дискурс-анализа как такового и выбранной нами теории Н. Фэрклоу в частности. Затем значительное внимание будет уделено связи выбранного подхода и конкретной теории применительно к данной работе, а также ограничениям теории Н. Фэрклоу и тому, как корпусная лингвистика позволяет их преодолеть.

Критический дискурс-анализ (КДА) появился в рамках социально-конструктивистской парадигмы исследований и может пониматься и как один из подходов для изучения дискурса, и как научное течение в рамках дискурс-анализа, включающее в себя несколько подходов. Л.Дж. Филиппс и М.В. Йоргенсен понимают КДА скорее как научное течение и на основе анализа трудов Н. Фэрклоу и Р. Водак выделяют его пять основных особенностей⁸⁴.

Во-первых, это лингвистически-дискурсивный характер социальных и культурных процессов и структур. Дискурс в КДА представляет собой постоянное взаимодействие социальной практики и ее лингвистической репрезентации.

Во-вторых, дискурс не только конституирует реальность, но и сам конституируется ей. «Социальная практика и дискурс находятся в диалектических отношениях с другими социальными измерениями». Одним из центральных понятий КДА становится выявление интердискурсивности: на основе каких дискурсов были созданы анализируемые тексты.

В-третьих, важная роль эмпирического анализа языка в социальном контексте.

В-четвертых, дискурс действует идеологически, в том смысле, что «применяет понятие идеологии для теоретических рассуждений о

⁸⁴ Филиппс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 109-115.

подчинении одних социальных групп другим»⁸⁵. Данный тезис роднит подход КДА с взглядами некоторых неомарксистов и более актуален для исследований, связанных, например, с установлением взаимосвязи между распределением экономических благ между социальными слоями и репрезентацией этих групп в том или ином дискурсе.

Наконец, в-пятых, КДА не позиционируется как политически нейтральное направление. «“Под флагами свободы” критический дискурс-анализ принимает сторону притесняемых социальных групп. Критика должна раскрыть роль дискурсивной практики в поддержании неравномерного распределения власти с тем, чтобы использовать результаты критического дискурс-анализ в борьбе за радикальные социальные изменения»⁸⁶.

Теорию КДА в разное время развивали и продолжают развивать целый ряд исследователей. Среди тех, чей вклад имеет особое значение, следует отметить таких авторов, как: Т. Ван Дейк⁸⁷, Р. Водак⁸⁸, Т. Ван Ливен⁸⁹, Дж. П. Ги⁹⁰, М. Талбот⁹¹ и многих других. В основу данного исследования легла теория Нормана Фэрклоу.

Теория Н. Фэрклоу является тексто-ориентированной формой дискурс-анализа, в основе которой должны лежать методы социальной лингвистики и глубинный интерпретационный подход. Центральное понятие его теории – язык как социальный феномен. Дискурс – это лингвистическое отражение социальной практики. Н. Фэрклоу отмечает, что в то время как все лингвистические явления социальные, не все социальные явления лингвистичны⁹².

⁸⁵ Филипп Л.Дж., Йоргенсен М.В. Указ. соч. С. 113.

⁸⁶ Там же. С. 114.

⁸⁷ См. например: Van Dejk, T. (1977) *Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. London and New York: Longman; Idem (1984) *Prejudice in Discourse*. Amsterdam: Benjamins; Idem (1988) *News as Discourse*. Hillsdale, NJ: Erlbaum; Тён Ван Дейк *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Либроком, 2013.

⁸⁸ Wodak, R., Meyer, M. (eds) (2001) *Methods of Critical Discourse Analysis*. Sage Publications.

⁸⁹ Van Leeuwen, T. (2008) *Discourse and Practice, New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford University Press.

⁹⁰ Gee, J.P. (2011) *How to make a discourse analysis? A Toolkit*. Routledge; Idem (2011) *An introduction to discourse analysis: theory and method*. 3rd ed. Routledge.

⁹¹ Talbot, M. (2007) *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh University Press.

⁹² Fairclough, N. (1989) *Language and Power*, p. 23. Longman.

В своей работе, посвященной анализу медиа-дискурса, Н. Фэрклоу подробно описывает теоретические корни разрабатываемого им подхода. Так, по его мнению, КДА использует элементы целого ряда теорий, как-то: лингвистический и социолингвистический анализ, конверсационный анализ, семиотический анализ, критическая лингвистика и социальная семиотика, культурный анализ (*cultural generic analysis*), социокогнитивная модель Т. Ван Дейка⁹³. Несмотря на отмеченные преимущества всех перечисленных подходов, Н. Фэрклоу все же акцентирует внимание именно на пристальном изучении текстов.

Центральным элементом его теории является трехчленная схема «текст – дискурсивная практика – социальная практика», которая в том или ином виде актуализируется во многих его работах. Наиболее подробно она изложена в книге «Язык и власть». Трем элементам соответствует три стадии реализации дискурс-анализа. Во-первых, следует начинать с лингвистических особенностей текста. Анализ дискурсивной практики связан с рассмотрением воспроизводства и потребления дискурса. Наконец, анализ социальной практики необходим для определения места коммуникативного события в более широком социальном контексте.

Несмотря на то, что Н. Фэрклоу неоднократно повторяет тезис о том, что одного анализа языка недостаточно, и для полноценного дискурс-анализа необходимо анализировать некие языковые явления исключительно в более широком контексте дискурсивных и социальных практик⁹⁴, сам он, прежде всего, уделяет внимание именно первому элементу своей схемы – языку. Так, в своей работе «Медиа-дискурс» он даже предлагает отдельную трехчленную схему именно для анализа медиатекстов: «репрезентации-идентичности-отношения». Например, анализируя письменный текст, можно сфокусироваться на следующем: отдельные репрезентации и реконтекстуализации социальной практики, возможно, несущие

⁹³ Fairclough, N. (1995) *Media Discourse*, p. 21-32. Bloomsbury Academic.

⁹⁴ См. например: *Ibid.* p. 16.

определенные идеологии, отдельные элементы идентичности авторов и читателей, отдельные элементы отношений между автором и читателем⁹⁵.

Для удобства Н. Фэрклоу даже предлагает конкретные вопросы, которые следует задавать при анализе медийных текстов:

- 1) Как мир (события, отношения и прочее) представлены?
- 2) Какие идентичности устанавливаются для участников программы / повествования?
- 3) Какие отношения устанавливаются между вовлеченными в эти процессы (например, репортер-читатель, эксперт-аудитория и т.д.)?⁹⁶

Данная схема в целом отражает структуру нашего эмпирического исследования. В третьей главе мы подробно рассматриваем отдельные лингвистические явления, дающие общее представление о формируемом образе ислама. В четвертой главе мы рассматриваем элементы дискурса исламофобии, которые и формируют идентичности участников этого коммуникационного пространства. Наконец, в пятой главе мы предпринимаем попытку описать отношения между отдельными акторами.

Следует обратить на понятие «дискурсивной стратегии», так как именно она реализует трехчастную схему Н. Фэрклоу. С дискурсивной аналитической точки зрения успешно реализованная стратегия устанавливает новый порядок дискурса (order of discourse), т.е. новую конфигурацию дискурсов, жанров и стилей⁹⁷. Для более детальной концептуализации «дискурсивной стратегии» Н. Фэрклоу в исследовании «Язык и глобализация»⁹⁸ обращается к теории Б. Джессопа, разработанной им в свою очередь в ряде работ⁹⁹. Б. Джессоп говорит о диалектике между структурами и стратегиями: структуры ограничивают, но не определяют стратегии; структуры создаются и воспроизводятся с помощью стратегий; структуры могут трансформироваться через стратегии. Но стратегии «всегда

⁹⁵ Ibid, p. 58.

⁹⁶ Ibid, p. 5.

⁹⁷ Fairclough, N. (2006) *Language and Globalisation*, p.24. Routledge.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Jessop, B. (2002) *The Future of the Capitalist State*. Cambridge: Polity Press; Jessop, B. (2004) 'Critical semiotic analysis and cultural political economy', *Critical Discourse Studies*1(2): 159–74.

разрабатываются в дискурсах и через них», а также представляют собой различные «нарративы, которые стремятся придать смысл текущим проблемам, рассматривая их с точки зрения прошлых неудач и будущих возможностей»¹⁰⁰. Однако, уточняет Н. Фэрклоу опять же со ссылкой на Джессопа, важно добавить, что доминирование или гегемония такой успешно реализованной стратегии никогда не будет завершённой, потому что фактические процессы всегда превосходят даже успешно построенные их конструкции, потому что всегда есть альтернативные стратегии и дискурсы, и любая успешно воссозданная реальность противоречива¹⁰¹.

Наконец, понятие «политического образа», центральное в данной работе, чаще всего употребляется в области политического маркетинга зачастую в одном ряду с понятием «политического бренда» или же в области семиотики, если акцент делается на визуальном образе. Однако Н. Фэрклоу удалось преодолеть ограничения обоих подходов и предложить определение политического образа, с одной стороны, органично вписывающееся в логику его дискурс-аналитической теории, а с другой – что гораздо важнее для нас – адаптированное для анализа медийного материала. «Газеты, как правило, предлагают конкурирующие (а иногда и совпадающие) версии истины, каждая из которых основана на неявном утверждении, что репрезентация событий может быть прозрачной, а перспектива – универсальной. Этот миф и лежит в основе деятельности СМИ: предлагать образы и категории реальности, позиционировать и формировать социальные объекты, тем самым способствуя закреплению определенной системы социального контроля и воспроизводства значений»¹⁰². Таким образом, определение политического образа, которым мы оперируем в данном исследовании, может быть сформулировано следующим образом: это элемент реальности, за которым посредством идеологически обусловленной реализации тех или

¹⁰⁰ Fairclough, N. *Language and Globalisation*, p. 18.

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 24.

¹⁰² Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*, p. 161. Cambridge

иных дискурсивных стратегий закрепляется определённый набор политических признаков.

Таким образом, именно текстоориентированность теории Н. Фэрклоу делает ее наиболее востребованной в данной работе, посвященной анализу большого корпуса текстов. Здесь же стоит отметить момент, касающийся анализа дискурсивных практик и социального контекста. Сам Н. Фэрклоу, отмечая важность аналитического разделения этих стадий, говорит, что анализ лингвистических особенностей текста неизбежно повлечет за собой анализ дискурсивных практик и наоборот¹⁰³. В нашем случае анализ дискурсивных практик и социального контекста оказывается неразрывно связан с выявленными лингвистическими явлениями.

Стоит отметить, что та же текстоориентированность, по мнению ряда исследователей, является слабой стороной подхода Н. Фэрклоу. Это порождает целый ряд неразрешенных вопросов, главный из которых: как различить дискурсивное и недискурсивное? «Как эмпирически показать, что нечто диалектически связано с чем-то другим?»¹⁰⁴ Л. Чоулиараки, разрабатывавшая вместе с Н. Фэрклоу теорию КДА, пишет об этом следующее: «Даже если мы можем иметь информацию о социальной реальности только через ее репрезентацию, все равно можем ее анализировать, как будто бы социальная реальность – это нечто большее, чем воспроизводство значений»¹⁰⁵.

Кроме того, ограничение состоит и в «“теоретической” слабости объяснения процессов формирования группы, субъекта и агентивности, включая вопрос субъективации и субъективности и вопрос, как часто люди используют контроль в процессе применения языка»¹⁰⁶. Чрезмерный акцент на первичности дискурса в конституировании социальной реальности, например, стал предметом полемики, отразившейся на страницах журнала

¹⁰³ Ibid, p. 73.

¹⁰⁴ Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Указ. соч. С. 157.

¹⁰⁵ Chouliaraki, L. (2002) “‘The Contingency of Universality’: Some Thoughts on Discourse and Realism”, *Social Semiotics* 12(1): 90.

¹⁰⁶ Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Указ. соч. С. 158-159.

Language and Literature за 1996 год. Х.Г. Видоусон «не верит, что индивидуумы просто играют их социальные роли». «Дискурсивно сконструированные социальные объекты – это абстракция такого же рода, как и идеал говорящих и слушающих в гомогенном языковом сообществе»¹⁰⁷.

Кроме того, несмотря на все предлагаемые Н. Фэрклоу алгоритмы и схемы, его теория не подкреплена достаточным количеством эмпирических исследований. Его постструктуралистский тезис о том, что дискурс формирует социальный мир, требует более существенных доказательств, чем дискурс-анализ единичных рекламных объявлений и отдельных материалов газетных статей. Я. Блумаэрт, говоря о критическом дискурс-анализе, отмечает, что «доминирование субъективных (*biased*) интерпретаций ставит вопрос репрезентативности, выборочности, частичности, предубежденности»¹⁰⁸.

Выбранный инструмент корпусной лингвистики позволяет преодолеть перечисленные ограничения теории Н. Фэрклоу. В то же время подход критического дискурс-анализа также позволяет преодолеть ограничения корпусной лингвистики, самое очевидное из которых заключается в том, что лингвистический анализ носит, прежде всего, описательный, а не интерпретационный характер.

Говоря о совместимости инструментария корпусной лингвистики и подхода критического дискурс-анализа, стоит отметить, что эта проблема подробно рассмотрена в методологической работе одного из проводников данного подхода – П. Бейкера. В фактически одноименном исследовании «Использовании корпоры в дискурс-анализе» он указывает как преимущества, так и негативные стороны подобной методологической комбинации.

Что касается преимуществ, а точнее того, как корпусная лингвистика может преодолеть ограничения критического дискурс-анализа, то П. Бейкер

¹⁰⁷ Widdowson, H.G. (1996) "Reply to Fairclough: Discourse and interpretation: conjectures and refutations", Language and Literature 5(1): 58.

¹⁰⁸ Baker, P. Using Corpora in Discourse Analysis, p. 10.

выделяет четыре пункта. Во-первых, это уменьшение исследовательской субъективности. Выявление статистически значимых лингвистических элементов при анализе большого массива текстов уменьшает вероятность субъективной категоризации (как это бывает в контент-анализе).

Во-вторых, это «дополнительный эффект дискурса». Частотность появления того или иного лингвистического явления позволяет делать вывод о реальном влиянии дискурса на социальные практики. Конечно, не всегда частота свидетельствует о наличии доминирующего дискурса, так же как и то, что иногда неартикулированный элемент оказывается гораздо важнее артикулированного. Однако данное ограничение уже собственно корпусной лингвистики как раз и преодолевается за счет подхода критического дискурс-анализа: здесь мы обращаемся к анализу дискурсивных практик и социального контекста.

В-третьих, работа с большими корпусами позволяет наиболее подробно описать дискурс – как в статичном, так и в динамичном состояниях. На примере анализа единичных текстов невозможно продемонстрировать динамику изменения доминирующего дискурса, в то время как статистический анализ большого корпуса текстов позволяет довольно точно описать противостоящие дискурсы.

Наконец, в-четвертых, это методологическая триангуляция, заключающаяся в эффективной комбинации количественных и качественных методов, что в свою очередь ведет к повышению верифицируемости полученных выводов¹⁰⁹.

Основная часть книги П. Бейкера как раз и посвящена разбору конкретных примеров, как с сугубо лингвистического анализа перейти на содержательные выводы относительно анализируемого дискурса. Например, в главе, посвященной конкордансам, автор работает с газетным корпусом с целью описания дискурса о беженцах. Основная стратегия, которую он реализует, заключается в *сортировке по одному из выбранных аспектов*

¹⁰⁹Baker, P. Using Corpora in Discourse Analysis, pp.10-17.

полученных результатов. Например, сортировка по алфавиту показывает, что целый ряд результатов в начале списка оказывается связан с количеством беженцев. Исходя из дальнейшего анализа контекста употребления этих цифр П. Бейкер выясняет преимущественно негативный их характер¹¹⁰. Целый ряд слов в конкордансах по беженцам оказывается связанным с категорией «движения» (например, бежать, возвращаться). Характер используемых слов позволяет автору сделать вывод о том, что «движение беженцев конструируется как стихийная сила, которую трудно предсказать и фактически невозможно контролировать»¹¹¹. При анализе коллокаций, автор сначала предлагает стратегию выделения тематических групп (которая должна быть подкреплена анализом конкордансов для выявления контекста), а затем построения «сети коллокаций», так как схожие группы коллокаций склонны демонстрировать один тип дискурса. В конце глав про конкордансы и коллокации представлен пошаговый план анализа соответствующих категорий. Шестая глава посвящена анализу ключевых слов, их кластеризации и, как следствие, анализу ключевых категорий. Кроме «классических» понятий корпусной лингвистики, в главе под названием «За коллокациями» автор обосновывает продуктивность анализа таких лингвистических явлений как номинализация (переход другой части речи в разряд существительного), модальность и метафора в описании дискурса. Мы подробно остановились на описании этих исследовательских стратегий, так как многие из них будут применены в данной работе.

Наконец, о работоспособности синтетического подхода критического дискурс-анализа и корпусной лингвистики говорит и обращение к нему большого количества исследователей, занимающихся самыми разными темами. С. Яворска и Р. Кришнамурти проводят сравнительный анализ репрезентации феминизма в британских и немецких газетах.¹¹² Они устанавливают статистически значимые коллокации, группируют их и

¹¹⁰ Ibid, p. 78-79.

¹¹¹ Ibid, p. 81.

¹¹² Jaworska, S, Krishnamurthy, R. (2012) "On the F word: A corpus-based analysis of the media representation of feminism in British and German press discourse, 1990–2009", *Discourse Society* 23 (4): 401-431.

описывают дискурс. Предметом исследования К.Р. Калдас-Колтард и Р. Мун является гендер и его репрезентация в различных английских газетах; рассматриваются категории «мужчина», «мальчик», «женщина», «девочка»¹¹³. В данном случае авторов интересуют только коллокации типа «прилагательное-существительное». М. Джанг и С. Михелдж выделяют основные характеристики идентичности жителей Гонконга посредством анализа контекста употребления лексем «Китай», «центральное правительство» и ряда других и разделения семантического поля на три категории: «включая Гонгконг», «исключая или параллельно с Гонгконгом» и «отвечая за Гонгконг». Также авторы рассматривают коллокации таких фраз, как «граждане Гонгконга» и «жители Гонгконга»¹¹⁴.

Таким образом, отдавая отчет ограничениям, которые налагает использование теории Н. Фэрклоу и инструментария корпусной лингвистики, тем не менее, мы находим применение данного комбинированного методологического подхода оправданным. В центре нашего внимания тексты и анализ различных лингвистических явлений. Именно они, на наш взгляд, определяют складывающиеся дискурсивные практики и более широкий контекст, формирующийся вокруг темы ислама в российском обществе. По словам ведущего российского специалиста по дискурс-анализу М.В. Ильина, «чтобы некий фрагмент действительности признать дискурсом, нужно, чтобы он состоял из элементов – знаков (словаря), чтобы они были логично друг с другом связаны кодом и образовывали сообщение от кого-то кому-то»¹¹⁵. Несмотря на то, что семиотический анализ М.В. Ильина выходит далеко за рамки избранного нами критического дискурс-анализа, тем не менее, именно его схема «словарь-код-сообщение» также позволила сделать концептуальные обобщения относительно всего дискурса об исламе в российских печатных СМИ.

¹¹³ Caldas-Coulthard, C.R., Moon, R. (2010) "Curvy, hunky, kinky': Using corpora as tools for critical analysis", *Discourse Society* 21(2): 99-133.

¹¹⁴ Zhang, M., Mihelj, S. (2012) "Hong Kong identity and the press-politics dynamics: a corpus-assisted discourse study", *Asian Journal of Communication* 22(5): 506-527.

¹¹⁵ Ильин М.В. Перспективы политического дискурс-анализа в России // *Дискурс-Пи*. 2006. С. 93-95.

§1.3. Описание сформированного корпуса

Для анализа нами были отобраны шесть газет: «Независимая газета», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Новая газета». Основными критериями отбора были следующие: общенациональный характер издания и относительная популярность (узнаваемость). Кроме того, важно было привлечь для анализа различные виды газет с точки зрения содержания и читательской аудитории. В данной работе нас интересовали всероссийские издания, без какой-либо региональной специфики. Для оценки популярности газеты использовался единственный обнаруженный в свободном доступе рейтинг – это ежемесячный рейтинг цитируемости, представляемый информационно-аналитической системой «Медиалогия». «Индекс Цитируемости (ИЦ) - показатель, учитывающий количество ссылок на источник информации в других СМИ и влияние источника, опубликовавшего ссылку. ИЦ рассчитывается на базе математико-лингвистического анализа текстов 21 000 открытых источников»¹¹⁶. По данным этого аналитического центра за анализируемый период все вышеперечисленные газеты входили в первую десятку рейтинга.

Таблица 1. Информация о тиражах и режиме публикации анализируемых газет

№	Название	Режим публикации	тираж (отпечатанный)
1	Независимая газета	Понедельник - суббота	40 000 ¹¹⁷
2	Коммерсант	Понедельник - суббота	190 221 ¹¹⁸
3	Комсомольская правда	Понедельник - суббота	2 857 391 ¹¹⁹
	из них Комсомольская правда (еженедельный)	Четверг	2 095 924

¹¹⁶ Методика составления рейтингов // Медиалогия [http://www.mlg.ru/ratings/methodology_media/, доступ от 12.03.2018].

¹¹⁷ Информация о газете // Независимая газета. 15.12.2014.

¹¹⁸ Реестр сертифицированных изданий 2013 г. // Бюро тиражного аудита. 24.01.2014. URL: http://press-abc.ru/REESTR_CURRENT_2013.xls

¹¹⁹ Там же.

	выпуск)		
4	Московский комсомолец	Понедельник - суббота	2 200 299 ¹²⁰
5	Российская газета	Понедельник - суббота	3 237 199 ¹²¹
	из них Российская газета - неделя	Пятница	3 071 766
6	Новая газета	Понедельник, среда, пятница	171 350 ¹²²

Отобранные для анализа СМИ представляют собой самые разные типы печатных СМИ. В задачи данной работы не входит подробное рассмотрение особенностей типологии СМИ, поэтому выделим лишь основные черты каждого из источников. «Российская газета» (РГ) является, как видно из таблицы, самой высокотиражной; фактически выражает официальную государственную позицию, являясь печатным органом Правительства РФ. Аудиторию этой газеты составляют в основном чиновники и предприниматели, так как там публикуются принятые законы. Газета «Коммерсант» (КОМ) представляет собой пример деловой прессы, в которой существенное внимание уделяется и общественно-политическому блоку новостей. Этот источник наряду с «Независимой газетой» может быть отнесен к качественной прессе, которая включает в себя «солидные газеты и журналы, предназначенные для образованных читателей, серьезные и влиятельные издания»¹²³. Газеты «Комсомольская правда» (КП) и «Московский комсомолец» (МК) являются, во-первых, яркими примерами массовых изданий. Что же касается отнесения данных газет к какому-либо типу, исходя из их содержания, то здесь стоит довольно непростая задача, которая решается различными исследователями по-разному. Одни называют

¹²⁰ Московский комсомолец // Public.ru. URL: <http://www.public.ru/funds/sources/>

¹²¹ Там же

¹²² Новая газета // Public.ru. URL: <http://www.public.ru/funds/sources/>

¹²³ Качественная пресса // Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ [http://www.eartist.narod.ru/text16/069.htm#з_001_10, доступ от 12.03.2018].

их «полумассовыми», «полубульварными»¹²⁴; КП часто причисляют к таблоидам.¹²⁵ «Таблоидный формат, означающий обилие и даже преобладание рекламной (в том числе мелкой, в виде объявлений) информации, присущ многим газетам. ... Газета все более ориентируется на интересы предельно массовой аудитории, стремясь подобным образом поднять свой рейтинг и повысить доходы от рекламы. Таблоиды противопоставляются качественной прессе»¹²⁶. Прытков А.В. относит газеты КП и МК к новому типу, называемому «квалоиды» - «качественный таблоид». Ссылаясь на Монастырскую А.А., он выводит основные черты квалоидов, когда говорит о КП и МК. «Информируя читателя, указанные СМИ одновременно его развлекают. Исследователь [Монастырская А.А.] отмечает: «имея репутацию серьезного издания, редакция тем не менее не считает для себя зазорным публиковать материалы развлекательного толка» ... несмотря на ориентацию на массового читателя, материалы отбираются по нескольким критериям: «актуальность, достоверность, познавательность, информативность и сенсационность»¹²⁷. Особняком стоит «Новая газета» (НовГ), являясь примером общественно-политической оппозиционной прессы. Идеология НовГ может быть охарактеризована как праволиберальная: с одной стороны подвергается критике чрезмерное вмешательство государства в экономическую сферу и сферу гражданского общества, с другой – ряд авторов придерживается правых взглядов, использует популистскую риторику.

Хронологические рамки исследования – 2010–2017 гг. Количество статей, отобранных для анализа – 20 699. Объем выборки представляется значимым для осуществления подробного анализа и

¹²⁴ Дискуссии. "Условно свободная" пресса // Свободная мысль – XXI. 2004. №8. С.138

¹²⁵ См. например: Русские таблоиды кричат и процветают // Newsland.ru. 27.07.2008 [<http://newsland.com/news/detail/id/280367/>, доступ от 12.03.2018]; Классификация газет // Издательский дом «Публицист» [<http://www.chastirechi.ru/inquiry/2/>, доступ от 12.03.2018].

¹²⁶ Таблоид // Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ [http://www.eartist.narod.ru/text16/069.htm#3_001_10, доступ от 12.03.2018].

¹²⁷ Прытков А.В. Квалоид как тип СМИ // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. №2. С. 204.; ссылка на работу: Монастырская А.А. Таблоидная пресса в России, 1990-2000 гг. : дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. СПб., 2003.

достижения содержательных результатов. Количество слов в сформированном корпусе – 17 379 780 слов.

Каким образом формировался корпус? Нас интересовали материалы, тем или иным образом затрагивающие проблематику ислама. Сбор материалов проходил посредством электронной базы «Интегрум». Поисковый запрос выглядел следующим образом:

ислам или мусульман* или мечет* или шариат* или суннит* или шиит* или ваххабит* или фетв* или Аллах* или коран**

Мы старались сделать запрос максимально нейтральным, не включая в него такие термины, как «моджахед», «шахид», «джихад» (хотя они и встречаются в сформированном корпусе), что свидетельствовало бы о нашей ориентации на поиск исключительно негативного образа ислама. Единственным с этой точки зрения спорным моментом может являться включение в наш запрос леммы «ваххабит», изначально имеющей негативную коннотацию. Однако, как показала проверка по уже сформированному корпусу, не встречается материалов, где бы фигурировала лемма «ваххабит» и отсутствовала бы одна из остальных запрашиваемых лемм.

Распределение материалов по источникам и годам представлено в таблице.

Таблица 2. Распределение материалов по источникам и годам

	Независимая газета	Коммерсант	Комсомольская правда	МК	Российская газета	Новая газета
2010	695	360	322	272	294	144
2011	753	441	505	389	345	176
2012	815	559	433	354	407	151
2013	685	487	335	363	383	154
2014	749	398	208	253	302	148
2015	1251	489	453	502	540	246
2016	1127	406	365	437	381	231

2017	904	358	298	351	307	173
20699	6979	3498	2919	2921	2959	1423
	34%	17%	14%	14%	14%	7%

На материалы из Независимой газеты приходится около 34% корпуса, на каждую из остальных газет приходится примерно поровну – по 14%, чуть больше Коммерсант - 17%. На Новую Газету приходится около 7%. Таким образом, наибольшее освещение проблема ислама получает в наименее тиражной газете.

Исследование проводилось в онлайн-интерфейсе Sketch Engine¹²⁸ и программе AntConc¹²⁹. Здесь выполнялись основные операции по поиску коллокаций, построению конкордансов и выявлению определенных с точки зрения грамматики словосочетаний (например, словосочетание типа «прилагательное – существительное»).

Таким образом, выполнение данного исследования в рамках критического дискурс-анализа с использованием инструментария корпусной лингвистики представляется обоснованным. Центральная роль коллокаций в анализе, постулируемая неоферсианским подходом в корпусной лингвистике, и акцент на интерпретации и изучении контекста, о чем говорит Н. Фэрклоу, в полной мере отвечает выбранной исследовательской стратегии.

Далее представляется необходимым рассмотреть опыт имеющихся исследований. Во-первых, проанализировать текущую структуру знания об исламе и определить место исследований об исламофобии в нем. Во-вторых, обратить внимание на работы, посвященные анализу репрезентации ислама в медиа. Также будут описаны работы, находящиеся на пересечении обозначенных сфер, то есть посвященные исламу в СМИ и использующие описанный методологический подход.

¹²⁸ Sketch Engine [<http://www.sketchengine.co.uk/>, accessed on 12.03.2018].

¹²⁹ Software. AntConc. A freeware corpus analysis toolkit for concordancing and text analysis, Laurence Anthony's Website [<http://www.laurenceanthony.net/software.html>, accessed on 12.03.2018].

Глава 2. Основные тенденции формирования структуры знания об исламе и опыт исследования политического образа ислама в СМИ

§2.1. «Что пошло не так?»: о формировании современной структуры знания об исламе

Вопрос «Что пошло не так?» вынесен в название работы одного из авторитетных западных исследователей – Бернарда Льюиса¹³⁰. Подробно рассматривая историю мусульманского мира, автор ищет ответ на, казалось бы, простой вопрос: почему некогда сильный мусульманский мир сейчас уступил первые позиции миру западному? Возможно, основная причина заключается в долгой колониальной истории господства западного мира над большей частью мусульманских стран. С середины XX века вина была перенесена и на Соединенные Штаты, сохраняющие роль лидера Западного мира. Однако после долгих рассуждений и аргументаций, автор приходит к выводу, что все большее число жителей Ближнего Востока перестают искать «внешнего врага», задавая вопрос иначе: «Что мы сделали не так?» и «Как нам исправить положение?»

Книга, вышедшая в 2003 году, вскоре после событий 11 сентября 2001, возобновила дискуссии об «особой природе ислама». Почему радикальные движения обращаются именно к исламской риторике? Все дело в истории мусульманского мира или в самих мусульманах? На волне целого ряда терактов 2000-х годов вопросы об исламе и мусульманах стали все чаще звучать именно в таком инструменталистском ключе: раз ситуация такова, что террористы обращаются к исламской риторике, то как отделить «правильных» мусульман от «неправильных»? В данной главе постараемся осветить основные тенденции глобального дискурса конструирования знания об исламе и ответить на вопрос: почему именно негативный образ ислама оказался столь востребованным на современном этапе?

В рамках западной теории модернизации ислам (в самом широком смысле слова – от философской системы до социально-политических

¹³⁰ Lewis, B. (2002) What went wrong? Western Impact and Middle Eastern Response. Oxford University Press.

идеалов) воспринимается как некое отклонение от западной логики исторического процесса и социального развития. В данном случае западная модель развития выступает в качестве неоспоримой универсалии. И вопросы «Что не так с исламом?» и «Что с этим делать?» звучат более чем убедительно. Отсюда и специфические познавательные инструменты, применяющиеся для изучения восточных обществ. Концепт «развития» в западной теории нагружен позитивной ценностной коннотацией: например, он понимается как движение к демократии, тем самым пересекаясь с понятием прогресса¹³¹. В связи с чем, реформа выступает в качестве необходимого инструмента достижения некоего социального идеала.

Именно идея о реформации вновь оказалась востребованной на волне появления феномена так называемого радикального ислама, особенно после событий 11 сентября 2001 года. Многие современные авторы апеллируют к исламскому модернизму, реинкарнируя концепт «исламской реформации» для объяснения современных событий. Однако, если исламские модернисты стремились остаться (и оставались) в лоне исламской традиции и западные концепты использовались ими только как инструмент, то сейчас можно констатировать как эти же самые концепты подменяют суть происходящих процессов: например, реформация подменяется либерализацией, а сущностные характеристики протестантской реформации экстраполируются на исламский мир.

В связи с чем, именно в логике такого рассуждения актуальным становится противопоставление радикального и «хорошего» ислама: правильного, умеренного и прочее. Ислам несет в себе некоторую проблему – «с ним что-то не так», поэтому реформация рассматривается как универсальный инструмент, который позволит исправить сложившееся положение дел. Что именно не так? Ученые по-разному отвечают на этот

¹³¹ Rustow, D.A. (1970) *Transitions to democracy: Toward a dynamic model*; Rostow, W.W. (1960) *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge University Press.

вопрос, предлагая тем самым различные программы «исламской реформации».

Нормативный аспект актуализируется в «призывах начать исламскую реформацию прямо сейчас». *Салман Рушди* говорит, что современное состояние ислама диктует необходимость начать мусульманскую реформацию, не только чтобы противостоять джихадистской идеологии, но и чтобы избавиться от «пыльных и душных семинарий традиционалистов и вдохнуть глоток свежего воздуха»¹³². Сутью реформации должна стать реинтерпретация Корана в свете нового времени, чтобы законы седьмого века стали отвечать реалиям XXI.

Подобные эмоциональные призывы к исламской реформации довольно часто встречаются среди «вестернизированных» выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. *Айан Хирси Али* в своей книге «Почему исламу нужна сейчас реформация?»¹³³ указывает, что западные либералы неверно определили своего врага: не террористы, а средневековая версия ислама представляет наибольшую опасность. Обращаясь к истории ислама времен пророка Мухаммада, она предлагает разделить мусульман на три группы: «мекканские», «мединские» и «меняющиеся». В Мекке мусульмане вели мирную деятельность по обращению в ислам, в то время как в Медине усилилась военизированная составляющая. Поэтому «мекканские мусульмане», которых большинство, исповедуют «мирную религию», в то время как «мединские» обращаются к насильственным методам в своей деятельности. И наконец, «меняющиеся» мусульмане осознали необходимость реформирования ислама, так как думают о его будущем. Предлагаемая ею программа исламской реформации состоит из пяти тезисов: 1) обеспечить возможность интерпретации и критического осмысления Корана, 2) дать приоритет этой жизни перед загробной, 3) «снять оковы шариата» и подчинить его секулярному закону, 4) прекратить практику

¹³² Rushdie, S. (2005) "The Right Time for An Islamic Reformation", Washington Post. 7.08.2005 [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/08/05/AR2005080501483.html>, accessed on 23.01.2017].

¹³³ Ayaan, H.A. (2016) Heretic: Why Islam Needs a Reformation Now. Harper Paperbacks.

определения правильного, запрета неправильного, 5) покончить с призывами к джихаду¹³⁴. Тем самым, радикализм предстает как имманентная черта исламской традиции.

Реза Аслан также отстаивает идею о том, что исламская реформация должна стать (а где-то уже стала) инструментом либерализации ислама. Для него основная цель реформации – адаптация ислама к демократическим принципам, так как «репрезентативная демократия – возможно, лучший социальный и политический эксперимент во всем мире»¹³⁵. Такие демократические идеалы, как конституционализм, правительственная подотчетность, плюрализм и права человека уже восприняты во многих исламских странах. Секуляризм не является обязательным условием для воплощения этих концептов в жизнь: они вполне применимы и для религиозного общества.

Надо сказать, что подобное осмысление исламской практики породило целое направление исследований, посвященных проблеме соотношения ислама и демократии¹³⁶. Несмотря на то, что авторы не обращаются к терминологии реформации, можно сказать, что они продолжают эту исследовательскую традицию.

Даниель Пайпс также осмысляет исламскую реформацию как либерализацию в нормативном духе. Чтобы модернизировать ислам, мусульмане должны воспринять опыт своих собратьев-монотеистов, и прояснить отношение ислама к рабству, вопросам выхода из Ислама и прочее. Тогда реформированный современный ислам более не будет поддерживать неравноправие женщин, джихад или терроризм смертников, не будет требовать смертной казни за прелюбодеяние, богохульство и отступничество¹³⁷. Ответственность за продвижение такой позитивной

¹³⁴ Joseph, C. B. (2017) “Heretic: Why Islam Needs a Reformation Now”, *The European Legacy* 22(1): 94–96.

¹³⁵ Aslan, R. (2005) *No God but God. The origins, Evolution, and Future of Islam*. Random House.

¹³⁶ См. например: Sachedina, A. (2001) *Islamic Roots of Democratic Pluralism*. Oxford University Press; Hasemi, N. (2009) *Islam, Secularism, and Liberal Democracy. Toward a Democratic Theory for Muslim Societies*. Oxford University Press; Khatib, S., Bouma, G.D. (2007) *Democracy in Islam*. Routledge.

¹³⁷ Pipes, D. (2013) “Can Islam Be Reformed? History and human nature say yes”, *Middle East Forum* [<http://www.danielpipes.org/13033/can-islam-be-reformed>, accessed on 23.01.2017].

программы действий Д. Пайпс возлагает на «вестернизирующихся анти-исламистов». «Они слабы и разрозненны, но они существуют, и именно они представляют собой единственную надежду в победе над глобальным джихадом и исламским supremacism и заменой его исламом, не угрожающим цивилизации»¹³⁸.

То же самое касается вопроса «встраивания» (адаптации, поиска оптимального соотношения) норм шариата в светское законодательство.

Вилфрид Рейд Клемент также указывает на безальтернативность реализации проекта исламской реформации, так как «в современных экономических условиях исламский мир остался на уровне середины XIII века»¹³⁹. Позиция В.Р. Клемента отличается особым радикализмом: ислам не внес никакого вклада в мировое знание со средних веков, а единственный урок, вынесенный из западного опыта клириками и правителями, состоит в том, то Возрождение и Реформация на Западе были ошибкой. В связи с чем «настоящая реформация» должна способствовать развитию исламского мира. Она станет возможна, если элементы традиционной идентичности будут сведены к минимуму (в качестве одного из таких элементов он называет акцент на ценности «большой семьи» в противовес индивидуальным ценностям). Кроме того, реформация также невозможна без реформы шариата.

Абдулла Ахмед Ан-Наим является одним из ярких последователей концепции либерализации ислама, предлагая подробный проект реформы шариата. В центре его внимания соотнесение «исламского публичного права» с требованиями секуляризма. Максимальное использование потенциала иджтихада позволит достичь доктринального плюрализма, и тогда шариат, «являясь продуктом не божественной, но человеческой интерпретации» будет отвечать требованиям секулярных правовых концепций. Чаще всего при осмыслении исламской реформации

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Clement, W.R. (2003) *Reforming the Prophet. The Quest for the Islamic Reformation*, p. 86. Insomniac Press.

исследователи обращаются к работе «К исламской реформации: гражданские свободы, права человека и международное законодательство», опубликованной в 1990 году¹⁴⁰. С тех пор А.А. Ан-Наим опубликовал настолько большое количество работ, то уже можно говорить о собственной исследовательской традиции. Как правило, А.А. Ан-Наим обращается к анализу правовых техник, как можно соотнести шариат с международным правом, концепцией прав человека, теорией гражданства. Кроме того, он занимается широкой популяризаторской работой¹⁴¹, и его идеи крайне востребованы.

Для обоснования наилучшего момента для начала «исламской реформации» в качестве аргумента приводится фактор медиа. Роль печатного станка Гуттенберга в эпоху протестантской реформации сейчас выполняет массовое образование и широкий доступ в интернет. Благодаря доступу в интернет, у многих мусульман открывается «прямой доступ» к знаниям об исламе, на основе которых опять же актуализируется практика иджтихада. Дейл Эйкельман указывает на важную черту современного общества: одним из главных моментов в понимании публичного пространства становится коммуникативный аспект¹⁴². Открытые дискуссии, которыми в первую очередь характеризуется коммуникация в интернете, формируют новый символический язык ислама, появляется феномен «креативной интеракции». По мнению Д.Ф. Эйкельмана, эти процессы приближают ислам к демократической традиции. Алексис Корт даже вводит специальный термин, обозначающий данный сегмент коммуникационного пространства, называя его «Мир кибер-ислама» (Dar Ac-Cyber Islam)¹⁴³. Продолжая логику Эйкельмана, в своей статье он обращается к конкретному исследованию коммуникации домашнего насилия в отношении женщин. По мнению автора,

¹⁴⁰ An-Na'im, A.A. (1990) *Toward an Islamic Reformation: Civil Liberties, Human Rights, and International Law*. Syracuse University Press.

¹⁴¹ An-Naim's personal website [<https://scholarblogs.emory.edu/aannaim/>, accessed on 23.01.2017].

¹⁴² Eickelman, D. (2003) "Inside Islamic Reformation", in B. Rubin (ed.) *Revolutionaries and Reformers. Contemporary Islamist Movements In The Middle East*, pp. 203–205. State University of New York Press.

¹⁴³ Kort, A. (2005) "Dar al-Cyber Islam: Women, Domestic Violence, and the Islamic Reformation on the World Wide Web", *Journal of Muslim Minority Affairs* 25(3): 363–383.

дискуссии в интернете и «новый иджтихад» свидетельствуют о реформистских тенденциях в современном исламе, так как играют положительную роль в противодействии домашнему насилию и в решении проблемы бесправия мусульманских женщин.

Рассмотренные авторы пытаются преодолеть убежденность сторонников теории модернизации, что ислам является препятствием на пути модернизации, предлагая различные программы его реформации, часто сводящейся к либерализации. На примере создания дихотомии 'радикальный VS либеральный ислам' последовательно обосновывается тезис о том, что проблема «плохого» ислама может быть решена либо за счет приведения ислама в соответствие западным нормам, либо путем обоснования того, что все ценности, позиционирующиеся как западные, на самом деле в полной мере присущи исламской традиции. Кроме того, ислам здесь воспринимается как единый «организм»/«цивилизация» с общими проблемами, делающими возможным, следовательно, выработку единой модели решения проблемы.

Обращение к концепту «исламской реформации» оказывается крайне востребованным на данном этапе. В первую очередь его использование в контексте теории модернизации носит инструментальный характер, решая конкретные политические задачи: позволяет выработать программу либерализации/модернизации/демократизации ислама, превратив «плохой ислам» в «хороший». Однако, недоучет контекстуальных факторов использования концепта «исламской реформации» приводит к не только к ошибочным выводам по частным вопросам, но и к существенным абберациям в восприятии ислама. Кроме того, столь узкое восприятие ислама вновь воспроизводит ориенталистскую парадигму. Во многом два последних тезиса и легли в основу критики этого господствующего подхода.

Так, британско-австралийский социолог Брайан Стенли Тёрнер говорит, что одна из основных целей, стоящая перед специалистом, изучающим ислам и мусульман, состоит в преодолении ориентализма. Сам Э. Саид в своей классической работе «Ориентализм» определяет ориентализм

как «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и (почти всегда) «Запада», и «знак европейско-атлантической власти над Востоком»¹⁴⁴. Б. Тёрнер, соглашаясь с таким определением ориентализма, последовательно углубляет его, обнаруживая его новые качества. Так, он выделяет три основных тезиса Саида: (1) «Восток» сконструирован Западом как его негативная альтернатива; (2) несмотря на культурное многообразие восточных обществ, Восток в западном научном дискурсе, скорее, предстает в качестве единого объекта исследования; (3) формирование понимания Востока обусловлено историческим контекстом и соответствующей структурой власти, а именно: историей империализма и колониальной экспансии¹⁴⁵. Продолжая размышление в логике Э. Саида в методологическом ключе, Тёрнер акцентирует внимание на дихотомическом, носящем исключительный характер, дискурсе о взаимодействии между Востоком и Западом. Все явления «восточной» действительности оцениваются западными учеными в категориях «современный-традиционный», «динамичный-статичный», «прогрессивный-реакционный», «оригинальный-имитирующий», что, значительно снижает результативность применения подобного аналитического инструмента¹⁴⁶.

В качестве основы первоисточника ориентализма Б. Тёрнер видит рационалистическую социологию Макса Вебера, а также его тезис об обусловленности экономического благосостояния Европы «протестантской этикой». Б. Тёрнер критикует М. Вебера не за необъективность его исследований – он признает логику его рассуждений, обоснованность методологического подхода, – а за то, что в его теории заложены дискриминационные по отношению к незападным культурам предпосылки. Фактически Б. Тёрнер обвиняет его в обосновании европоцентризма, который впоследствии станет основой структуры знания в XX и XXI

¹⁴⁴ Саид Э. Ориентализм. Санкт-Петербург: Изд-во «Русский мир», 1995. С. 9; 14

¹⁴⁵ Turner, B.S. (2013) *The Sociology of Islam: Collected Essays of Bryan S. Turner*, p. 137. Ashgate Publishing Company.

¹⁴⁶ Ibid, p. 127.

столетиях. Кроме того, Б. Тёрнер не признает упрощений, подчиненных какой-либо единой концептуальной схеме. То или иное исламское общество должно быть проанализировано во всем своем культурном, социально-политическом и экономическом разнообразии. По этой причине он критикует фундаментальный труд М. Ходжсона «*Venture of Islam*»¹⁴⁷, говоря о том, что тот «заиклен» на вопросах личностного благочестия. История ислама по М. Ходжсону – это, прежде всего, «духовная история индивидуального благочестия»¹⁴⁸. Право, экономика и политика отходят для него на второй план, уступая место искусству, литературе и поэзии, делая его тем самым заложником «романтического ориентализма».

Наиболее комплексную модель выхода за рамки ориентализма и преодоления логики рассуждений в изначально заданных рамках представил *Таляль Асад*. В его логике дискуссии о правильности формулировки предмета исследования – политический ислам, исламский фундаментализм или реформаторский салафизм – не имеют ничего общего с реальностью, так как неверно определяют сам предмет. Он говорит о том, что наиболее продуктивно оказывается изучать ислам как дискурсивную традицию, которая сама по себе обращается к концепциям прошлого и будущего, с особым интересом к исламской практике в настоящем¹⁴⁹. Следуя антропологической исследовательской логике, Т. Асад отмечает, что необходимо отказаться от запрограммированных дискурсов «модернистского» и «фундаменталистского» ислама, а перейти к анализу установленных практик обычных мусульман. Иными словами, к каждой практике – будь то суданские суфийские практики или мусульманские общины Франции – нужен свой уникальный подход, который не может быть помещен ни в какую концептуальную схему. Т. Асад признает, что новая концепция религии, сложившаяся после протестантской реформации, оказала

¹⁴⁷ Hodgson, M. (1977) *The Venture of Islam*. Vol. 1 – 3. University Of Chicago Press; Ходжсон М. История ислама. Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М.: Эксмо, 2012.

¹⁴⁸ Turner, B.S. *The Sociology of Islam*. P. 87.

¹⁴⁹ Asad, T. (1986) “The Idea of an Anthropology of Islam”, Occasional Papers Series. Center for Contemporary Arab Studies Georgetown University.

некоторое влияние на дискуссии в лоне исламской традиции, например, о соотношении шариата и светского законодательства¹⁵⁰. Однако, нельзя гиперболизировать значение данного явления, отдавая должное предыдущему исламскому опыту. Интересна также позиция Т. Асада относительно искусственности концепта ортодоксии в исламе. Ортодоксия – это лишь властное отношение. «Если у мусульман есть возможность регулировать, поддерживать, требовать и устанавливать *правильную* практику, а также исключать, осуждать, подрывать и менять *неправильную*, то тогда можно говорить об ортодоксии»¹⁵¹.

По словам Б. Тёрнера, ислам «по воле случая оказался на культурной линии разлома»¹⁵² противостояния исламской цивилизации и остального мира. Однако концепт «исламской реформации», теория С. Хантингтона, неизбежно приходящая на ум в данном контексте, – лишь некоторые из множества проявлений ориенталистского дискурса. И одним из последствий сложившейся структуры знания об исламе является, в том числе, и проблема исламофобии.

¹⁵⁰ Mahmood, S., Asad, T. (1996) “Modern Power and the Reconfiguration of Religious Traditions”, SEHR 5(1) [<https://web.stanford.edu/group/SHR/5-1/text/asad.html>, accessed on 21.01.2017].

¹⁵¹ Asad, T. “The Idea of an Anthropology of Islam”, p. 15.

¹⁵² Turner, B.S. The Sociology of Islam, p. 176.

§2.2. Обзор исследований по проблемам репрезентации ислама в СМИ

Переходя к обзору имеющихся исследований по проблеме ислама в СМИ, следует начать с работы, одним из соавторов которой также является П. Бейкер – «Дискурс-анализ и медиа-предпочтения. Репрезентация ислама в британской прессе»¹⁵³. В плане методики исследования здесь представлена поэтапная схема сочетания методов корпусной лингвистики и КДА. Выглядит она следующим образом:

- Контекстный анализ проблемы; определение наличия проблемы;
- Определение исследовательского вопроса и построение корпуса текстов;
- Реализация корпусного анализа: частота, кластеры, ключевые слова и т.д.; определение ключевых моментов, связанных с анализом контекста;
- Количественный анализ или КДА меньшей выборки (сравнение различных выборок в рамках одного дискурса);
- Формулирование новых исследовательских гипотез;
- Дальнейший КДА на основе новой гипотезы;
- Анализ интердискурсивности [иными словами, на основе каких дискурсов строится отдельный текст] на основе реализованного корпусного анализа;
- Формулирование новых исследовательских гипотез;
- Дальнейший КДА, выявление дополнительных типов дискурса¹⁵⁴.

Для прояснения некоторых вопросов, связанных с методикой, здесь также стоит упомянуть исследование «Репрезентация ислама в британских широкополосных газетах и таблоидах 1999 - 2005» тех же авторов, которое было пилотным для вышеупомянутой монографии¹⁵⁵. Ценность же монографии не только в уточнении методики, но в предмете исследования,

¹⁵³ Baker, P., Gabrielatos, C., McEnery, T. (2013) *Discourse Analysis and Media Attitudes. The Representation of Islam in the British Press*. Cambridge University Press.

¹⁵⁴ Ibid, p. 27.

¹⁵⁵ Baker, P. (2010) "Representations of Islam in British broadsheet and tabloid newspapers 1999-2005", *Language and Politics* 9(2): 310-338.

который схож с предметом исследования нашей работы: мусульмане в британской прессе. Авторы предпринимают оригинальные методики обработки информации и процедуры подсчета тех или иных частот. Так, помимо общей категоризации полученных статистически значимых ключевых слов, а также проведения сравнительного анализа дискурса различных газет и изменения дискурса в период с 1998 по 2009 год, авторы предлагают оригинальные «проблемные категоризации»: выявление взаимосвязи ислама и гендерного аспекта, проблемы толерантности. Отдельная глава посвящена описанию дискурса «мусульманских сообществ», то есть, какие формы мусульманской солидарности транслируются через британские СМИ, какие из них имеют положительную, а какие негативную окраску, как меняется региональная репрезентация мусульман в различные годы в выбранный период. Корпусный анализ реализовывался в пакете программ Sketch Engine.

Также нами был обнаружен целый ряд статей, посвященных анализу репрезентации ислама в СМИ в других странах. Группа ученых из Университета прикладных наук в Швейцарии сравнивает образ ислама и христианства в медиа¹⁵⁶. В центре внимания авторов три исследовательских вопроса: 1) какая разница между репрезентацией христианства и ислама в СМИ? 2) как различные религиозные организации (например, христианские конфессии, мусульманские сообщества) работают со СМИ? 3) есть ли особенные практики, связанные с освещением религии в СМИ? Одним из достоинств данной статьи является выделение авторами архетипов в репрезентации различных конфессий в СМИ при помощи контент-анализа. Основной вывод сводится к тому, что христианство представлено в позитивном нарративе, в то время как ислам в негативном. Кроме того, основное внимание СМИ в вопросах освещения ислама сконцентрировано не на исламе в Швейцарии, а на исламе за рубежом. Н. Кабир анализирует

¹⁵⁶ Dahinden, U., Koch, C., Wyss, V., Keel, G. (2011) "Representation of Islam and Christianity in the Swiss Media", *Journal of Empirical Theology* 24: 197-208.

представление об исламе до событий 11 сентября 2001 г. и после (до 2005 г.), формируемое австралийской прессой¹⁵⁷. Интересно, что основной акцент сделан на фотографии и заголовки. Именно специфическая визуализация и заголовки, также зачастую выступающие как параграфемный элемент, приводят к абберациям в восприятии религиозных исламских практик: они начинают ассоциировать с «террористической активностью исламских боевиков»¹⁵⁸. К схожим выводам в своей статье приходит и Л. Джексон, анализируя фотографии Усамы Бен Ладена, опубликованные в американских газетах и журналах после событий 11 сентября 2001 года, и карикатуры на тему радикального ислама¹⁵⁹. Ш. Акбарзаде и Б. Смит рассматривают исламофобию в двух австралийских газетах с 2001 по 2004 год¹⁶⁰. Авторы сомневаются, что можно говорить о наличии исламофобии, но репрезентация мусульман «небеспроблемна», и связано это в первую очередь с определенным уровнем невежества относительно ислама в австралийском обществе. Неоднозначные выводы относительно наличия исламофобии в дискурсе об исламе делаются и в работе С.Н. Кабира и М. Бурка¹⁶¹. Несмотря на то, что «жесткие новости» (hard news, инцидент со взрывом на Бали, взрывное устройство в аэропорту Хитроу в Лондоне, ближневосточный конфликт и проблема иранского ядерного оружия) формируют негативные стереотипы, «укрепляя ориентализм», «редакторы придерживаются более либерального плюралистического подхода к конструированию исламской идентичности, чем корреспонденты». Американский газетный дискурс стал предметом статьи К.А. Пауэлла¹⁶². Автор анализирует освещение терроризма в качестве фактора, оказывающего решающее воздействие на формирование

¹⁵⁷ Kabir, N. (2006) "Representation of Islam and Muslims in the Australian Media, 2001–2005", *Journal of Muslim Minority Affairs* 26(3): 313-328.

¹⁵⁸ Ibid, p. 325.

¹⁵⁹ Jackson, L. (2010) "Images of Islam in US Media and their Educational Implications", *Educational Studies*. 46: 3-24.

¹⁶⁰ Akbarzadeh, Sh., Smith, B. (2005) *The Representation of Islam and Muslims in the Media (The Age and Herald Sun Newspapers)*. Monash University.

¹⁶¹ Kabir, S.N., Bourk, M. (2012) "Representing Islam and Muslims in New Zealand Newspapers", *Journal of Muslim Minority Affairs* 32(3): 324-338.

¹⁶² Powell K.A. *Framing Islam: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism Since 9/11 // Communication Studies*. 2011. Vol. 62. Iss. 1. Pp. 90-112

различных «фреймов» ислама. Роль ислама в американском неоконсервативном медийном дискурсе описана в статье Г. Кассимериса и Л. Джексона «Запад, остальные и “война с терроризмом”: репрезентация мусульман в неоконсервативном медийном дискурсе»¹⁶³.

Отдельно также стоит отметить сборник статей «Мусульмане и новостные медиа», где рассмотрена репрезентация отдельных элементов исламского дискурса на различном эмпирическом материале.¹⁶⁴

П. Мартин и С. Фелан также обращаются в своей статье к методологии корпусной лингвистики при анализе дискурса об исламе¹⁶⁵. Предметом исследования данной работы являются два корпуса текстов. Первый составляют транскрипты телевизионных каналов CNN, ABC, CBS, NBC, Fox, второй включает в себя материалы форума CNN. Ключевой характеристикой обоих корпусов является временной отрезок отобранных для анализа текстов – с 11 по 16 сентября 2001. Авторы рассматривают мгновенную реакцию СМИ и простых людей на события 11 сентября 2001. Намеренно ограничен инструментарий исследования: анализируются только словосочетания типа «исламский - существительное». Такой методологический шаг, по мнению авторов, позволяет «получить представление о когнитивной карте ислама» доминирующей в американском телевизионном дискурсе и сравнить его с лексикой, используемой на форумах CNN.

В плане методологии интересны еще несколько работ. Амир Х. Салама подробно описывает синергетический подход КДА и корпусной лингвистики, на примере анализа двух идейно противоположных книг – «Два лица Ислама: Дом Саудов от традиции к Террору» Стефана Шварца и «Ваххабитский Ислам: от возрождения и реформы к глобальному джихаду» Натаны Делонг-Ба¹⁶⁶. Другой исследователь, Э. Эльгамри, видит в качестве

¹⁶³ Kassimeris, G., Jackson, L. (2011) “The West, the rest, and the ‘war on terror’: representation of Muslims in neoconservative media discourse”, *Contemporary Politics* 17(1): 19-33.

¹⁶⁴ Poole, E., Richardson, J.E. (eds) (2006) *Muslims and the News Media*. I.B. Tauris.

¹⁶⁵ Martin, P., Phelan, S. (2002) “Representing Islam in the Wake of September 11: A Comparison of US Television and CNN Online Messageboard Discourses”, *Prometheus* 20(3): 263-269.

¹⁶⁶ Salama, H.Y. (2011) “Amir Ideological collocation and the recontextualisation of Wahhabi-Saudi Islam post 9/11: a synergy of corpus linguistics and critical discourse analysis”, *Discourse Society* 22(315): 315-342.

основной причины воспроизводства негативного образа ислама дискурс ориентализма в понимании Э. Саида, который сохранился на уровне негативных стереотипов, связанных с восприятием ислама¹⁶⁷. В качестве основного методологического подхода Э. Эльгамри в своей книге «Ислам в британских широкополосных газетах. Влияние ориентализма на репрезентацию ислама в британской прессе» предлагает использовать теорию дискурса М. Фуко. «Применяя подход М. Фуко к изучению дискурса, можно утверждать, что объекты ориенталистского дискурса не возникли спонтанно, но возникли в результате многолетнего Исламо-христианского взаимодействия в Европе». К ориенталистскому дискурсу в своей книге «Делая репортажи об исламе. Медиа-репрезентации британских мусульман» обращается и Е. Пул¹⁶⁸. О необходимости критических дискурс-аналитических исследований ислама говорит Х. Берг¹⁶⁹.

Стоит также отметить ряд исследований, не использующих количественный инструментарий, но представляющих пример применения качественных методов. М. Браун анализирует «парадигмальный сдвиг» от экзотического и чувственного стереотипа ислама к стереотипу мусульманского фанатизма¹⁷⁰. Предметом исследования является большой массив материалов СМИ с 1970 до 1990 гг. Особенно интересен методологический прием исследователя: на основе подробного качественного анализа – он выделяет медийные нарративы, связанные с восприятием ислама, а именно: «экзотичность», «фанатизм», «преступность» и «критика исламофобии». Автор подчеркивает множественность контекстов, связанных со складыванием восприятия ислама, и неоднозначность мнений. Фактически, речь идет об интердискурсивности, хотя и автор не оперирует терминологией теории дискурса. Кроме того,

¹⁶⁷ Elgamri, E. (2008) *Islam In The British Broadsheets. The Impact Of Orientalism On Representations Of Islam In The British Press*, p. 23. Ithaca Press.

¹⁶⁸ Poole, E. (2009) *Reporting Islam. Media Representations of British Muslims*. I.B. Tauris.

¹⁶⁹ Berg, H. (2012) "The Essence of Essentializing: A Critical Discourse on "Critical Discourse in the Study of Islam"", *Method and Theory in the Study of Religion*. 24: 337-356

¹⁷⁰ Brown, M.D. (2006) "Comparative Analysis of Mainstream Discourses, Media Narratives and Representations of Islam in Britain and France Prior to 9/11", *Journal of Muslim Minority Affairs*. December 26(3): 297-312.

автор делает важный и неоднозначный вывод о современной ситуации с образом ислама, говоря о том, что современный дискурс об исламе не зависит от событий 11 сентября, так как обусловлен уже сложившимися стереотипами. «... Дискурсы уже сформированы, и они продолжают развиваться». Р. Джексон подробно описывает конструкт «исламского терроризма» в политическом и научном дискурсе.¹⁷¹

Что же касается работ российских авторов, в которых представлен анализ образа ислама в СМИ, нами не было обнаружено значимых исследований по данной проблематике в отечественной историографии. Статья С.В. Мосягиной посвящена «конфессиональной теме» в СМИ Республики Татарстан¹⁷². На пяти страницах реализуется «многомерный математический анализ», состоящий в выделении среди общего массива публикаций (период не указан) тех, где упоминается ислам или православие; далее реализуется качественный анализ нескольких статей и определяются их темы. Работа А. Сибгатуллина посвящена обзору исламского интернета, определению термина кибер-мусульмане; большая часть брошюры посвящена простому перечислению исламских сайтов¹⁷³.

В 2003-2004 годах исследованиями ислама в СМИ занималась И.Б. Кузнецова-Моренко и Л. Салахатдинова¹⁷⁴. С 2001 по 2004 год они рассматривали 11 изданий – российских и татарстанских, а также делали контент-анализ телевизионных сообщений. Частично результаты исследований были представлены в англоязычном сборнике, вышедшем по итогам семинара и конференции 2006-2007 годов, посвященных проблемам репрезентации мусульманского мира в европейских текстах¹⁷⁵. Автор

¹⁷¹ Jackson, R. (2007) "Constructing Enemies: 'Islamic Terrorism' in Political and Academic Discourse", *Government and Opposition* 42(3): 394-426.

¹⁷² Мосягина С.В. Конфессиональная тема в СМИ Республики Татарстан // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2007. С. 75 – 80.

¹⁷³ Сибгатуллин А. Исламский интернет. Москва – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2010.

¹⁷⁴ Кузнецова-Моренко И.Б. Ислам в СМИ. Экзотика? // ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан». 08.02.2012 [<http://cpei.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/121831.htm>, доступ от 12.03.2018].

¹⁷⁵ Kusnetsova-Morenko, I. (2010) Others or ours? The role of the popular media in public perceptions of Muslims in Russia after 9/11, in G. Jonker, Sh. Thobani (eds) *Narrating Islam. Interpretations of the Muslim World in European Texts*, pp. 213-233. London, New York: I.B. Tauris.

проводит контент-анализ освещения российскими СМИ двух событий: захвата заложников на Дубровке и борьбы женщин за ношение хиджаба. И. Кузнецова-Моренко подробно анализирует образ ислама, транслируемый в рамках данной повестки, и делает вывод о том, что, несмотря на все доступные политические инструменты по предотвращению пропаганды религиозной нетерпимости, исламофобию все еще не удастся преодолеть. Основными препятствиями тут выступают журналистская некомпетентность в освещении исламских вопросов, а также недостаточный уровень этических стандартов профессиональных журналистов¹⁷⁶. О продолжении данного проекта на данный момент нам ничего не известно.

В 2015 году в Международном университете Флориды С. Мерати защитила диссертацию, посвященную дискурсу российского ислама¹⁷⁷. Уже в 2017 на ее основе была опубликована монография¹⁷⁸. В своей работе автор ставит нетривиальные задачи: выйти за рамки бинарной оппозиции «этничности-безопасности», превалирующей в существующей академической и политической литературе по исламу в России; определить интеллектуальную, политическую и институциональную сеть российских религиозных и светских авторов, формирующих дискурс об исламе; объяснить механизмы российского дискурса об исламе, с помощью которых «новая» Россия позиционирует себя на мировой арене¹⁷⁹. Несмотря на амбициозные цели, ей не удается достичь их. Несмотря на кажущийся масштабный охват исследования, работа, с одной стороны, выглядит оторванной от уже имеющейся богатой историографии по истории мусульманских сообществ в России, а с другой стороны, вызывает вопросы и критическая работа с привлеченными источниками. Например, в качестве авторитетного автора по указанной теме С. Мерати привлекает Р. Силантьева, известного своими исламофобскими взглядами, о чем будет

¹⁷⁶ Ibid, p. 230.

¹⁷⁷ Merati, S.E. (2015) *Russia's Islam: Discourse on Identity, Politics, and Security*. FIU Electronic Theses and Dissertations.

¹⁷⁸ Merati, S.E. (2017) *Muslims in Putin's Russia. Discourse on Identity, Politics, and Security*. Palgrave Macmillan.

¹⁷⁹ Ibid, p. 14.

сказано подробнее в пятой главе. Кроме того, из контекста вырваны наиболее «фактурные» фигуры, якобы представляющие всю картину российского ислама и российской политической жизни в целом – например, она уделяет большое внимание Н. Бердяеву в формировании современного политического дискурса в России, а также маргиналу Х. Сидорову, как якобы единственному представителю движения русских мусульман. Данная монография уже стала предметом подробной рецензии, подготовленной Р. Беккиным, где он перечисляет эти и многие другие недостатки исследования. «Движимая достойным желанием написать оригинальную работу о «хороших мусульманах» Симона Мерати в результате сочинила книгу о людях, отдаленно напоминающих российских последователей ислама и проживающих в стране, чем-то похожей на Россию»¹⁸⁰.

Рассмотрев работы, применяющие схожую методологию и исследующие схожий предмет исследования, можно констатировать, что, во-первых, наблюдается стабильный интерес к подобным исследованиям. Апробируются новые методики, привлекаются оригинальные эмпирические данные. Во-вторых, региональный охват свидетельствует о том, что наиболее востребованы подобные исследования в европейских странах, США, Австралии и Новой Зеландии. Образ ислама в российских СМИ редко становился предметом детального изучения, что на самом деле открывает большие возможности для отечественных исследователей. Они могут использовать богатый опыт, накопленный западными исследователями, для изучения различных аспектов репрезентации ислама в СМИ, не только с помощью инструментария корпусной лингвистики.

Однако наиболее ценным в данной главе выглядит попытка проанализировать текущее состояние структуры знания об исламе. Почему исследования, посвященные исламофобии, востребованы на сегодня?

¹⁸⁰ Беккин Р. Merati, Simona E. (2017) Muslims in Putin's Russia. Discourse on Identity, Politics, and Security. Cham: Palgrave Macmillan, Springer, 2017. – 241 p. (рецензия) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №1. С. 348-354.

Основная причина состоит в господстве ориенталистской парадигмы в подавляющем числе работ, посвященных исламу и мусульманам. А навязываемый текущим трендом поиск критериев для разделения ислам на «правильный и неправильный» и соответствующая постановка проблемы во многом обуславливают и результаты многих исследований. Получается, что даже научное исследование феномена исламофобии часто также опосредовано воспроизведением ориенталистского дискурса, так как исследователи сосредоточены на конфликтном потенциале ислама, часто игнорируя многогранность его религиозной концепции, культурной традиции и социально-политической системы. Наше исследование тоже можно обвинить в «воспроизведении» ориенталистского дискурса, однако мы все же постараемся воспринять принципы, изложенные Б. Тёрнером и Т. Асадом и выйти за пределы сложившихся рамок изучения ислама.

Глава 3. Основные дискурсивные стратегии формирования негативного образа ислама

Сначала было решено использовать самый «грубый» инструмент, позволяющий судить об общей картине дискурса об исламе. Для каждой из газет были выявлены коллокации со словом «ислам». На данном этапе нас интересовали не все множество словоформ (исламский, исламизация), а именно «ислам». При анализе всего множества не было получено содержательных результатов. Был установлен стандартный интервал «5 слов слева и справа», частота – не менее трех раз. Сначала были выявлены коллокации при помощи статистического теста функции взаимной информации, который, как указывалось выше, выявляет ее «силу» и демонстрирует лексическую сочетаемость анализируемого слова. Было получено шесть списков коллокаций для каждой из газет соответственно, и ряд лексем оказался одинаковым для всех них. Данные лексем (без показателей статистической значимости и частоты) представлены в таблице 3.

Таблица 3. Общие коллокации для всех газет

1	исповедовать
2	принять
3	мусульманин
4	иудаизм
5	буддизм
6	христианство
7	радикальный
8	традиционный
9	религия*
10	православие*

Именно эти слова, на наш взгляд, составляют *семантическое ядро дискурса* об исламе, что нуждается в дополнительном комментарии. Наличие в нем различных глагольных форм лексем «исповедовать» и «принять»

свидетельствуют о том, что ислам в большей степени воспроизводится именно как религия, а не как политическая практика или некая идеология (тогда могли бы быть глаголы «использовать» или «применять»). Из такого тривиального, казалось бы, вывода, можно было предположить, что имеет место нейтральное отношение. Однако, разворачивая контексты употребления фраз «исповедовать / принять ислам», оказывается, что большое количество из них не нейтральны, а скорее негативно окрашены. В таблице 4 представлены некоторые конкордансы, иллюстрирующие данный тезис.

Таблица 4. Примеры конкордансов лексики «исповедовать», «принять»

выяснить МК, эти двое – аджарские мусульмане,	исповедующие ислам ваххабитского толка. Жители Ба
лидеры, которые обучались в зарубежных центрах,	исповедующие радикальный ислам. Они рвутся к власт
ного супруга, его жену «обрабатывают» мусульмане,	исповедующие радикальный ислам. Салафиты убеждают
люди давно известны спецслужбам как лица,	исповедующие нетрадиционный ислам. Группа ваххабит
оевики – это наиболее радикальный слой мусульман,	исповедующих «салафийя» – «чистый» ислам, несовмес
Аммар Хиджджави обвиняется в финансировании лиц,	исповедующих радикальный ислам, и нелегальных моле
льмендеевым была создана ячейка «Имарата Кавказ».	Принявший ислам ваххабитского толка еще на свободе
. По их утверждению, Дмитрий Соколов - русский,	принявший радикальный ислам и приехавший в Дагеста
, Андрей Карпов и Виталий Чернобровкин, русские,	принявшие ислам и ставшие боевиками, были уничтоже
иваемых – это так называемые «русские ваххабиты»,	принявшие ислам и прошедшие спецкурс в экстремисте

Таким образом, важную роль играют описания того, какой именно ислам исповедуется или принимается. В качестве наиболее статистически важных слов в семантическое ядро попали два прилагательных «радикальный» и «традиционный». Важной особенностью является то, что в рамках данного дискурса эти категории противопоставляются друг другу. Фактически данная дихотомия является примером семантической просодии, пронизывающей весь дискурс. Если под традиционным исламом понимается как раз религиозная практика различных мусульман России, то радикальный ислам определяется как политическая деятельность, несущая в себе потенциальную угрозу. Дихотомия «радикальный - традиционный» одновременно связывает и вносит фундаментальное противоречие в дискурс об исламе.

Коллокации «иудаизм», «буддизм» и «христианство» указывают на своеобразную цивилизационную компоненту в образе ислама. Данные лексемы были выявлены в качестве коллокаций, так как в ряде случаев они все являются однородными членами. Как правило, контекст для всех подобных употреблений схожий: общие для всех мировых религий ценности добра и терпимости. Сюда же могут быть отнесены и коллокации «религия» и «православие», которые встречаются во всех газетах, кроме НовГ.

Таким образом, такой поверхностный анализ коллокаций слова «ислам» позволил выявить три основных «макросоставляющих» образа ислама: религиозная практика, религия; политическая практика, как правило, несущая в себе потенциальную угрозу; цивилизация. Далее мы рассмотрим отдельные более частные стратегии, способствующие формированию негативного образа ислама.

§3.1. Стратегия 1: Формирование дихотомии радикального и традиционного ислама

Важную роль в понимании образа ислама играют его описательные характеристики. Представляется продуктивным проанализировать словосочетания типа «прилагательное – ислам». Здесь нами было принято решение отказаться от процедуры выявления только тех определений, совместное появление которых со словом ислам является статистически значимым, а охватить максимально широкую палитру. Иными словами, даже если словосочетание «живодерский ислам» встретилось во всем корпусе лишь однажды, это все равно влияет на общий конструкт образа ислама. И хотя мы будем опираться на показатель частоты того или иного словосочетания, принцип сбора всех даже самых «маленьких деталей» остается ведущим.

Необходимо пояснить некоторые технические моменты. Определения выявлялись двумя основными способами. Во-первых, это реализация процедуры “n-грам”, которая позволяет выявить все «кластеры» (не всегда они являются словосочетаниями) с заданным параметром количества слов до

и после запрашиваемого слова. Соответственно нас интересовали кластеры размером в два слова; сначала «ислам» был на втором месте, чтобы выявить прилагательные, относящие непосредственно к нему, а потом на первом, чтобы учесть специфику построения некоторых предложений. Во-вторых, мы просмотрели все конкордансы употребления различных словоформ лексемы «ислам» на предмет выявления того, что не было обнаружено во время первого шага. Обнаруженные определения общим списком, ранжированным по частоте появления, перечислены в таблице 5.

Таблица 5. Прилагательные, относящиеся к лексеме «ислам», с указанием частоты их появления

№	Определение	Частота	№	Определение	Частота
1	радикальный	663	20	ваххабитский	5
2	традиционный	283	21	салафитский	4
3	умеренный	70	22	консервативный	6
4	чистый	118	23	правильный	9
5	политический	146	24	европейский	4
6	нетрадиционный	55	25	классический	6
7	суннитский	27	26	кавказский	3
8	российский	74	27	суверенный	2
9	современный	14	28	национальный	2
10	мягкий	3	29	срединный	2
11	русский	9	30	сине-желтый	1
12	шиитский	19	31	оригинальный	1
13	фундаменталистский	2	32	незапятнанный	1
14	татарский	13	33	внешний	1
15	настоящий	14	34	красный	1
16	светский	8	35	забытый	1
17	ортодоксальный	4	36	православный	1
18	суфийский	7	37	живодерский	1
19	мировой	7	38	цивилизованный	1

В самом широком смысле формирование антагонистического пространства противостоящих друг другу идентичностей, использование образа врага для консолидации внутренних политических ресурсов – одна из фундаментальных категорий политического пространства. Э. Лакло и Ш. Муфф вводят понятие гегемонистского дискурса. Поскольку любой знак всегда сверхдетерминирован, существует множество конкурирующих дискурсов. Поэтому неизбежна и «интервенция гегемонии». Особенность гегемонии как артикуляции заключается в наличии противоборствующих сил и нестабильности границ, их разделяющих. Только наличие большого количества «плавающих элементов» и возможность их артикуляции противостоящими сторонами позволяет нам характеризовать отдельную практику как гегемонистскую. Без эквивалентности и границ нельзя говорить о гегемонии как таковой¹⁸¹. Д. Ховарт также акцентирует внимание на том, что антагонизмы конструируются путем создания эквивалентных идентичностей, которые воплощают чистый отказ от порядка дискурса¹⁸². Тен ван Дейк¹⁸³, анализируя расистский дискурс, описывает множество механизмов, с помощью которых дискриминируемая группа предстает в образе врага, противостоящего «белому обществу».

Выстраивание дихотомии друг-враг является фундаментальной стратегией, используемой в газетном дискурсе. Так, наиболее частотными прилагательными, относящимися к исламу, являются «радикальный» и «традиционный». Анализ контекстов их употребления показывает, что они как раз являются теми категориями, лежащими в основе формирования антагонистических идентичностей.

Первая категория – традиционный ислам – включает в себе все характеристики «правильного» ислама. Что это значит?

Во-первых, концепт «традиционного ислама» зачастую используется для описания ситуации в Дагестане. Под ним понимается суфийский ислам,

¹⁸¹ Laclau, E., Mouffe, Ch. Op.cit, p. 136.

¹⁸² Howarth, D. (1996) "Ideology Critique to Discourse Theory: Reconstructing Laclau and Mouffes's Approach to Political Analysis", *Staffordshire Papers in Politics and International Relations* 30: 1–34.

¹⁸³ Van Dejk, T. (2008) *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan.

который противостоит врагу в образе «ваххабизма». Обращает на себя внимание тот факт, что традиционный ислам также описывается как «миролюбивый», «наш», «возрождающийся».

Отметим, что село Губден известно острым противостоянием сторонников традиционного ислама и экстремистов¹⁸⁴.

... а широко разрекламированные программы по примирению «лесных» салафитов-ваххабитов с властью и представителями традиционного ислама в Дагестане просто не работают¹⁸⁵.

На этом фоне культивирования ваххабизма в Дагестане теряет влияние традиционный ислам...¹⁸⁶

Суфии являются приверженцами так называемого традиционного ислама, глубоко переплетенного с древними обычаями и поверьями народов Дагестана¹⁸⁷.

Обнаружена попытка транслировать схожую модель на Татарстан, однако она не нашла широкого распространения.

Мы опять вспомнили о том, что религиозная война традиционного ислама и ваххабизма не прекращалась ни на минуту¹⁸⁸ [В контексте покушения на муфтия Татарстана И. Файзова и убийства его заместителя В. Якупова]

Стоит отметить, что аналогичная концептуальная схема анализа противостояния религиозно-политических сил в Дагестане используется и в академическом дискурсе¹⁸⁹. Не выясняя, что является первичным источником трансляции такого конструкта – академическая или публицистическая среда – важно отметить его прочное положение в дискурсе об исламе.

¹⁸⁴ Алиев Т. Взрывная тактика // Российская газета. 16.02.2011

¹⁸⁵ Скосырев В.А. Не повезло в Москве, повезло в Дели // Независимая газета. 27.06.2011

¹⁸⁶ Главный террорист Дагестана убит, а теракты продолжаются. Почему? // Комсомольская правда. 24.08.2010

¹⁸⁷ Самое опасное место в Европе // Новая Газета. 13.06.2012

¹⁸⁸ Роман Силантьев: «Какие финансовые разборки? Муфтий мешал вербовать ваххабитов!» // Комсомольская правда. 21.07.2012

¹⁸⁹ См. например: Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института антропологии РАН. Документ №127. М. 1999; Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. М.: Логос. 2007.; Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.

Во-вторых, категория «традиционного ислама» используется в качестве цивилизационной альтернативы. Такой ислам несет в себе созидательные, укоренившиеся в истории ценности, которые могут быть эффективно инкорпорированы в российскую культуру. В некоторых случаях описание традиционного ислама носит нормативный характер, когда, например, речь идет о том, что традиционный ислам должен быть лоялен текущей власти. В этом смысле категория «традиционности» оказывается вписана в более широкий российский¹⁹⁰ и даже международный политический контекст в свете дискуссий о традиционных ценностях и консервативном повороте¹⁹¹.

Необычность ситуации в том, что большинство новообращенных приходит не в традиционный ислам, а в исламские секты радикального толка¹⁹².

Сейчас, когда в России упрочились позиции традиционного ислама, на этом фундаменте необходимо выстраивать доброе братское сотрудничество¹⁹³.

Именно Духовное управление [Кабардино-Балкарии], олицетворяющее в регионе традиционный ислам, будет координировать работу будущего центра¹⁹⁴.

Наконец, конструкт «традиционного ислама» как своеобразный аналитический инструмент, чтобы сориентировать читателя в политических реалиях другой страны.

По оценке экспертов, речь идет о новом раунде борьбы между Махмудом Ахмадинежадом, который проводит популистскую политику с националистическим уклоном, и Али Хаменеи, отстаивающим традиционные исламские ценности¹⁹⁵.

Но хиджабы, которые последнее время стали едва ли не обязательным атрибутом женского костюма, – это не наша одежда. У Таджикистана

¹⁹⁰ Малинова О. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. №1. С. 114-130.

¹⁹¹ Stoeckl, K. (2016) “Postsecular Conflicts and the Global Struggle for Traditional Values” (lecture), State, Religion and Church 3(2): 102–116.

¹⁹² Ислам славянской национальности. Надо ли его бояться? // Московский комсомолец. 08.02.2011.

¹⁹³ Валиахметова Р. Единство – не прихоть // Российская газета. 10.03.2010.

¹⁹⁴ Опора на традицию – лекарство от экстремизма // Комсомольская правда. 24.05.2012.

¹⁹⁵ Юсин М. Президента Ирана записали в либералы // Коммерсант. 22.11.2011.

*есть свой традиционный костюм. У нас есть также и свой традиционный ислам ханифитского направления*¹⁹⁶.

Однако, все-таки большая часть значений семантического поля конструкта «традиционный ислам» относится к российским реалиям. Есть ли какие-то еще определения, описывающие ислам в России? Очевидно, что в первую очередь речь должна идти о словосочетании «**российский ислам**». Данный конструкт оказывается тесно связан с конструктом «традиционного ислама», что подтверждается употреблением определений **российский** и **традиционный** фактически в качестве однородных членов, например:

традиционный просвещенный российский ислам

... очень много делаете для развития межрелигиозного диалога и укрепления традиционных ценностей российского ислама, что очень важно для нашей страны.

Продолжая анализ проблематики российского ислама, нельзя не обратить внимания на такое определение, как «**суверенный ислам**». Несмотря на то, что встречается оно во всем корпусе всего лишь дважды в одной статье¹⁹⁷, она заслуживает отдельного подробного рассмотрения, являясь с одной стороны ярким примером государственно-центристской позиции по отношению к исламу, а с другой своего рода квинтэссенцией разделения ислама на «хороший традиционный» и «плохой», в данном случае ваххабитский. Материал представляет собой осмысление событий, произошедших в Татарстане осенью 2010 года, связанных с операцией по захвату «трех вооруженных боевиков-ваххабитов». Стоит подчеркнуть, что данная статья опубликована в газете «Комсомольская правда», авторам которой свойственна категоричность оценок и однозначность выводов. В первую очередь обращает на себя внимание терминология, которой пользуются эксперты для описания ислама в контексте противостояния ваххабитской угрозе. Ф. Салман говорит о том, что

¹⁹⁶ Панфилова В. В Душанбе опасаются исламской революции // Независимая газета. 27.12.2010.

¹⁹⁷ России нужен суверенный ислам? Часть 2 // Комсомольская правда. 27.04.2011

*...есть ислам книжный, философский, а есть ислам бытовой,
...научный, традиционный ислам – реально мягкий и толерантный.*

В качестве причины «победы» ваххабитской версии ислама последовательно выстроена аргументация о необходимости централизация управления процессами, происходящими в исламской сфере. Сначала речь идет о некоем «либеральном духе», который оказывается по каким-то причинам неприемлемым молодому поколению:

Но мистический ислам с его либеральной философией вовсе не устраивает молодых энергичный людей. Им по вкусу прагматичный ваххабизм с его теорией вооруженной борьбы. Мирлюбивая версия ислама вытесняется жесткой и колючей.

Затем разными экспертами делается вывод относительно возможного пути выхода из сложившейся ситуации, и он оказывается идентичным способу, высказываемым представителями руководителей мусульманских организаций – необходимость введения принципа единоначалия. Однако высказывается это в иных терминах:

Если ты главный муфтий в республике, то головой отвечаешь за все, что происходит на подведомственной тебе территории. Вот и вся демократия. Никуда мы от вертикали религиозной власти не уйдем. Если ее нет, придется создавать.

В этом и заключается, по мнению экспертов, концепт суверенности российского ислама. Кроме того, крайне важно «продвигать в России бренд национального суверенного европейского ислама» и тем самым противостоять угрозе доминирования ваххабитского мировоззрения в исламской сфере. Несмотря на то, что данный материал занимает ничтожно малую долю в общем корпусе, его значение для понимания выстраиваемого концепта ислама достаточно велико.

В то время как «русский ислам» имеет исключительно положительную коннотацию, несколько иная ситуация складывается с «русским исламом». Всего 12 употреблений, в четырех из них речь идет о

русских и русскоязычных исламистах, где тем самым подчеркивается соответствующее происхождение. Три раза упоминается организация «Русское исламское движение» в контексте митингов оппозиции февраля 2010 года. И в одной статье речь идет о русском исламе, как о явлении относительно новом, в контексте отсутствия механизмов социализации новообращенных в ислам: «Русский ислам – уже не экзотика, но еще не традиция»¹⁹⁸. В целом можно говорить о том, что данный конструкт не является самостоятельной категорией в рамках анализируемого дискурса, представляя собой часть семантического поля «российского ислама» и «радикального ислама».

Таким образом, на данном этапе нашего анализа можно говорить о выявлении категории «российского ислама», семантически включающей в себя целый ряд определений – в первую очередь «традиционный», а также «суверенный», «национальный». Отличительной чертой является определяемая контекстом позитивная коннотация всех прилагательных, составляющих данную категорию. Сюда также следует отнести оценочные эпитеты, имеющие отношение к описанию российских реалий: «правильный», «незапятнанный», «срединный». Положительный образ ислама формируется как ответ на угрозу радикального ислама – преимущественно в контексте латентного конфликта на Северном Кавказе. Эта семантическая просодия является организующей осью дискурса об исламе. Стоит также отметить нормативную составляющую – обозначается ряд проблем и решение находится именно в «формировании, улучшении, укреплении российского ислама».

Негативный полюс в образе ислама занимает конструкт **«радикального ислама»**. Различные лексические модификации данной фразы употребляются в нашем корпусе наибольшее количество раз – 663, что значительно превышает суммарно условно положительную категорию «российского ислама». А учитывая то, что негативный образ транслируется также такими

¹⁹⁸ Бабич Г. Правовверные без уммы // Независимая газета. 15.12.2010.

определениями, как «фундаменталистский», «ваххабитский», «консервативный», «ортодоксальный», то категория негативного образа является доминирующей в дискурсе об исламе. Важно отметить ряд особенностей каждого из определений и категории в целом. Все определения ислама данной категории сводятся к транслированию образа ислама как угрозы: безопасности РФ, если речь идет о событиях на Северном Кавказе или угрозе стабильности политического режима, если речь идет о зарубежных странах. В большинстве своем «радикальный ислам» воспроизводится как проблема как раз мусульманских государств.

Для описания религиозно-политической ситуации на Северном Кавказе, используются преимущественно словосочетания «*ваххабитский ислам*» и «*салафитский ислам*». Важным моментом здесь является артикуляция преимущественно внешних, а не внутренних причин непростой ситуации в сфере ислама в России. Так, говорится об обучении в зарубежных религиозных ВУЗах как факторе «радикализации» ислама на территории России, в то время как не поднимается проблема высшего (и среднего) исламского образования в стране; о деятельности иностранных эмиссаров, вербующих местное население в деятельность вооруженных отрядов, но в данном контексте замалчиваются социально-экономические причины подобной модели поведения населения.

Что касается современной деятельности эмиссаров «Аль-Каиды» в России, то не стоит думать, что эта активность снизилась¹⁹⁹.

*Небезызвестные медресе «Йолдыз» и «Аль-Фуркан», готовившие террористов, действовали под эгидой структурных подразделений Совета муфтиев России, равно как колледж «Расуль-Акрам» – *alma mater* Сауда Бурятского²⁰⁰.*

Половина употреблений прилагательного «радикальный» относится не к лексеме «ислам», а к лексеме «исламист», что свидетельствует о

¹⁹⁹ Богданов В., Егоров И. «Аль-Каида» теряет позиции в России // Российская газета. 04.05.2011.

²⁰⁰ «Запретить можно даже малограмотный перевод Корана» // Независимая газета – НГ Религии. 04.07.2012.

восприятию данной группы как реальных акторов политического процесса, несущих в себе дестабилизирующий потенциал. Вторая половина – употребления непосредственно словосочетания «радикальный ислам» – воспроизводит образ врага как такового в принципе. Речь идет и о враждебной идеологии, и о силах, использующих эту идеологию. Словосочетание «*политический ислам*» имеет также в целом негативную коннотацию, однако претендует на нейтральность, так как используется рядом представителей академического и околоакадемического сообщества в оценках ситуации в мусульманских странах. Несколько раз встречается также словосочетание «*радикальный политический ислам*».

Другим определением ислама, также входящим в данную категорию, является «*чистый ислам*». Интересно, что это единственный термин, который берется в кавычки авторами материалов, что свидетельствует об искусственности и полисемии данного конструкта. Основное значение опять же находится в сфере идеологии, но если радикальный и политический ислам – это идеология в общем, то чистый ислам подразумевает идею, сводящуюся к необходимости воспроизведения некоего идеала из исламской истории. О каком идеале идет речь? Из 101 употреблений данного словосочетания лишь в шести имеется указание на какой-либо исторический период.

Таблица 6. Конкордансы «чистый ислам»

вот специалистов, наоборот, насторожило - ибо в <	чистом исламе> образца XII - XIV веков, который
анклавы, в которых проживают люди, исповедующие"	чистый ислам" образца XII века? Сами они
утренне содрогаясь от воспоминаний. Натерпевшись <	чистого ислама> при талибах и <стабильности> при
их правоту в глазах неопределившихся. Мифический	чистый ислам образца XII - XIV веков оказался
РФ. Салафиты ратуют за возвращение к "	чистому исламу" времен пророка Мухаммеда, отвергаю
неукоснительно. При этом речь идет о «	чистом» исламе, каким он был тысячу лет назад

В трех конкордансах указывается XII век (и косвенно в последнем конкордансе). Возможно, косвенно эта дата связана с появлением трудов Ибн Таймийи на рубеже XIII – XIV веков, которого принято считать своеобразным «отцом-основателем» салафизма. К нему апеллировали многие из мыслителей последующих поколений, в том числе и Абд Аль-Ваххаб.

Идеология ваххабизма, включающая в себя, как известно, апелляцию к «ас-салаф» – к предкам – появилась в конце XVIII века. Не вдаваясь в концептуальные основы ваххабизма, следует, тем не менее, подчеркнуть, что Абд Аль-Ваххаб – собственно автор трактатов, легших в основу этой идеологии – во-первых, выступал за «чистый» ислам времен пророка Мухаммеда. Во-вторых, данная идеология выступила в качестве инструмента мобилизации политий Аравийского полуострова при формировании Саудовского государства, а затем стала государственной идеологией этого государства²⁰¹. На определенном этапе «экспорта» идей ваххабизма в различные регионы мира, ваххабизм стал приравниваться к радикальному исламу в уже рассмотренном выше смысле. В то время как, анализ дискурса того самого радикального ислама показывает, что сами его представители апеллируют к другому «чистому» исламу – как правило, это различные этапы времен пророка Мухаммада и эпохи правления четырех праведных халифов. То есть, в газетном дискурсе произошло своеобразное «смещение» временного критерия для определения эпохи чистого ислама: он возводится ко времени появления одной из самых известных и цитируемых в наши дни работ, посвященной идее возвращения к «временам чистого ислама», но никак не к соответственно эпохе чистого ислама. Остается не совсем понятным указание интервала до XIV века. Кроме того, ваххабизм здесь выступает синонимом салафизма. Помимо указания конкретной эпохи, дополнительным подтверждением транслирования именно такого значения чистого ислама является и то, что одной из самых «сильных» коллокаций словосочетания «чистый ислам» является лексема «салафит».

Спорным моментом идентификации в качестве временного периода является отнесение сюда режима «Галибов». Скорее это должно рассматриваться как пример реализации того самого «мифического идеала чистого ислама» на практике.

²⁰¹ Подробнее см.: Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 — 1973). М.: Наука, 1982.

И, наконец, в единственном случае речь идет о времени пророка Мухаммеда. То же значение обнаруживается в одном конкордансе словосочетания **«классический ислам»**:

*Салафиты раньше занимались только проповедями, привлекали сторонников и убеждали их в том, что надо твердо придерживаться принципов классического ислама без всяких современных отклонений...*²⁰²

Еще одно семантическое пересечение «чистого» и «классического» ислама заключается в значении «базовый», без каких-либо оценок:

*... а разделение веры случилось в 1589 году, когда Казань приняла чистый ислам*²⁰³.

*... чем лучше мусульмане будут знать классический ислам, ... тем лучше*²⁰⁴.

Другим «синонимом» чистого ислама является очевидная антитеза уже рассмотренного «традиционного ислама» - **ислам нетрадиционный**.

*Решающую же роль в усилении нетрадиционного ислама сыграла практика отправки молодых людей на обучение в арабские и турецкие медресе, из которых большинство возвращалось уже носителями «чистого» ислама*²⁰⁵.

В целом значение такое же, как у радикального ислама, то есть подразумевается весь идеологический комплекс, однако есть и уникальный оттенок, диктуемый контекстом. Каждое из 37 употреблений обнаруживается в «военизированном» контексте. То есть, буквально в каждой статье повествуется о каких-либо операциях МВД по ликвидации, нейтрализации или задержанию «представителей», «сторонников», «проповедников» и «адептов» «нетрадиционного ислама». Так как в одном из материалов есть ссылка на то, что подобное словосочетание было использовано в официальном пресс-релизе МВД²⁰⁶, то можно предположить, что оно используется именно правоохранительными органами.

²⁰² Исламизм потерял ответственное лицо // Независимая газета – НГ Религии. 17.07.2013.

²⁰³ Воробьев В. Пришли убивать// Российская газета. 10.04.2013.

²⁰⁴ Залиханов М. Свобода обязывает // Российская газета. 15.07.2011.

²⁰⁵ Чаплин В. Свой? Чужой? // Независимая газета. 20.01.2010.

²⁰⁶ Татарстан: огненное крещение // Комсомольская правда. 18.12.2013.

Таким образом, вторая категория, которая выявляется в ходе анализа, связана с транслированием значения ислама как идеологии, причем идеологии, несущей в себе деструктивный потенциал. То есть речь идет о формировании негативного милитаризованного образа ислама. Данная категория в совокупности частоты упоминаний является наибольшей и тем самым доминирующей в газетном дискурсе об исламе. Напомню, что речь идет только о словосочетаниях типа «прилагательное-ислам», без анализа частоты появлений таких лексем, как «ваххабит», «салафит», «исламист», которая варьируется в интервале от 1000 до 5000.

Промежуточную позицию на спектре семантической просодии от позитивного до негативного образа занимает элемент «умеренного ислама». Все контексты относятся к описанию взаимодействий в политической, не религиозной сфере. Поэтому, с одной стороны, слово «умеренный» здесь несет позитивную окраску. С другой стороны, в 122 из 184 употреблений речь идет не об умеренном исламе, а об умеренных исламистах, под которыми подразумеваются силы, оперирующие идеями ислама и, что самое главное, находящиеся в легальном политическом пространстве. Так, умеренными исламистами называется турецкая «Партия справедливости и развития», тунисская «Ан-Нахда», ставшая «умеренной» по итогам парламентских выборов октября 2011 года в Тунисе, «Братья-мусульмане» в Египте также в контексте выборов в Народную Ассамблею в январе 2012 года, тогда еще кандидат в президенты Египта Мухаммед Мурси. Синонимом умеренного здесь является *мягкий ислам*. Можно сделать предварительный вывод о том, что под исламистом в анализируемом дискурсе понимается любой актер политического процесса, апеллирующий к идеям ислама. А различные прилагательные фактически определяют место этих сил в политической системе: умеренные исламисты включены в легальный политический процесс, все остальные – радикальные, «антисистемные» - представляют собой либо милитаризованную, либо

экстремистски настроенную оппозицию. Аналогичное значение приписывается и оксюмору «*светский ислам*».

Подобное двойственное положение занимает «*современный ислам*». С одной стороны, это один из способов определения ваххабизма: «ваххабитское течение в современном исламе»²⁰⁷, «салафиты, как политическое течение в современном исламе»²⁰⁸. С другой стороны, говорится о потенциале ислама к развитию и адаптации к современным условиям.

*Современный ислам, прогресс которого ощущается не только в России...²⁰⁹
Все выступают за развитие современного ислама, хотя бы спокойными,
что его не подчинят себе экстремисты²¹⁰.*

Кроме того, следует выделить еще несколько категорий. Во-первых, это географическое обозначение. И оно в целом укладывается в уже обозначенную концептуальную схему «традиционный – радикальный». Привязка к российским регионам – татарский, кавказский – означает либо традиционный «правильный» ислам, либо деятельность исламистских групп. Довольно неожиданным оказалось столь редкое затрагивание проблем европейского ислама. Словосочетание «цивилизованный ислам» в одной статье было обнаружено как синоним евроислама. Обращают на себя внимание и другие контекстные метафоры «сине-желтый» и «забытый» ислам, имеющие отношение к ситуации в Швеции и Казахстане соответственно.

Во-вторых, это категории очевидно положительных и негативных оценочных суждений, составляющих самую маленькую часть анализируемого типа дискурса. На наш взгляд, такие оценки как «живодерский» на отрицательном полюсе и «правильный» на положительном полюсе не нуждаются в дополнительных комментариях. Несмотря на столь редкое появление, представляется необходимым их

²⁰⁷ Мельников А. Обыкновенный ваххабизм // Независимая газета. 01.09.2010.

²⁰⁸ Шарипова К. Мастерок в руках, «калашников» за спиной // Независимая газета. 16.11.2011.

²⁰⁹ Асадуллин Ф. Человек и слова, и дела // Российская газета. 27.08.2012.

²¹⁰ Воробьев В. СССР: фантомные боли // Российская газета. 13.02.2013.

выделение, так как эмоционально наиболее яркие оценки зачастую играют существенную роль в формировании того или иного воспринимаемого образа.

И, наконец, последняя категория – «направления в исламе» - находится на стыке этого и одного из следующих разделов данной работы, так как представляет поднимаемую проблему лишь частично. Действительно частота появлений словосочетаний «шиитский ислам» и «суннитский ислам», а также отсутствие словосочетания, например, «алавитский ислам», не отражает реальную репрезентацию различных направлений ислама в нашем корпусе, чему и будет посвящен один из следующих разделов. Несмотря на это, стоит сделать отдельное замечание относительно контекстов обращения к этой тематике именно в такой лексической форме. Вполне закономерным в свете вышеизложенных закономерностей представляется употребление фразы «суннитские исламисты». Но доминирующим здесь оказывается другой образ. Суннитский, равно как и шиитский ислам представляется как цельная система взглядов и убеждений, в которых есть различные течения, и даже указываются некоторые их отличительные черты; также говорится об особенностях религиозного учения (особенно для шиизма):

Большинство населения Омана составляют арабы, исповедующие ибадизм, суннитское исламское течение, близкое, тем не менее, к шиизму²¹¹.

... алавитское направление является синтезом шиитского ислама с древними гностическими верованиями, процветавшими на Ближнем Востоке в первые десятилетия нашей эры²¹².

Таким образом, итогом проведенного анализа прилагательных, относящихся к лексеме «ислам», может быть список обозначений основных структурных элементов дискурса, выявленных посредством категоризации проанализированных определений. Результат представлен в таблице 10.

²¹¹ Мясников В. Диверсионная война на основе самоокупаемости // Независимая газета. 30.07.2010.

²¹² Кузнецов А. Алавитская гвардия Башара Асада // Независимая газета. 06.07.2011.

Таблица 7. Категории определений ислама

№	Категория	Определения, входящие в категорию
1	Российский ислам	российский, русский, традиционный, суфийский, национальный, суверенный, православный
2	Идеология (негативная коннотация)	радикальный, консервативный, салафитский, внешний, фундаменталистский, нетрадиционный, ортодоксальный, ваххабитский, чистый
3	Идеология (нейтрально-негативная коннотация)	умеренный, мягкий, светский, классический
4	Направления в исламе	суфийский, суннитский, шиитский
5	Оценки негативные	живодерский, оригинальный
6	Оценки позитивные	правильный, срединный, незапятнанный, настоящий, цивилизованный
7	Географические	татарский, кавказский, европейский, сине-желтый, забытый, мировой, красный

Рассмотренная дискурсивная стратегия выявляет сконструированные идентичности, связанные с проблематикой ислама. Основная ее цель – сформировать «правильный» для текущей политической ситуации образ традиционного ислама в противовес ужасающему «радикальному исламу». Однако, учитывая специфику публицистического дискурса – ориентация на горячие факты, способные привлечь внимание читателей – доминирующим оказывается негативный образ ислама, отождествляемый с любыми нелегальными политическими силами, дестабилизирующими ситуацию в стране. Именно данная тенденция является одним из факторов, стимулирующих появление исламофобских настроений.

§3.2. Стратегия 2: Категория действия в дискурсе о мусульманах и исламе

Если в ходе анализа первой дискурсивной стратегии мы обратились к дескриптивным характеристикам ислама, то вторая не менее интересная стратегия обнаруживается при анализе некоторых словосочетаний «ислам/мусульманин + глагол». Мы отобрали наиболее интересные коллокации с точки зрения их контекстов.

Таблица 8. Глаголы, относящиеся к лексемам «ислам» и «мусульманин», с указанием частоты их появления

Ислам				Мусульманин			
1	Исповедовать	54	10,92	1	Составлять	57	9,5
2	Запрещать	21	9,54	2	Жить	32	8,38
3	Принять	28	8,45	3	Молиться	13	8,22
4	Являться	53	8,12	4	Убивать	13	8,08
				7	Хотеть	26	7,8
				20-21	Смочь/мочь	12-49	6,91-6,90

Среди наиболее сильных коллокаций лексемы ислам ожидаемо оказались глаголы «исповедовать» и «принять». Как уже было сказано выше, важную роль играют описания того, какой именно ислам исповедуется или принимается: и здесь снова на первый план выходят определения вроде «радикальный», «ваххабитский» и прочее.

Глагол «является» призван объяснить сущностные характеристики ислама, актуальные для темы материала. В большинстве случаев речь идет в определении ислама в качестве угрозы.

*ислам является основной причиной неспособности иммигрантов интегрироваться в европейское общество, противоречит основам демократии и европейской цивилизации, представляет угрозу правам человека, особенно женщин*²¹³

²¹³ Ханцевич О. Франция заболела исламофобией // Независимая газета. 21.12.2010.

«Хизб ут-Тахрир» – запрещенная в большинстве стран мира политическая партия, идеологией которой является ислам²¹⁴

Тройка коллокаций «жить-молиться-убивать» очень точно отражает основные страхи, связанные с мусульманами. Во-первых, само существование мусульман в том или ином регионе представляет потенциальную угрозу. Во-вторых, страх вызывает появление мусульманина в публичном пространстве, даже если речь идет об общей молитве на праздниках. В-третьих, пугает уровень насилия, ассоциирующийся с деятельностью радикальных мусульман.

То есть это те земли, где какое-то, пусть непродолжительное время жили мусульмане: само присутствие правоверного уже означает применение шариата – начиная с омовения перед молитвой и кончая ведением джихада в разных формах²¹⁵.

В день пятничного намаза в мечети было многолюдно, мусульмане молились даже на улице, расстелив коврики прямо на тротуарах²¹⁶.

Душманы – не люди, нелюди! – невольно скаламбурил комбат. – Они не только наших, но и своих мусульман убивают по-зверски²¹⁷.

Многие специалисты в области дискурс-анализа обращают внимание на важности анализа категории модальности. В самом широком смысле слова под ней понимается такая семантическая категория, которая позволяет говорящему выразить отношение к содержанию высказывания. К лексическим средствам выражения модальности относятся в первую очередь модальные глаголы, например, хочу, могу, должен и так далее.

Что касается нашего корпуса, то здесь в первую очередь обращает внимание употребление глаголов «хотеть» и «мочь». Анализ контекстов их употребления обнаруживает необычную дискурсивную стратегию формирования негативного образа ислама. Первый глагол в контексте

²¹⁴ Панфилова В. Женское лицо радикального ислама // Независимая газета. 04.07.2014.

²¹⁵ Игнатенко А. Гуманитарный джихад // Независимая газета. 11.09.2015.

²¹⁶ Муртазин И. Тридцать три дела // Новая газета. 11.09.2015.

²¹⁷ Шелудков И. Кому как на роду написано // Независимая газета. 11.09.2015.

действия мусульман или мусульманина употребляется в нашем корпусе 26 раз. В подавляющем числе случаев речь идет о «неправильных» желаниях мусульман: они либо выходят за рамки легальных норм, либо представляются как непомерные, либо просто как агрессивные.

... мусульмане хотят поставить себя в особое положение...

... мусульмане хотят другой русский мир...

... мусульмане нового поколения хотят обособиться от общества...

... каждый мусульманин хотел бы жить в шариатском государстве...

Контекст употребления глагола «мочь» не столь однозначен. В большинстве случаев авторы информирует читателя о том, что позволено, а что нет мусульманину в рамках исламской традиции.

*Без воды исполнять религиозный обряд мусульманин не может*²¹⁸

В то время как данные контексты преимущественно нейтральны и не отражают никакой оценки, коллокация леммы «ислам» «запрещать» показывает репрессивную природу ислама. Даже если речь идет об общепринятых нормах ислама («ислам категорически запрещает самоубийство», «ислам запрещает спиртное»), то показателен выбор именно модального глагола «запрещать», а не «разрешать». В то же время свою роль играет и противопоставление в ряде случаев с этой коллокацией.

*О том, что ислам запрещает похищение невест, чеченская молодежь, по большому счету, не имеет понятия*²¹⁹.

*Ислам запрещает убийство женщин, но можно сделать исключение для тех, кто поддерживают неверных в их войне против нашей религии*²²⁰.

Другая часть конкордансов «мочь» обнаруживает «разрешающий» контекст: мусульмане смогут совершить то или иное действие, потому что им это стало позволено. Как правило, речь идет о каких-либо религиозных обрядах, выполнение которых сопряжено со взаимодействием с

²¹⁸ Милашина Е. Воды нет, а дубинки в остатке // Новая газета. 28.03.2012.

²¹⁹ Зубайраева З. Сезон кражи невест // Российская газета. 11.03.2011.

²²⁰ Нобель как охранный грамота // Новая газета. 14.02.2014.

немусульманским населением или же с государственными органами, например, о праздновании Курбан-Байрама или организации хаджа.

Ураза Байрам московские мусульмане смогут отметить в мечети Шухада... чтобы все мусульмане могли прийти в мечеть помолиться.

Что же касается коллокации «составлять», то она в первую очередь связана с тем, какую долю мусульмане составляют в населении той или иной страны. А различные числовые характеристики будут подробно рассмотрены в следующем параграфе.

И в случае с тем, что мусульмане могут, и что они хотят, следует отметить, что появляется субъект, который в первом случае определяет «правильность» желаний, а во втором – позволяет, чтобы мусульмане смогли совершить то или иное действие. Спецификой дискурса об исламе в России – не только в СМИ – является его взаимное проникновение в дискурс политический и наоборот, что уже становилось предметом подробного изучения²²¹. Государство уже взяло на себя функцию определения того, что является правильным исламом, создав концепт «традиционного ислама». Употребление данных глаголов является еще одним примером попытки «отделить зерна от плевел» и установить нормативные рамки между правильными и неправильными пожеланиями мусульман. Данная стратегия добавляет к системной дихотомии «радикальный-традиционный ислам» элемент иерархичности: приоритет в оценке правильности действий мусульман отдается государству, а не мусульманскому сообществу, чьи голоса в данном контексте вообще не звучат.

²²¹ Alexeev, I., Ragozina, S. (2017) “From 'Good' To 'Right' Islam: The Categories And Concepts In The Modern Russian Analytics And Ideology Language”, *Islamology* 7(1): 88–105.

§3.3. Стратегия 3: Категории количества и гомогенизация исламской традиции

Многие специалисты – не только из области исламских исследований – не раз обращали внимание на то, что наибольший страх у человека вызывает то, что он не может понять. В формировании отношения к мусульманскому меньшинству работает тот же принцип: у среднестатистического человека нет возможности разобраться в деталях суннитско-шиитского конфликта и понять, чем алавиты отличаются от друзей. В то время как подготовленный новостной повесткой об «исламских террористах», он каждый день может испытывать дискомфорт при встрече с мусульманами.

Уже упомянутый Т. Асад обстоятельно критикует подход, основанный на искусственных обобщениях в изучении ислама – все они, на его взгляд, ошибочно гомогенизируют исламскую традицию, не позволяя разглядеть уникальных характеристик каждой отдельно взятой мусульманской общины²²².

В случае с газетным дискурсом такая гомогенизация ислама оказывается эффективным механизмом в создании негативного образа. Как это обнаруживается? В исследовании, выполненном командой ученых, об образе беженцев в британской прессе, было отмечено, что использование больших чисел в контексте беженцев способствует их восприятию в качестве необъятной надвигающейся угрозы²²³. Схожая тенденция была обнаружена и в нашем материале.

Например, при анализе сочетания «тысяч мусульман» в подавляющем числе случаев говорится о том, сколько мусульман собралось на улицах города для празднования Курбан-Байрама – один из самых популярных информационных поводов среди материалов, где исламский сюжет является основным. Важным моментом здесь является то, что авторы акцентируют

²²² Asad, T. "The Idea of an Anthropology of Islam".

²²³ Baker, P. (2008). "A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press".

внимание на проблемах, которые создают мусульмане, собираясь для празднования своего праздника, например: давка в метро, перекрытые улицы. *десятки тысяч мусульман все равно поехали к мечети на проспекте Мира, создав давку в метро*

Словосочетание «миллион мусульман» явно обнаруживает категорию угрозы. Мусульмане превращаются в некую аморфную бесконтрольную силу, масштаб которой можно оценить только несколькими миллионами. Вне зависимости от точности оценок численности мусульманской общины в большинстве случаев слово «миллионы» вместе со словом «мусульманин» указывает на значимость и масштаб проблемы мусульман. Однако суть угрозы зависит от контекста. Если речь идет о Европе, то актуализируется демографическая угроза.

в Италии живут два миллиона мусульман, а через десять лет их будет больше

Кстати, она обнаруживается и посредством других лексем, имеющих отношение к определению количества, например:

увеличение числа мусульман создает проблемы

И для Европы, и для России – мусульмане здесь предстают в виде группы риска, якобы наиболее уязвимой для воздействия экстремистских идеологий:

Для ваххабизма как для глобального проекта главный враг - патриотизм. Ислам сейчас - ахиллесова пята России. 20 миллионов мусульман в стране! Представляете, какой огромный ресурс?!

...вопрос о мечети. В конце концов, все террористические акты начинались в одной из них. Все это, впрочем, не так важно, как кажется. В Америке - шесть миллионов мусульман, и они никуда не денутся

Крайне эмоциональный компонент обнаруживает контекст употребления словосочетания «толпа мусульман». Здесь мусульмане предстают фактически в виде религиозных фанатиков, готовых на безумные действия:

*разъяренная толпа мусульман едва не учинила самосуд
миллионные толпы экзальтированных мусульман
толпа разгневанных мусульман попыталась взять штурмом американское
посольство*

Таким образом, обозначение некоторого количества мусульман, с одной стороны, размывает границы между различными направлениями внутри ислама, превращая мусульман в единого аморфного актора. С другой стороны, числа используются для гиперболизации масштаба угрозы (даже потенциальной), которую могут представлять или уже представляют мусульмане.

Другим примером унификации восприятия мусульман является недостаточное внимание к различным направлениям в исламе. Нами был составлен «Рейтинг» их упоминаемости (таблица 9).

Таблица 9. «Рейтинг» упоминаемости различных течений в исламе

1	Шиизм	4528
2	Суннизм	3691
3	Алавизм	787
4	Суфизм	567
	Накшбандийа	56*
	Кадирийа	12*
	Ахмадийа	25*
5	Друзизм	114
6	Исмаилизм	94
7	Зейдизм	98
8	Ибадизм	8
* - не включительно в группу «Суфизм»		

На первый взгляд, такая статистика кажется несколько неожиданной: о шиитах говорится больше всего по сравнению с другими направлениями, алавизм встречается довольно часто, также существенное освещение получает друзизм. Оказывается, причиной такого расклада является

упоминание – особенно самых частотных слов – в политическом контексте: объяснение расклада политических сил, специфики акторов политического процесса. Почему же шиизм оказывается представлен больше, нежели чем суннизм, несмотря на то, что их представителей гораздо меньше в мире? Частично ответ на этот вопрос может дать проведенный для трех наиболее часто упоминаемых направлений анализ коллокаций. В таблице 10 представлены только семантически значимые результаты, исключены грамматические слова. Стоит также отметить, что здесь представлены результаты для субкорпуса с 2010 по 2013 год: только так можно было исключить «шум», связанный с материалами про ИГИЛ (эта проблема актуализируется с 2014 года).

Таблица 10. Коллокации лексем «шиизм», «суннизм» и «алавизм» для субкорпуса 2010-2013 года

№	Коллокация	MI-score	Частота	Коллокация	MI-score	Частота	Коллокация	MI-score	Частота
	Шиизм			Суннизм			Алавизм		
1	Суннит	17	501	Шиит	14,3	501	Суннит	12,5	102
2	Иран	14,4	276	Против	8	173	Сирия	9,1	94
3	Против	12,3	192	Ислама	9,3	143	Шиит	12,6	94
4	Ирак	14,6	190	мусульмане	9,2	125	Асад	10,5	80
5	Ливан	16,6	185	страны	7,1	120	христиане	11,1	48
6	Хезболла	16,3	138	Ирак	10	117	Секты	13,2	41
7	Бахрейн	16,7	129	Сирия	8,8	115	Против	7,4	38
8	Власть	11,7	120	большинство	9,8	107	Власть	7,2	36
9	Ислам	12,9	117	Алавит	14,2	102	Башар	10,2	34
10	Большинство	13,7	111	Власть	7,2	82	Режим	9	32
11	Сирия	11,9	105	населения	9,4	69	меньшинство	11,6	30
12	Населения	13,5	102	монархии	11,2	63	Между	7,3	23
13	Мусульмане	11,4	97	Война	9	58	президент	7,1	23
14	Алавит	16,9	94	противостояние	10,7	55	представитель	8,2	23
15	Саудовская	14	79	саудовская	9,8	54	принадлежит	10,6	17

Политические события в Иране, Ираке, Ливане, Сирии и Бахрейне дают больше информационных поводов для их освещения. Сильными коллокациями являются слова, относящие к семантическому полю слова конфликт: война, противостояние, против. Причем предметом конфликта являются не столько религиозные противоречия, сколько власть – о чем свидетельствует наличие данной коллокации во всех трех группах. Получается, что самыми освещаемыми событиями являются разного рода конфликты с участием сил политического ислама, а также текущая политическая ситуация в Иране, неразрывно связанная с шиитским исламом. Кроме того, анализ коллокаций демонстрирует, что лексемы «суннит» и «шиит» являются взаимными коллокациями, что свидетельствует о важности элемента суннитско-шиитского конфликта в анализируемом дискурсе. Алавитское направление в исламе актуализируется контекстом событий в Сирии и принадлежностью его президента Башара Асада к этому течению.

Что же касается собственно религиозных особенностей этих направлений, то об этом речь идет лишь в нескольких материалах, посвященных шиизму (в том числе там, где описывается важнейшее для шиитов религиозное мероприятие Ашуры) и алавизму.

В тоже время наблюдается интересная тенденция – чем меньше то или иное исламское направление упоминается в корпусе, тем «качественнее» материал ему посвященный. Например, едва ли не каждый материал про исмаилитов носит культурологический характер, то же самое касается зейдизма. Достаточное количество материалов посвящено описанию бытовой жизни дружской общины в разных странах арабского мира.

Следует также обратить внимание на еще одно имеющееся в исламе деление на различные группы – на основе принадлежности к тому или иному мазхабу. Суммарное упоминание данного термина для описания исламского вероучения не самое частое. Словарное значение данного термина – «богословско-правовая школа»²²⁴. В ряде упоминаний данного термина

²²⁴ Мазхаб // Прозоров С.М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 152.

дается именно такое определение. Если большинство употреблений исламских направлений в очередной раз актуализируют негативный образ ислама, заключающийся в представлении его в качестве воинственной силы, то контексты употреблений определенных мазхабов демонстрируют установленную ранее дихотомию «традиционный VS радикальный ислам». Здесь на полюсе «традиционности» оказывается «традиционный для татар ислам ханафитского мазхаба» и «традиционный для Кавказа ислам шафиитского мазхаба», в то время как противоположный полюс представлен «ваххабитской интерпретацией ханбалитского мазхаба» и «центрами жесткого ханбалитского ислама». Маликитский мазхаб, к которому обратились члены Национальной организации русских мусульман, упоминается в трех статьях. Интересно, что в интервью с лидером НОРМ Харуном Сидоровым, им дается рациональное обоснование такого выбора:

Но маликитский мазхаб ценен как выбор, на котором строят свою практику и идентичность люди, относящие себя к русской мусульманской общности. В более широком смысле речь идет о феномене «западного ислама», так как такой выбор и ориентация характерны для многих новообращенных мусульман в Европе, Америке и Южной Африке, с которыми мы тесно взаимодействуем²²⁵.

Если перед данной цитатой маликитский мазхаб описывается как некая экзотика, то сразу после нее говорится о том, что «западный ислам – ...событие, пугающее обывателя своей реальностью», что если не дискредитирует деятельность данной организации, то выражает некоторую настороженность автора.

²²⁵ Бабич Г. Правоверные без уммы // Независимая газета. 15.12.2010.

§3.4. Стратегия 4: Криминализация нейтральных коннотаций

Довольно очевидным представляется тот факт, что любые фразы, включающие определения «исламский» и «мусульманский»стораживают читателя, так как данная тема стала в высшей мере секьюритизирована. Менее тривиальный вопрос заключается в том, как это происходит. Проанализировав контекст употребления целого ряда словосочетаний модели «исламский/мусульманский + существительное», было установлено, что в подавляющем числе случаев речь идет об изменении изначально нейтральной коннотации. И соответственно это происходит в двух ситуациях: когда негативная коннотация словосочетания связана с определяемым словом или когда слово «исламский» или «мусульманский» само контекстуально превращается в своеобразный «негативный маркер».

Что касается первого случая, то речь идет о ряде терминов, изначально несущих негативную коннотацию, которым добавляется определение, связанное с исламом, например, «исламский терроризм», «исламский фундаментализм», «исламский экстремизм». Несмотря на осуждение обвинения какой-либо религии в террористической деятельности, дискурсивная практика говорит об обратном. Мы уже видели, насколько обширной оказалась категория «радикального ислама», когда мы анализировали атрибуты, приписываемые исламу в коммуникативном пространстве. Здесь ситуация схожая: речь идет не только о многочисленных «-измах», которые становятся исламскими, но и о целом ряде других элементов, относящихся все к той же категории «радикального ислама», как то: «исламский боевик», «исламский радикал», «исламская идеология» или «исламский джихад». Несмотря на наличие ряда формальных определений терроризма в большинстве случаев значение словосочетания «исламский терроризм» совпадает с «радикальным исламом». Помимо этого, «исламскому терроризму» приписывается значение одной из мировых проблем современности. О локальных событиях, относящихся к этой сфере, говорится как о проявлении общемировой тенденции в отдельно взятом

регионе. О придании значения «мировой проблемы» свидетельствует и тот факт, что при описании тем, обсуждаемых во время официальных дипломатических визитов, используется именно этот конструкт.

*В конце концов, обе страны [Великобритания и Россия] являются постоянными членами Совбеза ООН и обеспокоены одним и тем же, как, например, исламский терроризм и ядерное разоружение*²²⁶.

*Это может быть ударом исламского терроризма по военному и экономическому союзнику России [Белоруссии]*²²⁷.

Понятия «исламского терроризма» фактически являются синонимами «исламского фундаментализма» и «исламского экстремизма», так как последнее словосочетание упоминается в тех же контекстах: мировая проблема и деятельность локальных политических сил, находящихся преимущественно вне легального политического поля.

*Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) подавляющим числом голосов приняла 5 октября резолюцию «Борьба с экстремизмом: достижения, недостатки и провалы», одной из центральных тем которой стала борьба с исламским фундаментализмом*²²⁸.

*... с начала года в Таджикистане были арестованы свыше 50 исламских фундаменталистов, которые прошли специальную подготовку в учебно-тренировочных лагерях Пакистана и Афганистана*²²⁹.

*Теракты 11 сентября 2001 года ввергли Запад в десятилетнюю войну с исламским экстремизмом*²³⁰.

*...расширение диверсионно-террористической деятельности исламских экстремистов в Центральной Азии*²³¹.

Согласно имеющимся законодательным и академическим определениям терроризма, они существенно отличаются от определений

²²⁶ Купюры // Коммерсант. 13.09.2011.

²²⁷ Четыре наивных вопроса о взрыве в Минске // Комсомольская правда. 13.04.2011

²²⁸ Минин С. Европа объявила мусульманский экстремизм реакцией на исламофобию // Независимая газета. 20.10.2010

²²⁹ Макарычев М. Бойня под Памиром // Российская газета. 21.09.2010

²³⁰ Рар А. Европейские «чудаки» и русские «медведи» // Российская газета. 07.09.2011

²³¹ Заградительная стратегия ОДКБ // Независимая газета - НВО. 05.07.2013.

фундаментализма. Согласно ФЗ «О противодействии терроризму» под терроризмом понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»²³². Гораздо более широкая трактовка дается террористической деятельности, включающей в себя подготовку и планирование терактов, вербовку, пропаганду и т.д.²³³ Экстремистская деятельность, также согласно соответствующему федеральному закону, включает в себя целый список действий, например: подрыв безопасности РФ, создание незаконных вооруженных формирований, массовые беспорядки, пропаганда и финансирование данных видов деятельности.²³⁴ Интересно, что террористическая деятельность также включается в сферу экстремистской деятельности. Что же касается фундаментализма, то он не регламентируется законодательно и хотя бы поэтому не может стоять в одном ряду с экстремизмом и терроризмом. Поэтому нам стоит обратиться к академическим определениям. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что фундаментализм объединяет в себе систему ценностей возвращения к истокам веры или богословской основе вероучения. По мнению Кудряшовой И.В. отличительной чертой мусульманского фундаментализма является «использование религиозных мотивов и символов как вспомогательного элемента в борьбе политических элит и внешняя активность мусульманских организаций»²³⁵. То есть наиболее существенным отличием является то, что любая террористическая деятельность является преступной, но не любое проявление фундаментализма находится вне закона. Так, например, целый ряд межправительственных организаций мусульманского мира апеллирует в

²³² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Доступ через информационно-правовую систему «ГАРАНТ».

²³³ Там же.

²³⁴ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности". Доступ через информационно-правовую систему «ГАРАНТ».

²³⁵ Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. 2002. № 1. С. 69.

своих уставных документах к фундаментальным исламским ценностям, занимаясь, тем не менее, вопросами культурного взаимодействия²³⁶.

В задачи данной работы не входит концептуализация таких понятий, как «терроризм» или «фундаментализм». Однако даже столь беглый обзор определений дает представление о степени упрощения употребляемых терминов и искажении смыслов. Причем это относится не только к «развлекательно-информационной» «Комсомольской правде», но и к качественной прессе, вроде «Независимой Газеты» и «Коммерсанта» и официальной «Российской газете». Так, негативный образ ислама существенно расширяется, когда слова «ислам» и «мусульмане» широко используются вместе со словами, имеющими сами по себе негативную коннотацию.

Но не только вызывающие опасения понятия, вроде терроризма, становятся причиной криминализации ислама: в ряде случаев уже сами прилагательные «исламский» и «мусульманский» начинают выступать такими маркерами. Это обуславливается контекстом. Так, словосочетание «исламская литература» употребляется не в контексте каких-либо классических литературных произведений мусульманского мира, а в контексте судебных запретов на переводы различной исламской литературы. Знакомство с исламской литературой также указывается в качестве одной из причин преступной деятельности.

Самостоятельно изучая исламскую литературу и под влиянием друзей-мусульман, в 15 лет Тихомиров принял ислам, взяв себе новое имя – Саид Бурятский²³⁷.

Тем не менее стоит отметить, что нами было обнаружено несколько конкордансов, где исламская литература не выступает как источник экстремистской или иной подобной деятельности. Говорится о проблемах «незнания исламской литературы», «необходимости издания традиционной

²³⁶ Например, деятельность Всемирной ассамблеи по сближению исламских мазхабов [<http://www.taqrif.info/russian/>, доступ от 12.03.2018].

²³⁷ Егоров И., Ларина А. Саид больше не зажжет // Российская газета. 09.03.2010.

исламской литературы» и о проекте создания «центра переводов исламской литературы». Однако едва ли это влияет на общую картину.

Нейтральные слова «правление», «лозунг», «оппозиция» также наделяются в целом негативным значением. Все они относятся к политической сфере. Нейтральное значение словосочетаний «исламское правление» и «исламские лозунги» сохраняется в контексте повествования о новейшей истории Ирана, о революции 1979 года, произошедшей под «исламские лозунги» и об особенностях режима «исламского правления», установленного с тех пор. Когда же речь заходит о других регионах мира, то здесь мы встречаем снова настороженное отношение к политическим акторам, использующим ислам в качестве мобилизационной идеологии:

*А вот если «талибам» удастся поджечь хотя бы Ферганскую долину, то есть спровоцировать в ней массовое восстание под исламскими лозунгами, это будет настоящая катастрофа...*²³⁸

*Доку Умаров уже давно сам дистанцировался от цивилизованного мира, объявив об установлении исламского правления на Северном Кавказе...*²³⁹

Наиболее ярко это выражено со словосочетанием «исламская оппозиция». Показательно, что подавляющее большинство контекстов его употребления относится к событиям в Таджикистане, Тунисе, Афганистане и Пакистане, но не к России. Кроме того, в данном дискурсе содержательной характеристикой именно «исламской оппозиции» становится ее «вооруженность» и необходимость насильственного противостояния ей. В России проблема исламской оппозиции исключена из публичного дискурса. Употребление термина «оппозиция» означает, что она имеет право на существование, является частью политической системы, в то время как в российском контексте силы политического ислама оказываются вне политики, а скорее в сфере военного противостояния внешней угрозе. Кроме

²³⁸ Храмчихин А.А. ОСК «Центр» против Центральной Азии // Независимая газета. 22.10.2010.

²³⁹ Доку Умаров получил международное признание // Коммерсант. 25.06.2010.

того, зачастую в качестве синонима используется словосочетание «исламистская оппозиция».

Мусульманский или исламский праздник описывается, если не как потенциальная угроза, то в контексте возникшей вследствие его празднования конфликтной ситуации или напряженности. В большинстве случаев речь идет о крупнейших мусульманских праздниках Курбан-Байраме и Ураза-Байраме. «Напряженными моментами» здесь является большое скопление людей, массовая молитва и осуществление ряда ритуалов (в частности, принесение в жертву животных).

*В дни празднования религиозного праздника Курбан-Байрам в различных местах Москвы устраивается прилюдный забой животных, который вынуждены наблюдать многие москвичи, в том числе и дети...*²⁴⁰

«Мусульманские традиции» и «мусульманские обычаи» употребляются в контексте брака и похорон, чего нельзя сказать о словосочетании «исламская традиция/традиции». Если первые два словосочетания понимаются как «установленный порядок», то последнее имеет более широкие значения. «Исламские традиции» понимаются как образ жизни, воспроизводящиеся на протяжении долгого времени практики. «Исламская традиция» означает своеобразную логику исторического и культурного развития.

*Бен Ладен фактически порвал с 1400-летней исламской традицией*²⁴¹.

*Исламская традиция становится органической и легитимной частью европейской культуры*²⁴².

Казалось бы, близкие по значению «**исламские ценности**» тоже понимаются не как некий образ жизни, а скорее как одна из идеологем или целей в политической борьбе различных арабских стран, особенно на волне событий «арабской весны».

²⁴⁰ Мальцев В. Собянина попросили вернуться к баранам // Независимая газета. 22.11.2010.

²⁴¹ Джихад не заметил потери вождя? // Независимая газета – НГ Религии. 18.05.2011.

²⁴² Попов В. Кризис усугубил межнациональные трения // Независимая газета. 18.10.2010.

§3.5. Стратегия 5: неправильное понимание

В статье под заголовком «Между «исламофобией» европейцев и «европофобией» иммигрантов» приводится мнение А. Игнатенко относительно «богословско-политического аспекта демографических процессов в Старом Свете»²⁴³. Невозможность настоящей интеграции мусульман в европейское сообщество объясняется с богословской точки зрения. А. Игнатенко говорит о зависимости мусульманской богословской традиции от христианской. Эксперт приводит несколько цитат из Корана для обоснования своей точки зрения.

В Коране есть прямые подтверждения тому, что мусульманское вероучение, и самый «ключевой» его момент – учение о единобожии (таухид), формировалось если можно так выразиться, «от противоположного» – через противопоставление христианству и особенно – христианскому учению об Иисусе Христе – Сыне Божьем, равновеликом Богу-Отцу.

В академической среде нет единого мнения по данному вопросу: одни поддерживают точку зрения А. Игнатенко²⁴⁴, в то время как другие придерживаются точки зрения о самостоятельном пути становления мусульманской догматики и бесконфликтном характере христианско-мусульманского диалога²⁴⁵. Однако, альтернативная точка не упоминается в статье и у читателя закономерно складывается впечатление об отсутствии таковой. И ислам выступает зависимым от христианства.

Артикуляция отдельных значений и нивелирование других наиболее ярко проявляется в объяснении терминов, относящихся к религии ислама. В качестве анализируемой группы были определены термины, обозначающие пять столпов ислама: ураза (пост), закят, намаз (пост), хадж и шахада. Какое представление об основах веры формируется у читателей газет? Важнейшим информационным поводом является хадж: говорится об изменениях размеров

²⁴³ Игнатенко А. Между «исламофобией» европейцев и «европофобией» иммигрантов // Независимая газета – НГ Религии. 20.10.2010.

²⁴⁴ См. например: Thomas, D. (2008) Christian doctrines in Islamic theology. Brill.

²⁴⁵ См. например: Журавский А.В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990; Renard, J. (2011) Islam and Christianity: Theological Themes in Comparative Perspective. University of California Press.

квот, организации хаджа; большая доля материалов посвящена конфликтам на рынке фирм, организующих поездки в Саудовскую Аравию. Одной из самых сильных коллокаций слова «Рамадан» является лексема «завершение» – подавляющее число статей посвящены описанию событий (как правило, преступных инцидентов), приуроченных к окончанию месяца Рамадан. Надо сказать, что существенная часть контекстов употребления этих терминов выполняет просветительскую функцию и в целом ориентирована на формирование позитивного образа ислама. Исключение касается только термина «закят». В связи с этим обращает на себя внимание целый ряд определений, предлагаемых для этих терминов. Они представлены в таблице 11.

Таблица 11. Определения понятий, обозначающих столпы ислама

Искомый элемент	Определение	Частота
Хадж	одна из основных обязанностей мусульманина	641
	паломничество в Мекку, но если у паломника нет денег на Мекку, они отправляются к ближайшим святыням	
	паломничество к святыням ислама	
	не религиозный туризм, а этап на пути духовного совершенствования мусульманина	
	паломничество к святым местам в Саудовскую Аравию	
	традиционное паломничество	
Ураза (пост)	мусульманский пост Рамадан	546
	пост в священный месяц Рамадан	
Намаз (молитва)	[отсутствуют ссылки на конкретные определения]	479
"асфальтный намаз"	уличные намазы десятков тысяч мусульман в окрестностях Соборной мечети	
	Марин Ле Пен сравнила "асфальтные намазы" с оккупацией Франции немцами в годы Второй мировой войны	
рузбан-намаз	пятничное соборное богослужение	

джума	пятничный намаз	
Закят	десятипроцентный налог со своего дохода	45
	когда богатые мусульмане оказывают помощь нуждающимся ... направленный на борьбу с неверными	
	милостыня в пользу бедных	
	или «сороковина» (2,5%) - обязательный социальный налог мусульманина, выплачиваемый им в пользу бедных	
	обязательная милостыня	
	специальный налог с богатеньких единоверцев	
	религиозное пожертвование	
	собирают якобы закят, на самом деле это самый обыкновенный рэкет	
	налог в пользу «джамаата»	
	своего рода налог в пользу общины, которую вменил в обязанность мусульманам Всевышний	
	добровольное пожертвование нуждающимся	
налог на священную война [требования раскошелиться на джихад]		
Шахада	исламский символ веры	42
	«мученическая смерть»	

Определения термина хадж и Рамадан носят просветительский характер. Термин «намаз» предполагается знакомым читателям и поэтому не требует дополнительных комментариев. Однако анализ его конкордансов обнаруживает такую интересную метафору, как «асфальтный намаз», посредством которой описывается проблема существования мусульманского сообщества в мегаполисе; речь идет о чуждости и неприемлемости привнесенных традиций – сюда, например, относится негативное отношение жителей кварталов, где есть мечеть, к слишком громкому призыву на молитву.

Отдельного внимания заслуживает репрезентация термина «закят» в газетном дискурсе. Во-первых, это связано с наличием такого большого количества порой взаимоисключающих с точки зрения содержания

трактовок. Принципиальным моментом в разнице определений является критерий обязательности: одни говорят, что это добровольное пожертвование или милостыня, другие – что это своеобразный налог. При обращении к академическим ресурсам выясняется следующее значение, отвечающее реальному положению дел: «налог в пользу нуждающихся мусульман. ... Сбор закята с продуктов земледелия в размере $\frac{1}{10}$ урожая производился сразу по завершению сбора урожая, а с остального в размере $\frac{1}{40}$ по истечении календарного года»²⁴⁶. В наиболее авторитетном зарубежном энциклопедическом издании по тематике ислама приводится более полное и в то же время менее конкретизированное определение: «обязательная плата мусульманами определенной части указанных категорий их законного имущества в пользу бедных и других перечисленных классов, или в общем кораническом смысле, часть имущества для платы»²⁴⁷. В этом же источнике подробно описана история изменения экономической модели закята на разных исторических этапах, в том числе и на современном, когда говорится о совершенно разных процентах и моделях сбора, а также дискуссиях о целесообразности этой модели в наши дни как таковой.²⁴⁸ Получается, что большинство из приведенных в газетах определений являются частично правильными, но общего правильного понимания не складывается.

Некоторые же определения и вовсе не имеют никакого отношения к реальности, а лишь укрепляют негативный образ об исламе. Закят в таких случаях рассматривается в качестве финансовых средств, идущих разными путями боевикам. Эти контексты являются яркими примерами дискредитации одного из столпов исламской веры путем подмены значения с негативной коннотацией и помещения в соответствующий негативный контекст.

²⁴⁶ Закят // Прозоров С.М. Указ. соч. С. 74

²⁴⁷ “Zakat” (2002), in Bearman, P.J., Bianquis, Th., Bosworth, C.E., Van Donzel, E., Heinrichs, W.P. (eds) The Encyclopaedia of Islam. Volume XI, pp. 406-407. Brill.

²⁴⁸ Ibid, pp. 407-420.

Сходным примером является обнаруженное значение слова «шахада» - мученическая смерть. В конкретном случае речь действительно не шла о шахаде, как о символе мусульманской веры, а о том, что якобы город Мешхед был назван от арабского слова шахада, и приведен соответствующий перевод. Основное значение корня «шахада» в арабском – «свидетельствовать»; «шахид» - действительно означает жертву, мученика, но как таковое значение «мученической смерти» у лексемы «шахада» отсутствует.

Таким образом, анализ контекстов употребления понятий, связанных с исламским вероучением, позволил обнаружить ряд моментов, способствующих формированию положительного образа ислама. Однако, общая тенденция сохраняется и здесь: контекстуально артикулируются или, как показал анализ употреблений слова «закят», конструируются новые значения, относящиеся скорее к восприятию ислама как религиозно-политической проблемы.

В данной главе на основе анализа паттернов лексической сочетаемости лексем «ислам» и «мусульмане» были выявлены основные дискурсивные стратегии выстраивания негативного образа ислама. Одной из фундаментальных стратегий, оказывающей влияние на все остальные, является формирование дихотомии «свой-чужой» на примере противопоставления радикального и традиционного ислама. Данная стратегия отлично иллюстрирует семантическую просодию, приводящую к необходимости оперирования негативными и позитивными коннотациями при анализе категорий радикального и традиционного ислама соответственно. Причем радикальный ислам занимает центральную роль в дискурсе об исламе. Даже если речь идет о каких-то сюжетах, не связанных напрямую с активностью организаций радикального ислама и прочее, то в конечном счете радикальный ислам выступит своеобразной рамкой и для них. Об этом, например, свидетельствует обнаруженная стратегия криминализации нейтральных коннотаций ряда лексем, связанных с исламом

(например, «мусульманская литература» или «мусульманский праздник»). Показателен и тот факт, что наиболее «сильные» глагольные коллокации лексем «мусульманин» – жить, молиться, убивать – воспроизводят основные страхи, связанные с мусульманами. Другая стратегия связана с унификацией восприятия мусульманской общины. Увлечение «магией больших чисел» в отношении описания мусульманских общин «квантифицирует» угрозу, подчеркивая ее «невероятный» масштаб. Невнимание к различиям многочисленных направлений в исламе также способствует гомогенизации восприятия ислама: значимость различных направлений в исламе, как правило, актуализируется только в контексте описания расклада политических сил в отдельном регионе. Наконец, стигматизации в восприятии ислама способствует также неверная интерпретация мусульманских терминов, что было продемонстрировано на примере определений пяти столпов ислама, предлагаемых журналистами.

Глава 4. Мигрантофобия, антиамериканизм и защита традиционных ценностей: глубинные корни негативного образа ислама

§4.1. Концептуализация понятия «исламофобия»

Позволяют ли рассмотренные выше дискурсивные стратегии говорить о наличии исламофобии?

Говоря о наличии или отсутствии исламофобии, мы подразумеваем, что есть не только языковые стратегии, способствующие созданию негативного образа ислама, но и собственная предметная область данного концепта. Чтобы разобраться, присутствует ли исламофобия в российских печатных СМИ, то для начала стоит исследовать сущностные характеристики исламофобии, а затем более подробно проанализировать контекст появления элементов дискурса об исламе.

Первая попытка концептуального осмысления термина «исламофобия» была предпринята британским исследовательским центром Runnymede, занимающимся изучением вопросов равенства и этничности²⁴⁹. В 1997 году Комиссия по британским мусульманам и исламофобии (в структуре Runnymede с 1996 года) опубликовала доклад «Исламофобия: вызов для нас»²⁵⁰. Сами авторы утверждают, что впервые слово «исламофобия» было употреблено в американской прессе в 1991 году в материале, посвященном событиям в Афганистане. Помимо собственно исламофобии, в докладе затрагивалась и проблема расовых и религиозных преступлений, миграции и «включающих» общественных механизмов, стратегии взаимодействия мусульманской диаспоры с британскими властями. Основное преимущество данного источника заключается не в том, что был проведен подробный анализ собственно концепта «исламофобия», сколько в том, что было обозначено предметное поле анализа, был сделан акцент на его неоднородности.

²⁴⁹ “About us”, The Runnymede Trust [<http://www.runnymedetrust.org/about.html>, accessed on 12.03.2018].

²⁵⁰ “Islamophobia challenge for us all” (1997), The Runymede Trust [<http://www.runnymedetrust.org/publications/17/32.html>, accessed on 12.03.2018].

Авторы доклада несколько раз повторяются, что термин далек от идеала. Исламофобия в самом широком смысле может быть определена как необоснованная враждебность по отношению к исламу. Однако это не просто абстрактная «враждебность», но и практические следствия, выражающиеся в дискриминации в отношении мусульман и мусульманских сообществ, их исключения из участия в важных политических и социальных делах. Кроме того, авторы ставят вопрос: где же грань между «легитимной критикой» и «необоснованной враждебностью»? Оказывается, дело в «открытом» и «закрытом» взгляде на проблему. Чтобы идентифицировать степень открытости-закрытости, предлагается восемь критериев, представленных в таблице 12.

Таблица 12. «Закрытый» и «открытый» взгляд на ислам

Критерий	«Закрытость»	«Открытость»
Монолитность – диверсифицированность	Ислам монолитен и статичен и не предполагает ответов на новые вызовы	Ислам предполагает разнообразие, приемлет идеи развития
Взаимодействие – не взаимодействие	Ислам приемлет идею взаимодействия цивилизаций	Цели ислама стоят особняком от целей других культур и цивилизаций
«Низший – другой»	Ислам воспринимается низшим по сравнению с Западом – варварский, примитивный.	Ислам – «другой», но не воспринимается как несовершенный.
Враг – друг	Ислам воспринимается как злой и агрессивный источник терроризма	Ислам воспринимается как потенциальный партнер для совместных предприятий
Манипулятивный – честный	Ислам воспринимается как политическая идеология, оправдывающая применение военной силы	Ислам религиозная вера, проповедующая общие гуманистические ценности
Критика Западом принимается – не принимается	Критика Западом ислама не принимается исламом	Критика Западом ислама обсуждаема

Дискриминация критикуется – защищается	Враждебность по отношению к исламу используется для оправдания дискриминационных практик	Несогласие с исламом не ведет к дискриминации
Исламофобия естественна – воспринимается как проблема	Антимусульманская враждебность воспринимается как нормальная практика	Критические взгляд на ислам подвергаются критике

Здесь предлагается инструмент, с помощью которого мы можем разграничить ислам как идеологическую систему и ислам как религиозную систему. В данной схеме исламофобия оказывается *характеристикой всех явлений, связанных с «закрытым» восприятием ислама*: от антимусульманских митингов представителей праворадикальных организаций до публикаций в СМИ, воспроизводящих этот «закрытый» взгляд на ислам.

С 1997 года появилась масса теоретических работ и прикладных исследований по исламофобии. Одна из фундаментальных теоретических работ по исламофобии была опубликована в 2010 году научным сотрудником Института прикладных социальных исследований (IASS) Бирмингемского университета Кристофером Алленом²⁵¹. Вскоре после событий 11 сентября 2001 года он был приглашен в качестве соавтора ежегодного аналитического доклада Европейским Центром Мониторинга Расизма и Ксенофобии (ЕЦМРК). Опираясь на данные материалы, он выстраивает свои теоретические рассуждения о концепте «исламофобии».

По мнению К. Аллена, «антиисламское и антимусульманское явление существовало до событий 11 сентября 2001 года, и было лишь укреплено атакой на Америку». Феномен исламофобии не может быть подтвержден статистически. Поэтому первоочередная задача исследователя состоит в том, чтобы, собрав эмпирический материал, попытаться ответить на вопрос, насколько вообще в той или иной ситуации можно говорить о наличии

²⁵¹ Allen, Ch. (2010) Islamophobia. GBR: Ashgate Publishing Group.

исламофобии. Анализируя имеющиеся исследования по данной теме, К. Аллен констатирует, что все авторы определяли понятие исламофобии по-своему, исходя из целей и задач своей работы. Где-то говорилось о религиозной дискриминации, где-то о антимусульманском расизме, но не было ни единой попытки осмыслить все концептуальное поле исламофобии. Действительно, применительно к исламофобии едва ли может быть выработана единая теория, абстрагированная от контекста²⁵². Ведь в самом широком смысле к явлению исламофобии могут быть отнесены все «внешние проявления» дискриминации в отношении ислама. Важно, однако, различать явление исламофобии – все факты, которые могут быть определены как дискриминация ислама (факт избиения мусульманской женщины, отказ в предоставлении каких-либо услуг по причине принадлежности к исламу и т.д.) и продукты исламофобии, которыми являются информационные сообщения о тех самых фактах. К. Аллен не рассматривает подробно вопрос взаимосвязи исламофобии и медиа на каком-либо конкретном примере, но само наличие такого концептуального деления чрезвычайно важно для общей теории исламофобии. На каком-то этапе своих рассуждений автор предполагает наличие «исламофобий» из-за столь множественных интерпретаций этого концепта, но потом отказывается от этой идеи²⁵³. Исламофобия может быть определена и как процесс «стереотипификации»²⁵⁴, то есть многократное воспроизведение того или иного знания и его широкая трансляция, распространение негативной модели репрезентации ислама в публичном пространстве.

К. Аллен выделяет три основные «оси» для понимания феномена исламофобии. Во-первых, это исламофобия как расизм. «Ислам для мусульман, как раса для черных»²⁵⁵. В качестве доказательства этого тезиса автор приводит пример положения чернокожего населения в Америке в 70-е годы прошлого века. Именно тогда образ чернокожего преступника и

²⁵² Ibid, p.130.

²⁵³ Ibid, p. 134.

²⁵⁴ Ibid, p. 144.

²⁵⁵ Ibid, p.163.

хулигана стал экстраполироваться на все чернокожее население, появился очевидный социетальный раскол «черные-белые». Также развивались события и после 11 сентября 2001 года, когда ярлык «террориста» стал использоваться по отношению к каждому мусульманину. Во-вторых, это понимание исламофобии как идеологии, обладающей уникальной символической системой, отличающей ее от знаковой системы расизма или религиозной нетерпимости. Наконец, в-третьих, исламофобия как модель легитимации: имеется ввиду не только система определенных взглядов, но и механизмы закрепления их в общественном сознании. Например, одним из таких механизмов является унификация – создание такого конструкта, который легко воспринимается и закрепляется на уровне общественного мнения («ислам – злая религия»); или же фрагментация – когда из цельного образа вычленяется только один элемент и транслируется на всю группу («этот мусульманин преступник – все мусульмане преступники»).

В итоге К. Аллен дает следующее определение исламофобии: «исламофобия – это идеология, функционирующая и преследующая такие же цели как расизм и другие схожие явления, которая поддерживает и сохраняет негативные оценки мусульман и Ислама в современной ситуации, которые впоследствии оказывают воздействие на социальное действие и взаимодействие, на формирование матрицы понимания, что в конечном счете конструирует мышление о мусульманах и об Исламе как о других»²⁵⁶.

Подходы большинства авторов, исследующих проблему исламофобии, в целом укладываются в предложенную К. Алленом типологию. Однако каждый из них нуждается в пояснении.

Самым популярным подходом в определении исламофобии является попытка определить этот концепт по аналогии с расизмом. Ввиду того, что теория расизма разработана очень подробно, распространенность такого подхода можно объяснить сравнительной «эргономичностью». Достаточно отождествить расовый и религиозный фактор в процессе выстраивания

²⁵⁶ Ibid, p. 190.

идентичности, и теоретические разработки в лоне исследований расизма заработают и в сфере исследования исламофобии.

Р. Тарас определяет исламофобию как загадочную артикуляцию концепции расы и расизма, открыто представляемую как форму религиозных предрассудков²⁵⁷. А. Кунднани говорит о том, что это форма структурного расизма в отношении мусульман и способы, которыми он осуществляется путем сращивания официального дискурса и практик борьбы с терроризмом²⁵⁸. Бывший председатель Британского Совета по религиозной и расовой гармонии Имам Др. Абдульджалиль Саджид также перечисляет ряд контекстных факторов, влияющих на понимание исламофобии в британском обществе²⁵⁹. К таковым он относит связь «исламского фактора» с миграцией, скептическое отношение к религии в СМИ в принципе и отождествление войны с террором войне с исламом.

Преимущественно для европейского контекста характерно определение исламофобии как идеологии со всеми присущими ей чертами. Так, исламофобия выступает как неотъемлемый элемент идеологии правых партий, подъем которых наблюдается последние несколько лет. В данном контексте исламофобия выступает также как следствие «радикализации» мусульманских сообществ в Европе: «исламофобия – это страх мультикультурализма и его последствий»²⁶⁰. «Идеологический ответ, который заключается в унификации историй, политик, обществ и культур Ближнего Востока в единое негативное восприятие, а концепция эссенциалистского ислама оказывается несовместимой с евроамериканизмом»²⁶¹. Данная идеологическая установка оказывается

²⁵⁷ Taras, R. (2013) “‘Islamophobia never stands still’: race, religion, and culture”, *Ethnic and Racial Studies* 36(3): 417-433.

²⁵⁸ Kundnani, A. (2014) *The Muslims are Coming!: Islamophobia, Extremism, and the Domestic War on Terror*, p. 11. New York: Verso Books.

²⁵⁹ Sajid, A. (2005) “A New Word for an Old Fear”, *Palestine-Israel Journal of Politics, Economics & Culture* 12(2/3): 33

²⁶⁰ Marranci, G. (2004) “Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking Islamophobia”, *Culture and Religion*, 5:1, 105-117.

²⁶¹ Semati, M. (2010) “Islamophobic Culture and Race in the Age of Empire”, *Cultural Studies* 24(2): 256-275.

решающим элементом и в ужесточении антитеррористического законодательства.

Стоит отметить, что нами почти не было обнаружено работ по психологическим аспектам восприятия или противодействия исламофобии. Так авторы соответствующей статьи в *Encyclopedia of Race, Ethnicity and Society* выделяют четыре вида исламофобии: пре-рефлексивная персональная (*pre-reflective personal*), пострефлексивная персональная (*post-reflective personal*), институциональная и политическая²⁶². Первые две как раз относятся к психологическому уровню: она проявляется на уровне формирования соответствующих интенций. Э. Бляйх определяет исламофобию как «безосновательные негативные аттитюды и эмоции, направленные на Ислам и мусульман»²⁶³. Также он подробно доказывает правильность этой формулировки: 1) «безосновательные» значит, что из определения сразу исключается рациональная критика; 2) негативные аттитюды и эмоции добавляют в концепт исламофобии категорию из области социальной психологии; 3) последняя часть указывает на объект исламофобии: религиозная доктрина в целом и люди, следующие ей (а также их предки, являвшиеся адептами этой же веры)²⁶⁴.

Кроме того, нами также был обнаружен ряд работ, определение концепта «исламофобии» в которых выходит за рамки схемы, предложенной К. Аленом. На наш взгляд, об исламофобии уместно говорить в том числе и в более широком теоретическом контексте, например, в рамках постколониальной теории.

Здесь восприятие ислама зиждется на трех тезисах. Во-первых, враждебное отношение к исламу и мусульманам обусловлено колониальным прошлым. Во-вторых, непонимание социокультурных различий многочисленных мусульманских сообществ обуславливает ошибочное гомогенное восприятие ислама. Наконец, при анализе развития

²⁶² “Islamophobia” (2008), in R.T. (ed.) *Schaefer Encyclopedia of Race, Ethnicity and Society*. Sage.

²⁶³ Bleich, E. (2011) “What Is Islamophobia and How Much Is There? Theorizing and Measuring an Emerging Comparative Concept”, *American Behavioral Scientist* 55(12): 1581-1600.

²⁶⁴ *Ibid*, p. 1586-1587.

мусульманских обществ используются критерии, адаптированные для западных обществ.

Наиболее четко, на наш взгляд, концепт исламофобии в данном ключе изложен в одной из работ Насар Меер²⁶⁵. Фактически отвечая на вопрос Бернарда Льюиса «Что пошло не так?», она говорит, что причина кроется в «постколониальной неразрывности», состоящей из трех важнейших элементов: континуитет (исламофобия воспроизводит восприятие ислама, сложившееся в колониальную эпоху), трансляция (исламофобия транслирует ориенталистский дискурс) и «мусульманское сознание» (искусственно формируемое «правильное» мусульманское сознание в ответ на распространение исламофобии).

Однако каждый из описанных выше подходов не может быть в полной мере использован в рамках данного исследования. Определение исламофобии как расизма легко может быть подвергнуто критике, по причине различных социальных причины и последствий расового и мусульманского факторов, что уже не раз становилось предметом подробного анализа. Определение исламофобии как идеологии разработано, прежде всего, для европейского контекста. Постколониальная теория указывает, прежде всего, на глобальные причины, а не на конкретные проявления исламофобии. Гораздо продуктивнее, на наш взгляд, пытаться определить не «исламофобию», «исламофобии». Ведь даже по словам К. Аллена, исламофобия – это «чуть больше, чем анекдотичное предположение, укорененное в продуктах, а не в явлениях».

А. Мондон и А. Винтер подробно исследуют проблему «исламофобий», обращаясь к теории Э. Лакло и Ш. Муфф. Они противопоставляют артикуляции (в терминологии упомянутых авторов) и самодостаточные категории (self-contained categories). И делают чрезвычайно важный вывод: исламофобия не представляет единый дискурс, являясь скорее набором

²⁶⁵ Nasar, M. (2014) Islamophobia and postcolonialism: continuity, Orientalism and Muslim consciousness, *Patterns of Prejudice*, 48:5, 500-515.

артикуляций, который воплощается в различных типах генерализаций, стигматизаций и неправильных восприятий (misperception)²⁶⁶. М. Экман в своей статье фактически дублирует эту мысль. «Исламофобия воплощается в различных фреймах в зависимости от национальных и транснациональных политических акторов и процессов, тем, событий и других обстоятельств»²⁶⁷.

Таким образом, необходимо подробнее рассмотреть более широкий контекст появления уже рассмотренных выше языковых стратегий, однозначно способствующих формированию негативного образа ислама. Кроме того, на данном этапе нашего исследования мы решили уделить внимание и динамике содержательных изменений в дискурсе об исламе.

§4.2. О чем говорят, когда говорят про ислам? Общая картина динамики изменения тем

Крайне важным представляется вопрос, обладает ли ислам собственной предметной областью в газетном дискурсе об исламе или же он включен в какие-то иные дискурсивные поля? Для начала необходимо бегло взглянуть на тематическую структуру корпуса по годам с помощью функции «ключевые слова» в Sketch Engine. Мы взяли 50 наиболее статистически значимых ключевых слов для каждого года. Результаты представлены в таблице 13.

²⁶⁶ Mondon, A., Winter, A. (2017) “Articulations of Islamophobia: from the extreme to the mainstream?”, *Ethnic and Racial Studies* : 1-29.

²⁶⁷ Ekman, M. (2015) “Online Islamophobia and the politics of fear: manufacturing the green scare”, *Ethnic and Racial Studies* 38(11): 1986-2002.

Таблица 13. Ключевые слова по годам для всех газет

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
боевиков	ЧИАССР	Мурси	Мурси	ИГИЛ	ИГ	ИГ	Трампа
Доку	Каддафи	Асада	Дрофа	ИГ	ИГИЛ	Алеппо	Трампа
муфтиев	Мубарака	Дрофа	Мали	Исламское	Исламское	Трампа	ИГ
Умаров	Дрофа	Pussy	Асада	Исламского	Асада	Сирии	ИГИЛ
Умарова	Просвещение	Riot	исламистов	исламистов	Сирии	ИГИЛ	Сирии
терактов	бен	Просвещение	Просвещение	Сирии	Исламского	Трампа	РАЙОНА
Религии	исламисты	Сирии	ВЕНТАНА-ГРАФ	Асада	сирийской	Асада	РЕСПУБЛИКИ
Аль-Каиды	Ладена	Башара	Сирии	аль-Малики	Башара	сирийской	ИЕГОВЫ
мусульман	Ливии	Мали	Мнемозина	Леванта	Сирию	Исламское	РЕЛИГИОЗНАЯ
мечети	Аль-Каиды	ВЕНТАНА-ГРАФ	Братьев-мусульман	джихадистов	Исламским	Исламского	СВИДЕТЕЛЕЙ
Марьям	Мубарак	исламистов	сирийской	сирийской	сирийского	Эрдоган	МЕСТНАЯ
талибов	Бенгази	Братья-мусульмане	исламисты	Моди	Асад	Независимая	Исламское
паранджи	исламистов	Ромни	Братья-мусульмане	Ирака	исламистов	Эрдогана	Исламского
ваххабитов	Рубрика	сирийской	Башара	Кобани	террористической	Башара	Дональда
аль-Малики	Брейвик	Братьев-мусульман	Рубрика	исламисты	Эрдоган	сирийского	Асада
боевики	Раздобудько	исламисты	углубленный	Ираке	Charlie	Сирию	сирийской
теракт	ВЕНТАНА- ГРАФ	Мнемозина	Эрдоган	Башара	Hebdo	Джебхат	Независимая
теракты	Йемене	муфтия	сирийского	боевиков	Йемене	запрещенная	ДАГЕСТАН
Имарата	Тунисе	Невинность	Царнаева	курдов	сирийских	сирийских	г.р.
спецоперации	Тахрир	Юсин	Царнаев	исламистами	террористическая	Мосула	ОРГАНИЗАЦИЯ

ислама	выпуска	Мубарака	Хезболлах	Аль-Каиды	Саудовской	террористическая	Дональд
Хезболлах	Триполи	Асад	Баласс	боевики	джихадистов	ДАИШ	деэскалации
теракта	Хосни	Баласс	исламистами	боевиками	Немцова	Клинтон	рохинджа
бандподполья	Братья-мусульмане	сирийского	Тамерлан	халифата	Олланд	Мосул	ОБЛАСТИ
мечетей	Абу	Дамаске	сирийских	Кутаева	Эрдогана	РАЙОНА	Эрдоган
муфтия	Асада	Сирию	Аль-Каиды	Эрдоган	террористов	Хиллари	Пен
исламистов	Салех	муфтий	Дамаска	Исламским	Анкара	Анкара	НГР
исламского	ливийской	Бенгази	Асад	сирийского	боевиков	курдов	сирийского
муфтий	Ладен	мусульман	Мохаммеда	ХАМАС	Дадаев	Пальмиры	Мьянмы
ислам	муфтиев	сирийских	Сирию	Обама	Керри	Анкары	Трампом
Аль-Каида	боевиков	Аль-Каиды	Эрдогана	Нури	курдов	исламистов	Алеппо
Гайнутдин	Afghanistan	Алеппо	САР	Керри	запрещенная	террористической	сирийских
Ингушетии	Салеха	Дамаск	ССА	Сирию	Анкары	Керри	Башара
Сомали	Дата	ДУМ	Аль-Каидой	Ирак	сирийский	ВКС	террористическая
Пакистане	Брейвика	салафитов	Царнаевых	суннитов	Ирака	Гюлена	Тиллерсон
Дагестане	Религии	Хосни	Дата	суннитских	боевики	РЕСПУБЛИКИ	Сирию
талибы	Братьев-мусульман	боевиков	НВО	Аль-Каидой	ПИВТ	сирийские	Катара
экстремистов	Сирии	Дамаска	профильный	Религии	запрещенной	Курдистана	Ъ
боевиками	Аль-Каида	исламского	Керри	сирийских	беженцев	боевиков	Исламским
Бурятский	теракта	Файзова	АРЕ	крымских	исламистами	террористов	НГ
Киргизии	арабских	исламистами	Тамерлана	Курдистана	исламисты	запрещенной	Трампу
смертниц	Йемена	боевики	боевиков	наследия	сирийская	Дональда	курдов

Уполномоченному	Ачхой-Мартановского	Религии	Алеппо	курды	сирийском	Дамаска	исламистов
мусульманских	теракт	ислама	Биология	аль-Багдади	коалиции	курды	Макрон
Магомедова	бандподполья	салафиты	Мубарака	Багдад	Су-	Исламским	Эрдогана
Дагестана	Асад	Катар	Роухани	иракской	Аравии	Асад	запрещенная
авторе	Каире	арабской	Джохар	Эрдогана	авиаудары	Дамаск	Саудовской
Ямадаева	ислам	Нетаньяху	базовый	халифат	Эр-Рияд	ан-Нусра	террористической
Уполномоченный	ислама	Башар	Таксим	Бoko	Башар	Саудовской	Дамаска
террористов	Бахрейне	ЛАГ	сирийский	Порошенко	терактов	теракты	Ракки

Публикации 2010-2011 года преимущественно посвящены борьбе с терроризмом в мусульманских республиках России, здесь же большую роль играет фактор международного терроризма: речь идет либо о внешних источниках финансирования «кавказских боевиков», либо о терактах, совершенных «Аль-Каидой» в Сомали и Афганистане. В 2011 году подавляющее количество публикаций было посвящено событиям «арабской весны». С этого же года в каждом списке ключевых слов мы видим названия различных издательств: это касается исключительно «Российской газеты», в которой публикуются все нормативные документы, в том числе списки рекомендованных учебников. Стоит отметить, что также в этом издании часто публикуются списки запрещенных материалов, что также нашло отражение в некоторых списках (см. например, 2011 год, «ЧИАССР»). Попадание таких частотных, но малозначимых с содержательной точки зрения слов в данный список с одной стороны свидетельствует о специфике подсчета коэффициента значимости того или иного ключевого слова, а с другой стороны об исходной установке, обозначенной при формировании корпуса: включать в корпус все материал, в которых в любом контексте употребляется одно из запрашиваемых слов.

С 2013 года актуализируется сюжет, связанный с событиями в Сирии. Вплоть до конца 2017 года российская операция в Сирии (начатая в сентябре 2015 года) и продолжающаяся борьба с ИГ станут основными сюжетами, актуализирующими исламскую тематику в газетном дискурсе.

Нашли свое отражение и отдельные события, так или иначе связанные или связываемыми с исламом: теракт, совершенный братьями Царнаевыми в марте 2013 года на Бостонском марафоне, нападение на редакцию «Шарли Эбдо» в 2014 году. Почти незаметным оказывается сюжет, связанный с политической борьбой внутри мусульманского сообщества, и отражается лишь в паре ключевых слов в 2012 году («ДУМ», «муфтий»).

§4.3. «Фрагментированная» исламофобия российского дискурса об исламе

Как видно, анализ ключевых слов позволяет выявить лишь знаковые информационные поводы, так или иначе связанные с исламом. Для более результативного анализа нами было принято решение подробно проанализировать контексты употребления наиболее важных (как мы уже выяснили в предыдущей главе) дискурсивных элементов, а именно «радикальный ислам» и «традиционный ислам». Зачем? Представляется, что вопрос, стоящий перед нами, можно сформулировать следующим образом: является ислам элементом различных дискурсивных полей, казалось бы, не связанных с мусульманской проблематикой, или же представляет собственную предметную область? На первый взгляд проблема может показаться тривиальной, но именно ответ на данный вопрос позволит лучше понять структуру формируемого СМИ образа ислама. Другая проблема заключается в том, что же все-таки считать «собственной предметной областью ислама». И на этот вопрос, мы также постараемся дать ответ в этой части. Кроме того, на данном этапе мы сможем отследить динамику изменения с 2010 по 2017 год.

Для каждого из годов нами был сформирован субкорпус. Стоит отметить, что все субкорпусы оказались соразмерны: самым маленьким по размеру стал субкорпус 2014 года (9,5% от общего объема), в то время как самым большим – 2015 года (16,5% от общего объема). С помощью пакета Sketch Engine и процедуры Word sketch для каждого субкорпуса нами были отобраны все употребления коллокаций «радикальный» и «традиционный». Конкордансы, содержащие эти коллокации, и стали предметом нашего анализа.

Основная задача, стоящая перед нами на данном этапе – определить дискурсивные поля, элементами которых является ислам. Элемент «радикального ислама», как уже было установлено ранее, употребляется гораздо чаще, поэтому сейчас было принято начать с анализа его контекстов.

Конкордансы были классифицированы по проблемно-тематическому принципу с помощью тегов – маркеров. Не было жесткого ограничения «один конкорданс – один тег», но и множественность тегов могла осложнить анализ, поэтому один конкорданс относился, как максимум, к трем сюжетам. Полная таблица «тегов» представлена в таблице 14. «Теги» ранжированы по общему количеству упоминаний.

Таблица 14. Тематические категории конкордансов «радикальный ислам»

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Регионы	15	27	53	34	14	5	8	7	163
Другие страны	6	21	8	9	6	12	12	3	77
Европа	2	3	4	6	13	20	20	8	76
Глобальная угроза	2	4	1	5	14	16	11	5	58
ИГИЛ	0	1	0	0	2	27	9	5	44
мигрантофобия	1	2	2	9	12	2	10	5	43
женщины	0	1	0	17	2	11	3	3	37
ЦА	3	3	4	4	2	1	12	4	33
Сирия	0	2	2	5	7	3	8	0	27
вербовка	0	0	0	8	1	15	1	0	25
борьба с терроризмом	0	0	0	0	0	7	4	5	16
Антиамериканизм	2	6	1	2	0	2	0	0	13
Христианство VS ислам	0	1	1	1	1	6	2	1	13
отдельные террористы	0	0	0	9	2	0	2	0	13
Москва	0	0	0	6	0	2	3	1	12
Тюрьма	0	1	0	1	0	2	4	3	11
Ограничение свобод	0	1	0	1	1	1	1	1	6
арабская весна	0	1	1	1	0	1	0	0	4

Как видно, высокая частотность отдельных сюжетов predetermined громким инфоповодом, которое ни одно издание не могло обойти вниманием: сводки с фронтов борьбы с ИГИЛ или отдельные теракты, совершенные выходцами из России (Царнаев, теракт на Бостонском марафоне в 2013 году) или гражданами России и вызвавшими широкий общественный резонанс (Двораковский). В региональном контексте наиболее резонансным событием стало убийство муфтия Татарстана Файзова в 2012

году. Однако многие другие теги с одной стороны свидетельствуют о системных особенностях дискурса о радикальном исламе, и с другой демонстрируют изменения, которые в нем происходят.

Одним из самых популярных сюжетов является проблема радикального ислама в российских регионах. Речь идет не только о северокавказских республиках, но и о регионах Поволжья, и даже таких, казалось бы, экзотичных для исламских сюжетов регионах, как Ямал²⁶⁸. Радикальный ислам чаще всего выступает, как основная причина или в крайнем случае одна из многочисленных причин нестабильной обстановки в регионе. Например, А. Каноков, бывший глава Кабардино-Балкарской республики перечисляет такой список проблем, как бы оправдываясь за теракт на Баксанской ГЭС (который произошел 21 июля 2010 года): распад Союза, период бездуховности, в семьях стали уделять больше внимания вопросам бизнеса, а не воспитания, и как следствие, в этой нише появился радикальный ислам²⁶⁹. В ряде случаев радикальный ислам – это неотъемлемое качество человека, уже совершившего теракт. Или сообщение о «принадлежности к радикальному исламу» сразу же сообщает о потенциальной опасности, даже если никакого инцидента еще не произошло. *В трагедии может быть виноват и русский ваххабит Виктор Двораковский в разработке российских спецслужб проходит как приверженец радикального ислама и потенциальный смертник*²⁷⁰. *В мечетях и вузах Ямала ведется активная пропаганда радикального ислама, а выходцы из Северо-Кавказского региона активно включились в криминальный передел собственности*²⁷¹.

И наконец, другой важной составляющей радикального ислама является определение его через термины идеологии: «уничтожен главный

²⁶⁸ Стешин Д. Новый Уренгой отгородился от приезжих сограждан и гастарбайтеров // Комсомольская правда. 02.12.2012.

²⁶⁹ "Если террористам платить, чтобы они нас не взрывали, они станут сильнее" // Ком. 01.10.2010

²⁷⁰ Вместе с предполагаемым террористом, взорвавшим минское метро, задержали его отца // Комсомольская правда. 19.04.2011.

²⁷¹ Стешин Д. Новый Уренгой отгородился от приезжих сограждан и гастарбайтеров.

идеолог радикального ислама», «идеологические разногласия с оппонентами».

Иными словами, радикальный ислам в региональном контексте носит атрибутивный характер. Не было обнаружено ни отдельных материалов, ни даже отдельных параграфов, посвященных попыткам заглянуть за концепт радикального ислама как такового. Даже на данном этапе оказывается, что радикальный ислам включает в себя такое количество смыслов, что выхолащивается вся сущность и остается только негативный оценочный компонент.

Кажется, что ясность должен вносить тег «другие страны». Эта группа включает в себя материалы, посвященные описанию событий преимущественно в незападных странах, исключая страны Центральной Азии и Сирию, которые вынесены в отдельные группы по понятным причинам. Это материалы о происходящем в Афганистане, Сомали, а также Египте, Ливии и Тунисе в контексте «арабской весны». Как правило, это аналитические статьи, цель которых ввести в суть происходящего читателей, не имеющих специальных знаний по истории и политике стран Ближнего и Среднего Востока. Радикальный ислам здесь используется примерно так же, как и при описании региональной обстановки: партии радикального ислама, отдельные деятели, «исповедующие радикальный ислам». Но здесь мы видим и несколько иной инструмент: радикальный ислам уже сам выступает в роли отдельного субъекта действия. Например, когда речь идет об угрозах со стороны радикального ислама.

Победы кандидата от «Братьев-мусульман», за которыми многие видят «руку» радикального ислама, больше всего опасаются на Западе²⁷².

Чтобы описать далекие от российского читателя сюжеты понятным ему языком, используется «понятная» терминология радикального ислама. С определенной долей уверенности можно сказать, что так как российский контекст по умолчанию более понятен российскому читателю, то

²⁷² Шестаков Е. Смена декораций // Российская газета. 08.02.2011.

устоявшийся образ северокавказского исламиста или сложившаяся модель описания конфликтов на Северном Кавказе экстраполируется и на восприятие событий в отдельных странах Ближнего Востока. И радикальный ислам вновь превращается в своеобразный маркер отделения «хорошего» от «плохого» и «правильного» от «неправильного». И тогда собирательный член партии «Братьев-мусульман», распространяющий идеологию радикального ислама, уже мало чем отличается от северокавказских боевиков, с которыми борются российские силовые структуры.

Радикальный ислам как проблема, требующая незамедлительного решения, транслируется постоянно с 2010 года, хотя противодействие этому самому радикальному исламу находит свое отражение в материалах только начиная с 2015 года. Но стимулом для этого становится не проблемная ситуация в регионах, а внешняя угроза. Намеки на появление положительного образа спецслужб, противостоящих террористической угрозе появляются во многих материалах, где говорится, что «силовики накрыли радикальное сообщество». Но подобные статьи скорее сообщают о единичных успехах, чем о комплексном подходе к решению проблемы. Именно в 2015 году артикулируются идеи о «разработке системы мониторинга межнациональных проблем».

Почти незаметно, но тем не менее, уделяется внимание проблеме ограничению прав в связи с борьбой с терроризмом. А. Верховский предупреждает, что «ужесточение наказаний облегчит работу правоохранителям, но не поможет справиться с радикалами». Однако мнение специалиста, обозначенное им в июле 2013 года на фоне большого количества нормативных актов, принятых в мае-июне 2013, связанных с противодействием экстремизму²⁷³, теряется в общем потоке алармистских материалов и оказывается совершенно непопулярным по сравнению с идеей о возможности сокращения гражданских прав ради обеспечения

²⁷³ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013-2018 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 26 апреля 2013 года, № Пр-1059, с изменениями от 05.10.2016).

безопасности. Например, В. Никонов убежден, что «война с терроризмом предполагает определенное ограничение с точки зрения безопасности, а это всегда противоречит стерильным демократическим нормам»²⁷⁴.

Как видно из таблицы, с 2015 года несколько меняется схема освещения проблематики радикального ислама. Региональные проблемы отходят на второй план, на первое место выходит ИГИЛ. В то время как материалы, отнесенные к этому тегу, преимущественно нейтрально описывают ситуацию на фронтах борьбы с террористической организацией, актуализируется целый ряд других сюжетов, ранее не фигурировавших в этом дискурсе. Не являясь главной темой в тех материалах, ИГИЛ тем не менее все равно замыкает на себе ряд других тегов. Во-первых, это «женский вопрос». Изменения, связанные с превращением ИГИЛ в центральный элемент поля радикального ислама, начались еще в 2013 году, о чем и свидетельствует появление проблемы женщин, намеревающихся или уже уехавших воевать за «Исламское государство». Тогда же появляется и проблема вербовки. В 2015 новый всплеск интереса к этой теме обусловлен делом Варвары Карауловой²⁷⁵. Тема вербовки женщин в террористическую организацию настолько популярна у журналистов, что порой складывается впечатление, что мужчины попросту находятся вне зоны досягаемости вербовщиков. Образ слабой, подверженной внушению женщины оказывается более востребованным. К нему чаще всего обращаются журналисты в «хрестоматийных» историях о вербовке террористами женщин, находящихся в тяжелой жизненной или психологической ситуации.

*Применяя специальные психологические техники, вербовщик убеждал возлюбленную сменить веру и превращал ее в стойкого адепта радикального ислама*²⁷⁶.

²⁷⁴ Темы для Ярославля // Российская газета. 29.08.2011.

²⁷⁵ Уголовное дело на Варвару Караулову было заведено в сентябре 2015 года, после того, как она пыталась попасть в Сирию, чтобы присоединиться к ИГИЛ, но была задержана в Турции. В декабре 2016 года была приговорена к 4,5 годам лишения свободы.

²⁷⁶ Демченко В. Вербовщик распространял экстремизм половым путем // Комсомольская правда. 05.11.2013.

Во-вторых, не так активно, но все же освещается проблема вербовки молодежи в «Исламское государство».

*И, как правило, ситуация с уходом ребенка в радикальный ислам возникает, когда в семье разлад*²⁷⁷.

*В России уже появился целый срез пассионарной молодежи, возвращенной на идеях радикального ислама*²⁷⁸.

В-третьих, ИГИЛ возрождает, казалось бы, забытые после терактов 11 сентября дискуссии о глобальности угрозы радикального ислама, а также о противостоянии христианства исламу.

*Надо отдать должное и росту популярности идей радикального ислама, который в условиях упадка морали и ценностей западного мира становится все более притягательной моделью поведения для миллионов мусульман*²⁷⁹.

*Они находят ответы на волнующие их вопросы в мечетях – у проповедников радикального ислама, которые говорят, что греховный христианский мир заслужил гибель*²⁸⁰.

Теория С. Хантингтона вновь оказывается востребована. И хоть прямых ссылок на американского политолога нет, очень точно воспроизводится дискурс «столкновения цивилизаций»: «глава кабинета опроверг, что между Западом и радикальным исламом вообще идет война», «Россию нужно сделать партнером в борьбе против радикального ислама и терроризма». Очевидно, что такое расширение семантического поля радикального ислама несколько не приближает к выявлению его предметного поля, а скорее вновь добавляет новый негативный оценочный компонент в восприятие ислама.

Повышенное внимание к ИГИЛ и радикализация оценок в восприятии радикального ислама заострили и еще одну и без того болезненную для российского публичного пространства проблему: проблему мигрантов. По

²⁷⁷ Коц А., Стешин Д. Откуда у русских ваххабитская грусть? // Комсомольская правда. 03.02.2014.

²⁷⁸ Коц А. «Аллаху Акбар» на православной церкви // Комсомольская правда. 09.01.2014.

²⁷⁹ Иванов С. Карт-бланш. Исламский халифат могут ждать и взлет, и падение // Независимая газета. 31.10.2014.

²⁸⁰ Млечин Л. Всемирная армия джихада // Новая Газета. 25.01.2016.

мнению С. Абашина, «пик «опросной ксенофобии» приходился на 2013 год. И понятно почему: тогда была активная выборная кампания в Москве, и тема миграции являлась одной из основных, ее раскручивали все политические силы»²⁸¹. Интересно, что радикальный ислам также выступает своего рода лакмусовой бумажкой для обнаружения элементов мигрантофобии, и актуализируется эта проблема посредством материалов, посвященных Центральной Азии и Европы. В первом случае он снова становится маркером потенциальной или реальной угрозы.

*Однако известно, что в последние годы в Татарстане обострилась ситуация с проникновением идей радикального ислама через мигрантов из Средней Азии*²⁸².

Стоит также отметить, что «глобализационная» тенденция наблюдается и в вопросе освещения проблемы мигрантов: если до 2013 года речь шла скорее об отдельных случаях распространения радикального ислама через мигрантов из Центральной Азии, то в 2014 году впервые это представляется как угроза общероссийского масштаба.

*Пополняются же ряды боевиков, указывают в Совбезе РФ, за счет сторонников радикального ислама с Ближнего Востока, из ЕС, США, а также из стран СНГ*²⁸³.

Что касается европейского контекста, то зачастую секьюритизация проблемы миграции посредством миграции достигается фактическим теми же приемами, что и при работе над сюжетами, связанными с Центральной Азией.

*Зато создадут диаспору, живущую на подачки ближневосточных фондов и тесно спаянную радикальным исламом*²⁸⁴.

С другой же стороны европейские проблемы с мигрантами и распространением радикального ислама являются следствием

²⁸¹ Галкина Ю. Растет ли мигрантофобия после теракта в петербургском метро? Интервью с Сергеем Абашиним // The Village. 27.04.2017.

²⁸² Мальцев В. Таджикский оппозиционер дал России средство от майдана // Независимая газета. 02.04.2014.

²⁸³ Петров И. Террористы-гастролеры // Российская газета. 29.09.2014.

²⁸⁴ Бруснев М. Радикальные исламисты идут на Запад // Комсомольская правда. 24.03.2014.

непродуманной политики ряда европейских государств, на чем также делается акцент во многих материалах. Это вписывается в более широкий международный политический контекст, связанный с ухудшением отношений России с европейскими странами после введения санкций в 2014 году. Это нашло отражение и в прессе: материалов, так или иначе обращающихся к антизападной риторике, появилось значительно больше.

Обращение министра юстиции Германии Хайко Маас к сторонникам «Пегиды» отказаться от участия в акциях выглядят, как очевидное проявление растерянности кабинета Меркель – министр призывает соотечественников «вспомнить о приличиях», тогда как люди ждут от немецких властей решительных действий в отношении как радикального ислама, так и нелегальной иммиграции²⁸⁵.

Вслед за антизападной риторикой радикальный ислам неожиданно становится элементом антиамериканского дискурса.

Бжезинский – лишь наиболее известная фигура, давно и преданно работающая над проектом глубокого партнерства США и радикального ислама²⁸⁶.

Американские аналитики со времен окончания холодной войны спрогнозировали, что какие бы проблемы радикальный ислам ни создавал для Запада, России он может нанести гораздо больший вред²⁸⁷.

Что же касается традиционного ислама, то здесь подобная процедура «тегирования» не оправдана: контексты его употребления ограничены. Дискурс о традиционном исламе оказывается полностью зависим от радикального ислама, то есть выступает как реакция на угрозу радикального ислама. То есть, если, например, речь идет об угрозе радикального ислама в регионах, то традиционный ислам выступает в качестве универсального средства для противодействия ему. В этом же ключе традиционный ислам выступает и как атрибут лояльных государственной власти мусульманских

²⁸⁵ Шестаков Е. Кто пугает немцев // Российская газета. 19.01.2015.

²⁸⁶ Черных Е. Известный политолог Сергей КУРГИНЯН: «Обама начал передел мира» // Комсомольская правда. 04.03.2011.

²⁸⁷ Гаврилов В. Инцидент с Су-24 и ретроспективные параллели // Независимая газета. 18.12.2015.

организаций. Не повторяя то, что уже было сказано во второй главе во время анализа определений, относящихся к исламу, здесь интерес вызывает конкретный набор инструментов, который используется для решения задачи противодействия радикальному исламу.

С середины 2000-х годов в сознании российских властей наметился поворот, и они решили: чтобы окончательно не потерять молодежь, нужна ставка на традиционный ислам²⁸⁸.

Усилия по «обновлению» традиционного ислама намного «сгустили» за прошедшие годы религиозный дискурс²⁸⁹.

Но культивирование традиционного ислама приводит к тому, что общины российских мусульман делятся на татарские, башкирские, северокавказские²⁹⁰.

...задачей его муфтията является «продвижение на территории области традиционного российского ислама в противовес набирающим силу течениям салафитского толка»²⁹¹.

За выдающиеся заслуги в деле возрождения традиционного ислама в России ученый совет Российского Исламского университета имени Кунта-Хаджи удостоил Рамзана Кадырова звания «Почетный профессор»²⁹².

В этой связи, как считает он, «давно назрел вопрос развития системы качественного духовного преподавания традиционного ислама на базе отечественных религиозных заведений»²⁹³.

Подводя итог, следует вновь задать все тот же вопрос: можем ли мы говорить о наличии исламофобии в дискурсе российских печатных СМИ? Радикальный ислам выступает лишь маркером для идентификации тех или иных сил, а также элементом множества других дискурсивных полей, например, мигрантофобия, европейская политика, не составляя собственного

²⁸⁸ Сухов И. Неубывающая тысяча, незатихающая война // Независимая газета. 18.10.2011.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Коктейль толерантности // Независимая газета. 14.03.2011.

²⁹¹ Мальцев В. Рамзан Кадыров берет под покровительство мусульман в регионах Коктейль толерантности // Независимая газета. 01.10.2014.

²⁹² Кадыров стал профессором // Московский комсомолец. 29.08.2014.

²⁹³ Новости религий // Независимая газета. 15.10.2014.

предметного поля. Традиционный ислам находится в таком же состоянии, так как, по сути, данный конструкт представляет собой лишь реакцию на все тот же, лишенный сколь-нибудь конкретного содержания радикальный ислам. Что же составляет то самое предметное поле ислама? Пожалуй, лишь несколько материалов, в которых встречалась коллокация «традиционный ислам» можно отнести к таковым: например, посвященные открытию Исламской академии и перспективам развития мусульманского образования. Или же конструктивные экспертные комментарии по вопросам «разрешения проблемы радикального ислама». Однако подобных материалов единицы. То есть с этой точки зрения, можно утверждать, что лишь *отдельные языковые стратегии способствуют формированию негативного образа ислама, однако ввиду отсутствия собственного предметного поля ислама невозможно говорить и о наличии однородного исламофобского дискурса.*

Следуя логике А. Мондон и А. Винтер, выявление столь обширного числа дискурсивных полей, которым принадлежит элемент радикального ислама, как раз и позволило установить «различные типы обобщений, стигматизаций и неправильных восприятий», о которых шла речь ранее. Каждый конкретный тег – это один из типов стигматизации, приводящий к появлению отдельного типа исламофобии. В итоге выстраивается целая палитра «исламофобий». В целях упрощения, конечно, удобнее говорить об одной единственной исламофобии, не забывая тем не менее о ее неоднородности и противоречивости применительно к российскому газетному дискурсу.

Оценивая степень влияния сложившейся схемы дискурса на восприятие ислама в целом, можно сказать, что именно такая схема наиболее распространена. В то время как официальная позиция властей действительно нацелена на поддержку традиционного, лояльного властям ислама и транслируется на всех уровнях власти: начиная от президента и заканчивая чиновниками на местах, поиск внешнего врага по-прежнему оказывается одной из самых востребованных политических задач. «Раскручивание» темы

радикального ислама и его экстраполяция на множество сегментов публичного пространства отвечает запросам обывателей. В то время как «традиционный ислам» отвечает потребностям властей, которым всегда есть что предложить в качестве инструмента противодействия радикальному исламу. Однако, учитывая хотя бы частотность употребления словосочетания «радикальный ислам» по сравнению с «традиционным исламом» в данном корпусе вывод напрашивается сам собой: в полном смысле гегемонистским является именно дискурс о радикальном исламе. Данный элемент не только доминирует в дискурсе, но и стремится проникнуть во все его сегменты, становясь органичной частью дискурсивных полей, напрямую не связанных с исламом.

Глава 5. Акторная структура дискурса об исламе

§5.1. Академические и алармистские эксперты

Негативный образ ислама складывается не только на основе того, что говорится об исламе, но и в том, кто говорит об исламе. Позиции привлекаемых для анализа экспертов являются неотъемлемой частью дискурса об исламе. Обращение к экспертному мнению выполняет сразу несколько функций. Во-первых, в идеальном случае оно может быть обусловлено стремлением журналиста максимально объективно проанализировать поднятую проблему. Однако, как правило, эксперты решают гораздо более практические задачи, как то: придание большего авторитета выдвинутому в статье тезису или же выполнение заказа на появление комментария конкретного эксперта.

М. Попович в своей диссертации анализирует экспертный дискурс об исламе в канадских СМИ²⁹⁴, подробно останавливаясь в том числе на теоретических основах данной проблемы. Одной из таких теорий выступает «теория экспертного статуса» (theory of expert status). Важнейшей функцией эксперта в коммуникативном пространстве СМИ является принятие того факта, что эксперт по умолчанию оперирует правдивой информацией. Это определяется его социальным статусом – самым «простым» критерием для отнесения к экспертному сообществу является наличие ученой степени или аффилиация с каким-либо научным центром. Другой неотъемлемой чертой эксперта является специфический язык: это не язык обывателя, рассуждающего об узкоспециальной теме ислама, а язык профессионала, оперирующего незнакомыми терминами и ссылками на исторический или текстуальные контексты. И в этом смысле отношения эксперта и обывателя мало чем отличаются от фукодианской модели распределения власти в связке «врач-пациент»²⁹⁵. Однако нахождение эксперта в медийном контексте определяет и некоторые его уникальные черты.

²⁹⁴ Popowich, M. (2005) An Analysis of 'The Expert of Islam' in Canadian News Media. Institute of Islamic Studies. McGill University, Montreal.

²⁹⁵ Фуко М. Рождение клиники. М.: Издательство «Смысл», 1998.

Так, как правило, пациент может выбрать другого врача, если в их коммуникации что-то пошло не так. В то время как пул экспертов, получивших доступ в медийное пространство, достаточно узок. С одной стороны, это зависит от желания конкретной аудитории принять того или иного индивида в качестве «знающего» (knowledgeable). С другой стороны, это зависит от существующего распределения властных ресурсов в обществе – иными словами от механизма формирования повестки в публичном пространстве. «Экспертный статус – это институционализированное социальное отношение, основанное частично на существующей властной динамике, частично на авторитетном языке эксперта и частично на правилах академического дискурса»²⁹⁶. Почти все исследователи, занимающиеся критическим дискурс-анализом также отмечают, что определенные «мэсседжи» и «голоса» приобретают привилегированное положение, в то время как остальные маргинализируются²⁹⁷.

Наконец, по мнению М. Попович, именно складывание ограниченного круга экспертов, комментирующих темы ислама в СМИ, становится своеобразным «фильтром», обуславливающим искаженное восприятие ислама. Эксперты сами создают и своим статусом легитимируют аберрации в образе ислама, которые впоследствии формируют доминирующий дискурс об исламе.

В этой главе перед нами стоит задача проанализировать роль экспертного сообщества в формировании дискурса об исламе в российских медиа, а также место каждого отдельного эксперта в общественных дискуссиях об исламе.

Круг экспертов действительно довольно узок. В таблице 15 представлены фамилии специалистов, ранжированные в соответствии с количеством материалов, в которых была ссылка на их экспертное мнение.

²⁹⁶ Popowich, M. (2005) An Analysis of 'The Expert of Islam' in Canadian News Media, p. 40.

²⁹⁷ Fairclough, N. Op. cit.; Van Dejk, T. Op. cit.

Таблица 15. Рейтинг экспертов

ФИО	Количество материалов
Малашенко А.	233
Силантьев Р.	203
Игнатенко А.	172
Сатановский Е.	129
Сулейманов Р.	94
Мирский Г.	43
Наумкин В.	43
Ярлыкапов А.	28
Гиреев Р.	20
Энгельгардт Г.	19
Хизриева Г.	12
Курбанов Р.	12
Хакимов Р.	12
Сюкияйнен Л.	10
Бобровников О.	4
Амелина Я.	4
Беккин Р.	3

В экспертном сообществе довольно четко выделяется круг экспертов, которых условно можно назвать «алармистами» (выделены жирным в таблице). Довлеющий нарратив секьюритизации проблемы ислама, а также историческое наследие чеченских войн приводят к тому, что одним из важнейших элементов данного сегмента экспертного дискурса об исламе становится угроза, связанная с радикальным исламом. Сущностными ее чертами является внешний характер, а также неизбежная опасность основам российской государственности. По этой причине экспертный дискурс здесь сращивается с официальным политическим, так как идея поиска и определения внешнего врага является крайне популярной для российского политического истеблишмента.

Одной из самых ярких фигур среди признанных СМИ экспертов по исламу является Роман Силантьев. Его высокий академический статус (доктор исторических наук, профессор Московского государственного

лингвистического университета) подкрепляется и его признанием на политическом уровне, так как он занимает целый ряд значимых должностей²⁹⁸. Такое количество занимаемых позиций автоматически, во-первых, делает его экспертное мнение чрезвычайно авторитетным, а, во-вторых, позволяет ему претендовать на господствующее положение в пространстве дискуссий об исламе.

Дискурс Р. Силантьева выстраивается вокруг нескольких элементов. Первое – это радикальные меры противодействия любым угрозам национальной безопасности, акцент на высокой роли государства. Стоит отметить, что Р. Силантьев довольно давно выступает за активное (в том числе и силовыми методами) противодействие идеологии ваххабизма (вплоть до ее законодательного запрета), а также за установление государственного контроля над принимающими ислам.

Скажу неполиткорректно, но от души: возможно, вообще не стоит этих людей брать живыми²⁹⁹.

Государство имеет право на профилактику опасных вероучений³⁰⁰ (в данном материале речь идет о протестантских миссионерах, но данный кейс является ярким примером специфики риторики Р. Силантьева)

Не следует думать, что обострение ситуации на Северном Кавказе чревато в худшем случае только потерей этого региона для России. Это очень оптимистичный сценарий. Ваххабиты не зря позиционируют себя последователями всемирной религии – им действительно нужен весь мир, а не только Кавказ. Поэтому они активно наращивают свое присутствие по всей России и вполне реально предположить, что скоро имамов будут убивать уже в Москве, Казани и Уфе³⁰¹.

²⁹⁸ Руководитель Правозащитного центра Всемирного русского народного собора, Заместитель председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, а также Член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по теологии.

²⁹⁹ Рогоза А. Члены банды ГТА напали на конвой в здании Мособлсуда // Комсомольская правда. 01.08.2017.

³⁰⁰ Силантьев Р. Миссионеры и правоохранители // Независимая газета. 05.07.2017.

³⁰¹ Силантьев Р. Ваххабитский проект для Северного Кавказа // Независимая газета. 20.01.2010.

Комментируя убийство кабардино-балкарского муфтия, исламовед Роман Силантьев косвенно дал свою оценку и дагестанской инициативе: «Пора заканчивать с детским лепетом о «мирной интеграции террористов» и с нытьем о «притеснении нетрадиционных мусульман»³⁰².

По мнению, Р. Силантьева две социальные группы представляют наибольшую угрозу российскому обществу в связи с распространением радикального ислама: первая – это неофиты, и вторая – неофиты среди заключенных тюрем.

Русские мусульмане, которых насчитывается всего шесть тысяч человек, дали стране террористов больше, чем мусульмане-татары, которых почти 4 миллиона³⁰³.

По моим данным, как минимум 10% новообращенных русских мусульман-мужчин приняли ислам именно в местах заключения... Сейчас учащаются случаи, когда радикальный ислам принимают люди с фашистскими взглядами³⁰⁴.

Стоит также отметить, что очередным подтверждением того, что именно дискурс Р. Силантьева признается и транслируется, в том числе и государственными органами, является и активная практическая работа, которая ведется этим специалистом на занимаемых им должностях. Так, в 2016 году в издательстве Миссионерского отдела Екатеринбургской епархии вышла книга «Ислам. Пособие для православных миссионеров»³⁰⁵. В «Практическом разделе» автор подробно описывает процедуру выявления «агрессивных исламистов»: перечисляются особенности внешнего вида и поведения, а также предлагается комплекс основных и дополнительных вопросов, ответам на которые присваивается определенное количество баллов, в результате чего появляется возможность оценить «приверженность исламу» от 0 до 20 баллов. «Каждый балл увеличивает на 5% вероятность

³⁰² Мельников А. Террористы бьют по первым лицам // Независимая газета. 17.12.2010.

³⁰³ Сапожников Г. Почему русские, переходя в ислам, зачастую становятся ваххабитами // Комсомольская правда. 12.02.2011.

³⁰⁴ Рогоза А. Курсанта в метро порезал скинхед-исламист // Комсомольская правда. 06.11.2015.

³⁰⁵ Силантьев Р. Ислам. Пособие для православных миссионеров. Екатеринбург: Миссионерский отдел Екатеринбургской Епархии, 2016.

принадлежности общины к радикальным направлениям ислама»³⁰⁶. В августе того же 2016 года со ссылкой на Р. Силантьева в СМИ появилась информация о том, что к публикации готовится методичка, «которая позволит сотрудникам ФСИН отличить экстремистов от традиционных мусульман и остановить распространение в тюрьмах радикального исламизма»³⁰⁷.

В продолжение темы о сильном государстве закономерно актуализируется и другой элемент – традиционный ислам и доминирующее положение православия в российском обществе.

*Для России традиционен лишь тот ислам, последователи которого готовы быть законопослушными гражданами своего государства и уважать христианское большинство*³⁰⁸.

Наконец, другим важнейшим элементом дискурса Р. Силантьева является противостояние Р. Гайнутдину и организациям, которые тот возглавляет, а именно Духовное управление мусульман РФ и Совет муфтиев России. Именно они, по мнению эксперта, являются основными проводниками опасных идей ваххабизма, в связи с чем эти организации должны быть признаны террористическими. В 2015 году вышла целая книга, призванная разоблачить истинные мировоззренческие установки Рауля Гайнутдина, под заголовком «Совет муфтиев России: история одной фитны»³⁰⁹. В своих комментариях в СМИ Р. Силантьев не упускает возможности акцентировать внимание на связи СМР с ваххабитскими кругами.

*Думаю, что православное большинство Москвы имеет полное право протестовать против строительства ваххабитских мечетей, особенно если оно ведется за счет Саудовской Аравии и ее сателлитов*³¹⁰. (Речь шла о строительстве мечети на Волжском бульваре в Москве под эгидой СМР)

³⁰⁶ Там же, С. 404.

³⁰⁷ Куликов В. Найдут, кто плохо сидит // Российская газета. 23.08.2016.

³⁰⁸ Мельников А. Принуждение к межобщинному миру // Независимая газета. 02.02.2011.

³⁰⁹ Силантьев Р. Совет муфтиев России: история одной фитны. М., 2015.

³¹⁰ Былов М. Москва прирастет новой мечетью // Независимая газета. 15.09.2010.

Р. Силантьев, конечно, не отвергает необходимость централизованных мусульманских организаций. С этих позиций и написан его фундаментальный труд по мусульманской дипломатии в России³¹¹. Кстати, этот труд стал предметом критической рецензии, опубликованной на страницах той же «Независимой газеты», где чаще всего появляются материалы за авторством самого Р. Силантьева. Так, В. Мальцев отмечает, что «заметна тенденциозность автора, чьи симпатии находятся на стороне «черносотенного» мусульманского духовенства начала XX века»³¹². По мнению Р. Силантьева, сейчас на службе у российского государства уже есть мусульманская организация – Центральное духовное управление мусульман под руководством Талгата Таджуддина. И в то время как в структурах под руководством Р. Гайнутдина постоянно происходят какие-то проблемы, ЦДУМ является самым авторитетным представителем мусульманской общины всей России.

*...Талгат Таджуддин в очередной раз удостоился пока недостижимой для остальных муфтиев России чести встречи с первым лицом государства – Владимиром Путиным, а в октябре именно он в Кремле общался от имени мусульман России с королем Саудовской Аравии*³¹³.

Интересно, что идея о том, что все остальные мусульманские организации «погрязли в ваххабизме» незаметно перетекает и в риторику государственных чиновников.

*Начальник Департамента по взаимодействию с религиозными организациями администрации президента России Илья Баринев заявил, что ЦДУМ – «единственный муфтият в России, в приходах которого нет имамов-салафитов»*³¹⁴.

Наконец, что стоит отметить, что Р. Силантьев не остается фигурой лишь медийного пространства, претендуя и на участие в академической

³¹¹ Силантьев Р.В. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010.

³¹² Мальцев В. Ислам на государственной службе // Независимая газета. 04.08.2010.

³¹³ Силантьев Р. Умма государственнического склада // Независимая газета. 20.12.2017.

³¹⁴ Мальцев В. Политический танец с саблями // Независимая газета. 21.11.2012.

дискуссии. Так, например, одна из его рецензий³¹⁵ посвящена разбору недавно вышедшего энциклопедического словаря про ислам в Татарстане под редакцией профессора Казанского федерального университета А.Ю. Хабутдинова³¹⁶. Одним из главных недостатков данного издания Р. Силантьев называет отсутствие логики, и представленные в словаре статьи не отвечают логике развития ситуации в регионе. Кроме того, у него есть претензии и к содержательной стороне вопроса и неверно расставленным акцентам. Так, «авторы словаря настолько упорно избегают темы ваххабизма и терроризма, что порой это выглядит абсурдно». Кроме того, не упомянуты ведущие исламоведы республики, а также непонятна целевая аудитория издания, так как «высококвалифицированные специалисты разберутся в его запутанной структуре, однако ничего нового для себя не почерпнут, а вот все остальные никакого целостного представления об исламе в Татарстане из этой книги не составят».

Не менее ярким представителем экспертного сообщества является сотрудник Института национальной стратегии (в прошлом также сотрудник Российского института стратегических исследований) Раис Сулейманов. Уровень радикальности его высказываний привел к тому, что дискурс, транслируемый Р. Сулеймановым, уже не раз становился предметом отдельных научных изысканий³¹⁷. В целом, его дискурс почти не отличается от риторики Р. Силантьева. В большинстве своих публикаций и выступлений он также призывает к использованию самых жестких мер противодействия исламу в российских регионах. Однако он делает еще больший акцент на центральной роли сильного государства в противостоянии данной угрозе. В этой связи актуализируется и проблема патриотизма, чего нет у Р. Силантьева.

³¹⁵ Силантьев Р. Исламский словарь не отличается энциклопедичностью // Независимая газета. 06.12.2017.

³¹⁶ Ислам в Татарстане. Энциклопедический словарь. Сост. и отв. редактор А.Ю. Хабутдинов. ИД «Медина», Москва, 2017.

³¹⁷ Ponomariov, A. Rais Suleimanov (Kazan') and his Struggle Against Foreign and Jihadist Influence in Russia's Islam Community (conference paper), Image of Islam in Russia. 6-8 October 2016, Uppsala, Sweden; Kovalskaya, K. (2017) "Nationalism and Religion in the Discourse of Russia's 'Critical Experts of Islam'", Islam and Christian-Muslim Relations 28(2): 141-161.

Экзотическая и нездоровая флора религиозных сект, разросшаяся после перестройки, протянула свои зловещие побеги по всей территории бывшего СССР. И чтобы вырубить ее топором, государству придется взять на себя роль дровосека³¹⁸.

Для ваххабизма как для глобального проекта главный враг - патриотизм. - Самое страшное в ваххабизме то, что он не признает национальных и государственных границ³¹⁹.

Он также делает акцент и на опасности неопитов, особенно в тюрьмах, а также на той опасности, которую эти самые неопиты несут традиционным ценностям.

Когда религиозные экстремисты (вроде членов движения «Хизб ут-Тахрир») попадают на зону, они начинают там вести идеологическую пропаганду, - рассказывает политолог Раис Сулейманов. - Сажаем, одного фундаменталиста, а через пару лет получаем еще десяток - из обычных бытовых уголовников³²⁰.

На сегодняшний день в Татарстане зафиксировано около 70 фактов распада семей вследствие пропаганды радикального ислама³²¹.

Он также склонен значительно преувеличивать масштаб угрозы, говоря о тренировочных лагерях исламистов и появлении новых «группировках моджахедов», а также указывая на проникновение ваххабитов в государственные структуры, апеллируя, прежде всего, к татарстанским реалиям. Наиболее востребованными подобные идеи оказались сразу после громкого убийства муфтия Татарстана в июле 2012 года. «Я ведь предупреждал! Разъяснял! Бил тревогу! Писал о том, что ваххабизм проник в самое сердце России - в Поволжье, а меня обвиняли в паникерстве»³²².

³¹⁸ Асламова Д. России нужен суверенный ислам? // Комсомольская правда. 27.04.2011.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Асламова Д. Ваххабиты пытаются превратить Татарстан в часть арабского халифата // Комсомольская правда. 18.09.2012.

³²¹ Постнов Г. Татарстан разводят по шариату // Независимая газета. 26.01.2012.

³²² Асламова Д. Ваххабиты пытаются превратить Татарстан в часть арабского халифата.

Прочие его экспертные комментарии выдержаны в схожем алармистском духе³²³.

Кстати, путь Р. Сулейманова показывает, что оказывается рамки «допустимого алармизма» все-таки есть. В 2013 году он был вызван в прокуратуру Татарстана, так как была «установлена их [публикаций] голословность, оперирование заведомо недостоверными сведениями, отсутствие обоснования выдвигаемых предположений о развитии ваххабизма в республике какими-либо фактами либо придание преувеличенного значения отдельным фактам проявления экстремизма при заведомом умолчании о действиях правоохранительной системы по их пресечению». Тогда никаких санкций не последовало. А вот в декабре 2015 года Р. Сулейманов был приговорен решением суда к заключению на семь суток. Его признали виновным в нарушении части 1 статьи 20.3 КоАП («Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»). Нарушение состояло в публикации на его страничке соцсети «ВКонтакте» статьи, в которой присутствовали фотографии флагов запрещенных в России организаций ИГ и «Хизб ут-Тахрир». Затем арест был заменен на штраф³²⁴. По словам самого Р. Сулейманова, арест был проведен, чтобы «приструнить» его, а смягчение наказания последовало благодаря «мощной общественной реакции». В то время как реакция в исламском сообществе примерно сводилась к одному тезису: «Дописался»³²⁵. Интересно, что после этих событий в газете «Комсомольская правда» появился материал, «развенчивающий мифы об

³²³ См. например: Раис Сулейманов: Власти Татарстана пытаются с помощью нацязыка избежать своего банкротства // Царьград. 9.11.2017; Раис Сулейманов: Татаро-турецкие лица — по-прежнему центры гюленизма в Татарстане? // EurAsia Daily. 11.11.2015.

³²⁴ Мальцев В. За борьбу с этнократией — в тюрьму? // Свободная пресса. 22.01.2016.

³²⁵ См. например: Раис Сулейманов отправлен на нары // Голос ислама. 30.12.2015.

эксперте Р. Сулейманове»³²⁶, в то время как до этого в целом ряде материалов можно встретить ссылки на его экспертные комментарии.

С уверенностью можно сказать, что в именно эти два эксперта – в большей степени Р. Силантьев, в меньшей Р. Сулейманов – формируют экспертную повестку об исламе в СМИ. Однако есть ряд экспертов, которые в своих комментариях воспроизводят отдельные элементы описанного нами выше алармистского дискурса об исламе. Некоторые эксперты обращаются примерно к той же жесткой риторике. Например, Р. Гиреев, эксперт некоего Центра исламских исследований Северного Кавказа³²⁷, выстраивает простую причинно-следственную связь роста популярности идей радикального ислама.

Русская молодежь устала от пивного культа, ее выталкивают в систему - в общество потребителей, с гей-браками и прочим непотребством, - считает эксперт Центра исламских исследований Северного Кавказа Руслан Гиреев. - В итоге молодежь обращает внимание на радикальный ислам, доктрина которого проста³²⁸.

Идею о проникновении ваххабизма во все структуры власти находит отражение в позиции сотрудника РИСИ Г. Хизриевой. Например, она связывает убийство Саида Чиркеевского и татарстанского муфтия В. Якупова, так как они оба проводили курс на «деваххабизацию». Кстати, абсолютно ту же терминологию использует в своих комментариях и другой сотрудник РИСИ Я. Амелина³²⁹. «Совершенно ясно, что существует ваххабитское подполье, о котором чиновничество говорило, что это только идеологическая проблема»³³⁰. Г. Хизриева также выступает за активизацию деятельности правоохранительных органов в деятельности, направленной на

³²⁶ Потапов О. Раис Сулейманов – эксперт-страдалец? // Комсомольская правда. 19.01.2016.

³²⁷ Подробной информации об этом Центре обнаружить не удалось. Известно только со слов самого Р. Гиреева, что он как руководитель этого Центра выступает «за максимальную отдаленность в научной работе от государственных ведомств и развития взаимоотношений с государством только на основе госзаказа и партнерства» (Руслан Гиреев возглавил Центр исламских исследований Северного Кавказа // Голос ислама. 04.08.2012).

³²⁸ Коц А., Стешин Д. Откуда у русских ваххабитская грусть?

³²⁹ Муртазин И. Борьба за деньги или за веру? // Новая Газета. 23.07.2012.

³³⁰ Коц А. Исламовед Роман Силантьев: Ваххабиты есть даже на Чукотке // Комсомольская правда. 20.09.2012.

упреждение терактов, и акцентирует внимание на угрозе вербовки молодежи в сообщества радикального ислама. Кстати, стоит отметить, что в своих авторских материалах – исследовательского или публицистического характера – авторы занимают куда более радикальные позиции. Так, Я. Амелина говорит о формировании единого исламистского фронта и «пятой колонне» в виде некоего исламистского лобби, а Г. Хизриева вводит термины «национал-ваххабиты» и «криптоваххабиты»³³¹.

С 2013 года в российском коммуникативном пространстве актуализировался образ врага в виде ИГИЛ. Со стороны многих, в том числе и уже рассмотренных выше, представителей экспертного сообщества звучали предостережения относительно вербовки в ИГИЛ и призывы решать проблемы самыми радикальными средствами. С новой силой подобные мысли стали высказываться в контексте российской операции в Сирии. Директор Института Ближнего Востока, известный своими резкими заявлениями в первую очередь о ситуации в арабском регионе в целом и в зоне палестино-израильского конфликта в частности, также в ряде интервью поднимает и проблему радикального ислама. С одной стороны, он активно продвигает идею о глобальном характере угрозы радикального ислама и, как следствие, поддерживает жесткие методы решения этой проблемы.

Как образно выразился известный эксперт Евгений Сатановский, «все мухи [имеются ввиду боевики ИГ] собрались на одной куче навоза в Сирии, и там их легче прихлопнуть»³³².

С другой стороны, он часто обращается к риторике мигрантофобии, анализируя «самоубийство современной Европы».

Это результат серьезной работы по уничтожению террористов. Это результат того, что у нас нет потоков мигрантов, которым неизвестно с чего платят пособия. Это результат того, что у нас не открыты двери для миллионов людей, желающих превратить нас в территорию радикального

³³¹ Подробнее об этом сегменте экспертного дискурса об исламе см.: Alexeev, I., Ragozina, S. Op. cit.

³³² Широкоград А. Ближний Восток живет противоборством // Независимая газета. 05.02.2016.

ислама. *А Европа дает им эту возможность*³³³. (Ответ на вопрос журналиста о том, почему в России в последнее время не произошло значительных терактов)

Такова ситуация с доминирующим экспертным дискурсом об исламе. Что же касается остальных специалистов, то стоит отметить следующее. Во-первых, наиболее востребованные (согласно данным, представленным в таблице) специалисты комментируют политическую ситуацию в странах Ближнего Востока и Северной Африки, где ислам является лишь периферийным сюжетом: речь идет о комментариях таких признанных специалистов в этой области как В. Наумкин, Г. Мирский, А. Игнатенко, А. Малашенко. Г. Энгельгардт также комментирует ситуацию в регионе, хотя и является прежде всего специалистом по новейшей истории Югославии, работая в Институте славяноведения РАН. Что же касается аналитики, касающейся непосредственно проблем ислама в России, то здесь самой популярной фигурой выступает руководитель научных исследований института «Диалог цивилизаций» А. Малашенко (с 2007 по 2016 возглавлял программу Религия, общество и безопасность» Московского Центра Карнеги). Он не позволяет себе резких оценок и дает взвешенные оценки. Например, комментируя все тот же сюжет с убийством татарстанского муфтия, он говорит следующее:

*Во-первых, Татарстан хоть и в окружении православного пространства, но все же часть исламского мира и не может быть вне процессов, происходящих в исламских странах. ... Во-вторых, в российских условиях, когда у нас нет реальной оппозиции, какую-то часть протестных настроений на себя оттягивает религия, ислам*³³⁴.

В поисках способов противодействия угрозе радикального ислама, эти эксперты делают акцент не на силовом, а на политическом разрешении

³³³ Эксперты проанализировали теракты в Брюсселе: «Европа кончает жизнь самоубийством?» // Московский комсомолец. 22.03.2016.

³³⁴ Постнов Г. Татарстанский конфликт в тротиловом эквиваленте // Независимая газета. 20.07.2012.

проблемы. Так, А. Малашенко еще в 2010 году констатирует проблему отсутствия международного взаимодействия по данному вопросу.

Общей стратегии работы с радикальным исламом нет и не предвидится. Дальше определенной координации усилий спецслужб дело не идет. Политическое решение отсутствует. По этой причине у США и России разные списки террористических организаций³³⁵.

Другой эксперт, профессор МГИМО А. Ярлыкапов, также признавая наличие проблемы, говорит о необходимости выработки иного подхода к ее решению.

Тысячи россиян отправились воевать в рядах запрещенного в России «Исламского государства» и других террористических организаций. Один только этот факт создал угрозу для нашей страны. Другое дело, что чем дольше силовики будут бороться с террористами старыми методами, тем больше Россия будет увязать в их ячейках³³⁶.

Оказываются ли услышаны подобные взвешенные оценки массовым читателем? В условиях простого количественного доминирования алармистской аналитики – вряд ли. Однако есть и вероятность того, что и у позиции, транслируемой А. Малашенко, А. Ярлыкаповым есть свои сторонники. Гораздо важнее, на наш взгляд, то, что весь академический дискурс, который находит свое отражение в медийном пространстве, обусловлен достаточно узкой повесткой. Комментарий эксперта, как правило, следует за каким-то громким инфоповодом, который, как мы уже установили, зачастую оказывается связан с такими резонансными темами как деятельность террористических группировок (от российских регионов до ИГ), проблема ислама в публичном пространстве (ношение хиджаба, празднование мусульманских праздников). Таким образом, эксперт оказывается заложником этой ограниченной новостной повестки. Можно

³³⁵ Малашенко А. Бесконечность конфронтации // Независимая газета. 29.09.2010.

³³⁶ В ходе боя в Нижнем Новгороде были убиты два боевика // Московский комсомолец. 23.10.2016.

сказать, что данный сегмент экспертного дискурса реактивен, так как эксперты реагируют исключительно на заданный набор проблем.

Реагируют ли академические эксперты на алармистские комментарии? В большинстве своем, такие эксперты, как Р. Сулейманов или Г. Хизриева, считаются маргиналами или вовсе не признаются академическим сообществом. А культура полемики не очень развита в отечественной науке, и скорее является делом гражданских активистов. Пожалуй, единственной фигурой, пытающейся противостоять «исламофобии Р. Силантьева» является старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Р. Курбанов. Будучи признанным членом академического сообщества, он довольно заметен и в российском публичном пространстве, являясь одним из руководителей Экспертного совета при Совете муфтиев России, членом рабочей группы по межконфессиональным отношениям при Правительстве Москвы, а также журналистом целого ряда СМИ. В основном полемика происходит в электронном пространстве на страницах многочисленных исламских изданий. Однако в федеральной прессе нами также был обнаружен развернутый ответ Р. Курбанова на рецепты Р. Силантьева, предполагающие закрепление подчиненного статуса ислама по отношению к православию, которые могут поставить страну на грань межрелигиозного взрыва³³⁷. Основные претензии Р. Курбанова заключаются даже не столько в транслировании Р. Силантьевым «страхов перед натиском нового поколения просвещенных мусульман», сколько в предлагаемых им критериях для определения традиционности ислама, а также искусственности деления ислама на традиционный и нетрадиционный.

Главный тезис некоторых экспертов, близких к РПЦ, состоит в фатальной необратимости «православизации» и русификации всех российских народов. Поэтому, советуют они властям, нет смысла корпеть над встраиванием ислама в ткань современной отечественной государственности, так как

³³⁷ Курбанов Р. Полумесяц в тени креста // Независимая газета. 02.03.2011.

*мусульмане России все равно постепенно растворятся в православном большинстве*³³⁸.

Однако на страницах газеты Р. Курбанов не выходит на уровень деконструкции алармизма Р. Силантьева, поиска взаимосвязи между подобными заявлениями и православием. Глубокая критика подходов Р. Силантьева и Р. Сулейманова не находит отражения в газетных публикациях. И даже попытки Р. Курбанова противостоять доминирующим позициям Р. Силантьева носят маргинальный характер.

Таким образом, в экспертном дискурсе доминирующим становится нарратив секьюритизации ислама: одни транслируют эти элементы дискурса, в то время как другие вынуждены реагировать на них. Абсолютно точно воспроизводится схема дихотомии «радикального» и «традиционного» ислама, где второй элемент также находится в зависимости от доминирующего положения первого элемента. Иными словами, даже если эксперт не высказывает каких-либо алармистских высказываний, он все равно оказывается «заложником» дискуссии исключительно о радикальном исламе. Получается, что сравнительно ограниченная повестка, связанная преимущественно с радикальным исламом, предопределяет идеологические позиции даже таких экспертов как Р. Силантьев или Р. Сулейманов: в условиях нагнетания напряженности вокруг этой проблемы, придания ей глобального характера, что мы отмечали ранее, подобные позиции оказываются более востребованными и поэтому именно они формируют в терминологии Юрчака «авторитетный дискурс»³³⁹ экспертного знания об исламе.

Чтобы понять, насколько широкое распространение получили подобные представления о радикальном исламе, достаточно взглянуть на результаты некоторых социологических исследований. Крупнейшие

³³⁸ Там же.

³³⁹ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

российские социологические исследовательские центры в целом сходятся в самой простой оценке отношения к мусульманам: около половины опрошенных относятся нейтрально. Однако, последующие уточняющие опросы демонстрируют не столь благоприятную картину. Например, число безразличных к возможной постройке мечети в их городе или районе снижается до 36%. При том, вполне положительно и скорее положительно к этой идее отнеслись 30%, а скорее отрицательно и резко отрицательно – 27%.³⁴⁰ В исследовании, проведенном ФОМ в 2012 году³⁴¹, были заданы и другие вопросы, позволяющие взглянуть на «содержание» такого нейтрального отношения. Задавалось три вопроса о том, какую роль – положительную или отрицательную – играет ислам в истории России, в современной России и в мире. Около половины респондентов затруднились ответить на данные вопросы, а 32%, 39% и 40% соответственно указали на отрицательную роль ислама. Эти же вопросы задавали в опросе 2014 года³⁴². Число отметивших отрицательную роль ислама уменьшилось на несколько процентов в вопросах об оценке роли ислама в России, однако в целом картина не изменилась. Кроме того, определенные опасения вызывает тот факт, что треть россиян получают знания об исламе через СМИ, а четверть ничего не знают об исламской религии и культуре, 19% узнают про ислам от родственников-мусульман, 13% получили соответствующие знания в учебном заведении, 11% самостоятельно читали литературу, 10% обратились к Интернету, а 6% многое узнали из путешествий в мусульманские страны³⁴³.

³⁴⁰ Теракт в Париже: карикатуры, ислам, запреты // Левада-центр. 29 января 2015 [<http://www.levada.ru/2015/01/29/terakt-v-parizhe-karikatury-islam-zaprety/>, доступ от 12.03.2018].

³⁴¹ Россияне об исламе // ФОМ. 8 октября 2012 [<http://fom.ru/Tsennosti/10652>, доступ от 12.03.2018].

³⁴² Ислам – «соседняя дружественная религия» // ФОМ. 16 апреля 2015 [<http://fom.ru/Tsennosti/12121>, доступ от 12.03.2018].

³⁴³ Теракт в Париже: карикатуры, ислам, запреты.

§5.2. Голоса мусульманской общины: традиционные ценности, евразийство и патриотизм

Таблица 16. Рейтинг представителей мусульманской общины

№	ФИО	Должность	Количество материалов
1	Гайнутдин Р.	Председатель Совета муфтиев России, председатель президиума ДУМ европейской части России	250
2	Таджуддин Т.	Председатель Центрального ДУМ	112
3	Самигуллин К.	Председатель ДУМ Татарстана	110
4	Бердиев И.	Председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа, председатель ДУМ Карачаево-Черкессии	62
5	Мухетдинов Д.	Первый заместитель председателя ДУМ РФ	57
6	Пшихачев Ш.	Генеральный представитель Координационного центра мусульман Северного Кавказа (КЦМСК) в Москве	55
7	Аляутдинов И.	Имам московской Соборной мечети	28
8	Аляутдинов Ш.	Имам московской Мемориальной мечети	17
9	Панчеев Р.Д.	Председатель ДУМ Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России	6

Голоса мусульманской общины звучат не столь четко, как мнения экспертов. В подавляющем числе материалов мусульманские лидеры выступают в качестве объекта исследования, а не выразителя мнения мусульманской общины. То есть, в подавляющем числе упоминаний приведенных в таблице фамилий речь, как правило, идет о ситуации с распределением власти в мусульманской общине в отдельно взятом регионе. Лишь ограниченный круг мусульманских лидеров имеют привилегированное право «прямой речи» в газетных статьях: это либо интервью, либо фрагменты выступлений или иных заявлений, которые авторы статей также

приводят без изменений. Так как нас интересуют именно «голоса мусульманской общины», то в первую очередь есть смысл обратиться именно к риторике этих деятелей. Перипетии борьбы муфтиятов за влияние уже не раз становились предметом детального обсуждения, поэтому здесь мы сосредоточимся скорее на анализе медийного контекста, на том какую роль описание борьбы муфтиятов занимает в медийном дискурсе.

Исходя из частоты упоминания в рассматриваемых нами СМИ, «главным голосом» мусульман всей России является Р. Гайнутдин, чье мнение привлекается в качестве «официальной позиции». Несмотря на конфликт между ДУМ РФ и ЦДУМ и ситуативность реального лидерства в мусульманской общине России, все остальные муфтии позиционируются как региональные акторы политического процесса. На разных этапах этот статус лидера мусульман России достигался различными дискурсивными стратегиями. Точную периодизацию установить довольно сложно, но можно выделить несколько событий, которые и стали определяющими в определении этого статуса. Так, в 2010 – начале 2011 года, Р. Гайнутдин выступает как политическая фигура, находящаяся если не в оппозиции к власти, то критично настроенная к ней. Одним из основных инфоповодом на тот момент было нежелание московских властей увеличивать количество мечетей в столице. Это стало поводом для обвинения Р. Гайнутдином властей в исламофобии.

А в интервью татарской редакции Радио «Свобода» председатель Совета муфтиев обрушился с критикой и на российскую власть, обвинив ее в исламофобии, попытках «задавить ислам в России». В ракурсе недавних событий на Манежной площади в Москве его высказывания о том, что в столице «ощущается очень сильное давление» на мусульман, а недавние события «ясно показывают отрицательное отношение к исламу», даже сторонники муфтия не посчитали своевременными и взвешенными³⁴⁴.

³⁴⁴ Асеев М. Лидеры ислама осудили председателя Совета муфтиев // Независимая газета. 20.12.2010.

Интересно, что именно тогда наиболее остро проявляется противостояние Р. Гайнутдина и Т. Таджуддина, и вновь вопрос о лояльности власти выходит на первый план, будь то в контексте строительства мечетей или отношения к миграционной политике. В довольно долго продолжающихся дебатах вокруг строительства новых мечетей Т. Таджуддин не упускал возможности заявить о своей позиции в надежде приобрести себе некоторое количество политических очков.

«Говорить о притеснении ислама в России глупо и кощунственно, – заявил шейх Таджуддин. – То, что заявляет Равиль Гайнутдин, не соответствует истине»³⁴⁵.

Другим важным информационным поводом в 2010 году стало очередное обращение к проекту объединения всех мусульман в рамках одной структуры. Одним из первых проектов, в рамках которых планировалось создание «хорошего ислама», это проект «русского ислама» Сергея Градиловского, являвшегося в начале 2000-х советником полпреда в Приволжском округе Сергея Кириенко. По словам самого автора, уместнее говорить о «русскокультурном исламе», который включается в пространство русской культуры и русского языка и отвечает интересам российского государства³⁴⁶. В практическом отношении выдвигалась идея о необходимости ведения проповедей на русском языке. Однако, исключая проповеди, которые, по крайней мере в крупных многонациональных городах, имамы естественным образом стали читать по-русски вне зависимости от тех или иных политтехнологических инициатив, никакого дальнейшего развития этого проекта не было замечено.

В 2010 же году власти обратились именно к институциональному воплощению идеи «правильного ислама». С одной стороны, между представителями Союза мусульман России, ЦДУМ и Координационного центра мусульман Северного Кавказа шли переговоры об объединении в

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Архангельская Н., Градиловский С. Русский ислам // Русский архипелаг. 2002. [archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/russian-islam/, дата обращения: 18.01.2017].

единую структуру. По разным причинам этот проект не был реализован. Но по инициативе А. Гришина, советника Администрации Президента по взаимодействию с исламскими организациями, была организована Российская ассоциация исламского согласия. Тогда Р. Гайнутдин «назвал куратора российских мусульман виновником дискредитации объединения российских мусульман»³⁴⁷. Изначально РАИС проигнорировали крупные муфтияты, и проект «всероссийского муфтията» не получил дальнейшего развития.

Тем не менее, идея об объединении российских мусульман никуда не делась, а окончательно перешла в сферу символической борьбы. Так, по-прежнему консолидация виделась как единственное решение «извечной проблемы несбалансированности развития двух ареалов российского ислама – северо-кавказского и татаро-башкирского»³⁴⁸, а также как шанс «не открывать дополнительные возможности для радикальных группировок»³⁴⁹. Политическое противостояние Р. Гайнутдина и Т. Таджуддина начинает сходить на нет после оказанного ими вотума доверия Общероссийскому народному фронту. На встрече с «представителями религиозных и общественных объединений, которые симпатизируют «Общероссийскому народному фронту» (ОНФ) и готовы решать свои проблемы на его площадке», которая состоялась 19 июля 2011 года, Р. Гайнутдин изложил основные позиции его политической концепции, которыми, пусть и с некоторыми изменениями, он руководствуется вплоть до сегодняшнего дня.

наше государство имеет одну особенность: мы являемся не пришельцами в свою страну, мы имеем здесь могилы отцов и детей... Это наша Родина»

*Граждане России помнят выступление Владимира Владимировича Путина в Мюнхене, когда он выступил со своей знаменательной речью и заставил граждан гордиться своей страной! <...> Россия сегодня уважаема в мире!
А мы все говорили: когда же Россия покажет свое лицо державности?!*

³⁴⁷ Бычков С. Мечетям – нет, расколу мусульман – да // Московский комсомолец. 24.12.2010.

³⁴⁸ Золотая Орда и Имамат Шамиля как основа российской государственности // Независимая газета. 07.07.2010.

³⁴⁹ Неотложная к решению проблема // Российская газета. 04.04.2012.

*Мы надеемся, что Россия не будет забывать, что она — евразийское государство!*³⁵⁰

А на праздновании Курбан-Байрама в том же 2011 году в проповедях и Р. Гайнутдина, и Т. Таджуддина и вовсе звучат призывы прийти на выборы и сделать правильный выбор.

*Активно участвуя и в предстоящих в декабре этого года, и в марте будущего года выборах, мы сделаем свой правильный выбор», – сказал муфтий Гайнутдин <...> Таджуддин убеждал единоверцев «исполнить свой гражданский долг и принять участие в предстоящих выборах вместе со всеми россиянами».*³⁵¹

Другие резонансные политические события также получают одобрение со стороны представителей мусульманского сообщества.

*Глава Совета муфтиев и духовного управления мусульман европейской части России Равиль Гайнутдин назвал воссоединение с Крымом самым значимым событием 2014 года*³⁵².

Даже вопрос о выделении участков земли под строительство мечетей уже оказывается в совершенно ином контексте.

*К сожалению, есть чиновники регионального уровня, которые не понимают необходимости поддержания стабильности в обществе, а удовлетворение религиозных потребностей - одна из основ поддержания стабильности*³⁵³.

Таким образом, в риторике Р. Гайнутдина выделяется несколько важных категорий, позволяющих сделать вывод о том, что публичное пространство используется им преимущественно как источник его легитимации в глазах властей. Во-первых, это единство. Почти все мусульманские лидеры обращаются к идее о единстве мусульманской общины³⁵⁴. Но самой востребованной оказывается идея Р. Гайнутдина о

³⁵⁰ Колесников А. Свобода, раввинство, братство // Коммерсант. 20.07.2011.

³⁵¹ Мельников А. Курбан-Байрам обошелся без жертв // Независимая газета. 07.11.2011.

³⁵² Петров В. Бюджет консолидации // Российская газета. 09.10.2014.

³⁵³ Мельников А. Госдеп берет верующих под управление // Независимая газета. 21.08.2013.

³⁵⁴ См. например: Исмаил Бердиев: Мы от всего можем отказаться за единство мусульман // Инфо-Ислам. 19.01.2010 [\[info-islam.ru/publ/novosti/rossiya/ismail_berdiev_my_ot_vsego_mozhem_otkazatsja_za_edinstvo_musulman/1-1-0-932,](http://info-islam.ru/publ/novosti/rossiya/ismail_berdiev_my_ot_vsego_mozhem_otkazatsja_za_edinstvo_musulman/1-1-0-932)

единстве мусульман и российской цивилизации на основе евразийской общности. Например, выступая на X Международном исламском форуме, он призвал «мусульманам смело «реализовать свой потенциал как представителей масштабной евразийской культуры»³⁵⁵. А на открытии Соборной мечети он говорит, что «символично, что именно уроженец Петербурга, наш Президент, разрежет ленточку при входе в Соборную мечеть Москвы. Тем самым мы выявим наши общие корни как многонациональной и поликонфессиональной единой евразийской цивилизации»³⁵⁶. М. Кемпер подробно анализирует роль евразийства в официальном мусульманском дискурсе в России. Он говорит о том, что обращение к евразийской риторике - одна из самых эффективных стратегий расширения влияния, как для Совета муфтиев, так и для ЦДУМ. Концепт евразийства активно используется во внутренней политике, в то время как во вне развивается идея сближения мазхабов³⁵⁷.

Другим важным элементом риторики Р. Гайнутдина является *духовность*. Она актуализируется в виде особо значимой политической ценности. Например, главная мечеть сможет «приносить огромную пользу в деле укрепления духовного и государственного суверенитета нашей державы»³⁵⁸. Евразийская интеграция обладает духовным измерением³⁵⁹. «Духовный генофонд» стоит в одном ряду с миром, стабильностью, согласием и противопоставляется экстремизму и радикализму³⁶⁰. Также часто можно встретить словосочетания «духовные корни», «духовная пропасть».

доступ от 12.03.2018]; По итогам форума «Мусульманский мир-2017». Интервью Д. Мухетдинова // Мусульмане России. Официальный сайт ДУМ РФ. 20.03.2017 [<http://dumrf.ru/common/interview/12050>, доступ от 12.03.2018].

³⁵⁵ Толерантность тонет в евразийстве // НГ. 15.12.2014.

³⁵⁶ Муфтий Гайнутдин: российское мусульманство сможет стать лидером всей уммы // Мусульмане России. Официальный сайт ДУМ РФ. 11.06.2015 [dumrf.ru/common/speech/9411, доступ от 12.03.2018].

³⁵⁷ Kemper, M. Russia's Muftiates: A Reconfiguration Ahead? (conference paper), Image of Islam in Russia. 6-8 October 2016, Uppsala, Sweden.

³⁵⁸ Муфтий Гайнутдин: открытие Московской Соборной мечети - событие государственного масштаба для РФ // Мусульмане России. Официальный сайт ДУМ РФ. 23.09.2015 [dumrf.ru/regions/77/speech/9735, доступ от 12.03.2018].

³⁵⁹ Гашков И. Шейхи российского консерватизма // Независимая Газета. 17.12.2014.

³⁶⁰ Муфтий Гайнутдин: я думаю, не одна мечеть будет построена в Москве // Мусульмане России. Официальный сайт ДУМ РФ. 18.09.2015 [dumrf.ru/common/speech/9718, доступ от 12.03.2018].

Концепт духовности актуализирует и такой важный для российского политического дискурса элемент противостояния Западу.

Начиная со времени Возрождения, европейцы отказались от веры в Создателя, потому что сочли ее обременительной, все заслонило обогащение во имя личных целей, персональные желания были поставлены над общественными интересами, возобладал антропоцентрический тип мышления. Он-то и был объявлен всеобщей ценностью, затем эту ценность стали распространять на весь мир, причем делалось это колониальными методами³⁶¹.

Обращает на себя внимание и изменение риторики поздравлений Р. Гайнутдина с тремя важными мусульманскими праздниками: Мавлид Ан-Наби, Курбан Байрам и Ураза Байрам. Нами были выделены случаи, где в опубликованных в «Коммерсанте» материалах он, так или иначе, обращается к социально-политическому контексту.

Таблица 17. Отрывки поздравлений Р. Гайнутдина, где он обращается к социально-политическому контексту

2011	Поздравление с Ураза-Байрамом	Мусульмане не гости в нашей России. История нашей страны — это соседство золоченых куполов православных церквей, минаретов мечетей, синагог и храмов, традиционных для нашей страны религий, а это и есть подтверждение единства и общности наших народов, которое не должно сегодня разрушаться несоблюдением прав верующих на молитву в храме.
2012	Поздравление с днем рождения Пророка Мухаммада	Мы убеждены, что единое культурное пространство необходимо для единства страны и ее целостности и утверждаем: нельзя делить российский народ по религиозному и национальному признаку в школе и армии, но необходима равная возможность сохранить свою культуру и язык, чтобы они вошли в многоцветное сплетение, составляющее богатство российской культуры. Гордость каждого народа за свою

³⁶¹ Там же.

		национальную культуру и традиции и составляет историческую гордость и силу российского народа.
2013	Поздравление с днем рождения Пророка Мухаммада	Мы, российские мусульмане, осознаем свою ответственность за то, чтобы сберечь бесценное наследие, традиции, дарованные нашей благословенной религией, ибо мы не только вобрали наследие, выработанное духовным опытом мусульманских народов, но и на протяжении многих веков воспитаны на лучших образцах российской и мировой культуры.
2016	Поздравление с днем рождения Пророка Мухаммада	Для российских мусульман, унаследовавших традиции нашей благословенной религии и воспитанных в духе диалога между народами и религиями, важно сохранять единство и в своих рядах. Но наши многолетние усилия на этом пути порой прерываются сеятелями смуты.

Как видно, в официальных поздравлениях Р. Гайнутдин также обращается к идее единства, духовности и лояльности властям.

Однако наибольшее внимание привлекло поздравление Р. Гайнутдина с праздником Мавлид Ан-Наби в 2015 году. Полный текст этого обращения не был опубликован в прессе, однако стал предметом отдельного рассмотрения в ряде материалов СМИ³⁶². Поздравляя мусульман с «Мавлид Ан-Наби», который в 2015 году отмечался незадолго до христианского рождества, Р. Гайнутдин использует православную терминологию для описания мусульманских реалий. Большая часть его «рождественского обращения» (такое название приведено на официальном сайте ДУМ РФ) посвящена сравнению праздника Мавлид Ан-Наби с христианским рождеством.

Я же стараюсь сделать язык, само послание Ислама доступным нашим современникам — и потому использую привычные в российской культуре слова и образы. Старославянское «рождество» в Средневековье было самым обыкновенным для обозначения физического появления человека на свет. Поэтому словосочетание рождество Пророка Мухаммада (мир ему) вполне

³⁶² Силантьев Р. «Похитители» рождества // Независимая Газета. 04.02.2015.

*законно в российском пространстве и сохраняет свою исламскую сущность*³⁶³.

Приводя цитаты различных сур Р. Гайнутдин разворачивает богословское рассуждение об общности христианской и исламской традиций, связанных с праздником рождения Иисуса и Мухаммеда; проводит аналогию между вознесением и мираджем.

Надо сказать, что «рождественское обращение» стало лишь самым ярким проявлением стратегии перенесения христианской терминологии в мусульманский дискурс. Например, в другом своем выступлении Р. Гайнутдин сравнивает христианскую и исламскую эсхатологию – причем делает он это для актуализации идеи об особой роли России на международной арене.

*Христианская и исламская эсхатология близки и утверждают, что перед пришествием Мессии (Махди) появится Антихрист (Даджаль), и особо важна будет роль Катехона (Удерживающего). Очевидно, что именно современная политика нашей страны и наш опыт межрелигиозного согласия и сотрудничества станет стержневым для мировой политики*³⁶⁴.

В описании мечети зачастую можно встретить аналогии с описанием православных храмов. Например, в одном из интервью о строящейся соборной мечети Р. Гайнутдин говорит, что «наша мечеть – златоглавая и вписывается в ансамбль храмов Москвы»³⁶⁵.

Сравнение внешнего вида мечети с символами российской государственности также является одной из демонстраций лояльности российским властям.

Новый облик мечети, видом своих минаретов одновременно напоминающий и Спасскую башню Московского Кремля, и изящную башню Сююмбике в белокаменном Кремле Казани, демонстрирует необратимое стремление

³⁶³ Рождественское послание муфтия России Гайнутдина // Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 27.01.2015 [dumrf.ru/common/speech/8925, доступ от 12.03.2018].

³⁶⁴ Муфтий Гайнутдин: российское мусульманство сможет стать лидером всей уммы // Мусульмане России. Официальный сайт ДУМ РФ. 11.06.2015 [dumrf.ru/common/speech/9411, доступ от 12.03.2018].

³⁶⁵ Муфтий Гайнутдин: я думаю, не одна мечеть будет построена в Москве.

*нашего мусульманства к своим духовным корням, к евразийским основам российской цивилизации и государственности*³⁶⁶.

Концепты духовности, единства и евразийства лежат в основе проекта «российского мусульманства» Д. Мухетдинова, который был сформулирован им в 2014 году. Это самое «российское мусульманство» должно основываться на «российской евразийской цивилизации», а также традиционная исламская культура должна занять там особое место. Проект вызвал довольно широкий интерес в СМИ.

С одной стороны, само название отсылает нас к концепции «русского мусульманства» Исмаила Гаспринского. Отсылка к Гаспринскому – умеренному либералу и модернисту, продвигавшему именно либеральные ценности, сочетается здесь с утверждением о том, что главной угрозой российскому мусульманству, как и всему российскому обществу, является «углубление модернизации». Автор также утверждает, что религиозные реформы являются одним из главных вызовов российскому мусульманству. Вместе с тем, предпринимаемая в статье попытка создать «мусульманскую евразийскую идентичность» и «построить идеологическую конструкцию» является чистой воды реформаторством. Д. Мухетдинов ссылается и на «русскую идею» Ильина, который «верно схватил базовую интуицию [возрождения русской веры и культуры], однако безосновательно связал ее исключительно с Православием». Далее Д. Мухетдинов развивает мысль Ильина применительно к исламским духовным традициям. Как известно, к идеям именно этого философа в своих выступлениях часто обращается В.В. Путин.

Отдельное место в рассуждениях Д. Мухетдинова занимает вновь реинкарнированная идея об особом пути России, которая должна «организовать отдельный цивилизационный полюс» и «вращивать семена родной традиции». В этой связи мы вновь возвращаемся к идее

³⁶⁶ Муфтий Гайнутдин: открытие Московской Соборной мечети - событие государственного масштаба для РФ.

противостояния Западу. Следуя логике текущей политической конъюнктуры, Д. Мухетдинов делает акцент на опасностях ультралиберализма, связанного с разложением традиционных семейных ценностей, и «расплывчатости и неопределенности» западных ценностей в противовес российским традиционным.

Что же касается Т. Таджуддина, то в публичном медийном пространстве ему отводится периферийная роль. Говорится о том, что он принимает участие в важных встречах с руководством страны, однако на первый план выходят его громкие и неоднозначные заявления по актуальным вопросам текущей политической повестки.

Категоричную идею на днях озвучил Председатель Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин. Он предложил ввести в Башкирии «налог на духовность» и строить на собранные деньги мечети и храмы³⁶⁷.

Муфтий Таджуддин призывает аннексировать Израиль, чтобы проложить удобную дорогу для паломников в Мекку³⁶⁸.

Таким образом, с одной стороны, Т. Таджуддин выступает героем сюжетов, посвященных конфликтам между муфтиятами, а с другой – автором громких заявлений, которые позволяют ему быть заметным в российском медийном пространстве. Позиция официального выразителя мнений мусульманской общины отдана Р. Гайнутдину.

В 2016 году в символической борьбе за дискурс «традиционного ислама» появился новый игрок в лице Р. Кадырова. 27-29 августа 2016 года в Чечне состоялась конференция «Последователи Сунны: кто они?», на которой был принят документ, получивший неоднозначные оценки в российском мусульманском сообществе. «Грозненская фетва» был призвана определить границы традиционного ислама в России. К «заблудшим сектам современности» были отнесены: «чистый ислам» (ваххабизм), хабашизм

³⁶⁷ Хлыстова К., Шахов С. Главный мусульманин России предложил ввести «налог на духовность» // Комсомольская правда. 28.01.2011.

³⁶⁸ Атас, чтоб не грустил рабочий класс // Московский комсомолец. 26.11.2015.

(учение эфиопского проповедника Абдуллаха аль Харари) и идеология организаций «Исламское государство», «Братья-мусульмане» и «Хизб ут-Тахрир»³⁶⁹. Иными словами, данный документ был призван зафиксировать на бумаге разделение на мусульман «плохих» и «хороших». По тексту данной фетвы получалось, что самой «правильной» остается одна небольшая группа тех самых сторонников «традиционного ислама», представленных на Кавказе рядом суфийских тарикатов. Все остальные выносились за скобки. Отдельно был сделан акцент на том, что данная фетва обязательна для всех мусульман, что было однозначно истолковано как амбиция чеченского лидера на лидерство среди российских мусульман. Дальнейшие высказывания и действия Р. Кадырова (например, в ситуации вокруг эскалации насилия в отношении мусульман-рохинджа в Мьянме) стали еще одним подтверждением его стремлений³⁷⁰.

Что же касается попыток представителей мусульманского сообщества отреагировать на сформированный негативный образ ислама, то здесь стоит отметить Ш. Аляутдинова. Несмотря на то, что в рассматриваемых нами газетах его упоминаемость очень скромная, в более широком медийном пространстве он позиционируется очень активно³⁷¹. Он как раз и рассуждает о проблемах и новых вызовах, с которыми сталкиваются мусульмане на современном этапе. В том числе он едва ли не единственный актуализирует проблему исламофобии в своих выступлениях и интервью и пытается разрушить стереотипы, навязываемые «экспертами» по исламу. Однако его позиция в большинстве своем остается на страницах мусульманских и региональных изданий.

По его мнению [Ш. Аляутдинов], это не более чем слухи [речь идет о публичном убийстве животных к празднику Курбан-Байрам], и все дело в том, что российские «СМИ воспитаны в исламофобии и готовы сами

³⁶⁹ Текст фетвы «О неотъемлемых признаках отличия истинного Ислама от заблуждений» [http://sufirb.ru/books_data/fatwa_grozniy/fatwa_grozniy.pdf, доступ от 12.03.2018].

³⁷⁰ Салам, шайтаны // Lenta.ru. 6.09.2017.

³⁷¹ Недавно был опубликован сборник избранных интервью Ш. Аляутдинова: Шамиль Аляутдинов и массмедиа. СПб: издательство «Диля», 2014.

зарезать и барана, и свинью, дабы показать это по всем каналам, виня опять же во всех проблемах мусульман»³⁷².

Таким образом, конфликты между региональными ДУМ – одна из важнейших тем, которая знакомит нас с основными акторами, представляющими российскую общину мусульман. Однако они скорее выступают в качестве объекта анализа – их мнения выносятся за скобки. Те же мусульманские лидеры, чьи голоса оказываются представлены в медийном пространстве, также выступают в роли скорее политических, нежели религиозных деятелей. Они используют СМИ в качестве источника легитимации в глазах политической власти ради получения наибольшего политического веса по сравнению со своими конкурентами в мусульманской общине. И если в 2010 году еще встречаются критические отзывы Р. Гайнутдина в отношении действий московских властей, то с 2011 года его дискурс становится абсолютно рафинированным и выстраивается вокруг нескольких узловых моментов: духовности, единства на основе евразийства и противостояния западным ценностям. Эта схема становится универсальным инструментом для заявления своей позиции фактически по любому вопросу. Главное ограничение подобной концепции заключается как раз в ее универсальности. Являясь органичной частью нынешней политической конъюнктуры, она позволяет ограничиться лишь декларацией «всего хорошего против всего плохого» без необходимости разработки каких-либо конкретных планов действия по «возращению семян родной традиции». В результате чего если дискурс экспертного сообщества об исламе зациклен на проблеме «радикального ислама» и предлагаются порой самые радикальные методы борьбы с ним, то представители мусульманского если и обращаются к этой проблематике, то исключительно в контексте очередного напоминания о своей лояльности властям, но никак не решения данной проблемы.

³⁷² Мальцев В. Собянина попросили вернуться к баранам// Независимая газета. 22.11.2010.

§5.3. Молчаливое большинство: каких мусульман боятся больше всего?

Неотъемлемой частью образа ислама являются собственно мусульмане и иные акторы, ассоциирующие себя с исламом. Их голоса почти не слышны, но именно они и составляют доминирующее представление о мусульманах. Нами был выделен ряд групп, которые, на наш взгляд, наибольшим образом способствуют формированию негативного образа ислама.

Партии, группировки и движения: политически активные – значит опасные

Одно из общих определений слова «партия» может быть сформулировано следующим образом: «добровольная ассоциация избирателей, стремящаяся контролировать правительство путем победы на выборах и завладения в результате этого официальными учреждениями»³⁷³. Сущностными характеристиками партии является участие в борьбе за власть в рамках текущего политического режима. Словосочетание «исламская партия» в целом имеет нейтральную окраску, так как в подавляющем большинстве случаев входит в состав названия собственно какой-либо партии, действительно участвующих в выборах или осуществляющих ту или иную политику. Исключение здесь составляет, например, Партия исламского возрождения Таджикистана и «Хизб-ат-Тахрир» (Партия исламского освобождения). Анализ контекстов свидетельствует о том, что и в данном словосочетании значение слова «партия» сохраняется в его словарном виде, не искажаясь впереди стоящим определением. И если в словосочетании «исламский боевик» существительное обуславливает негативную коннотацию, то здесь ситуация обратная: прилагательное «исламистский» «подстраивается» смягчается нейтральным значением слова партия, например, путем добавления уточняющих прилагательных вроде «умеренная исламистская партия». Кроме того, в контексте описания выборов после

³⁷³ Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге. 2001. С. 150.

событий «арабской весны» ряд партий, одержавших победу, описывается как исламистские.

Закономерным выглядит наибольшее внимание к странам, где в результате событий «арабской весны» произошли самые радикальные перемены – Египет и Тунис. Интерес проявляется к событиям в ряде республик Центральной Азии и на Среднем Востоке. Обращает на себя внимание тот факт, что проблема репрезентации мусульман в политическом пространстве России не является доминирующей темой в этом типе дискурса. Об исламских партиях в России речь идет преимущественно в контексте событий 90-х годов или же «запрещенных на территории России крайних исламских партий и организаций».

Слово группировка, также само по себе не несет никаких негативных коннотаций, означая лишь «объединение военных, политических или каких-либо иных сил»³⁷⁴. В словаре политических терминов мы находим определение термина «антиправительственная группировка»: «согласованные или совместные акции двух или более гетерогенных центров политической деятельности на основе временного совпадения их интересов»³⁷⁵. В нашем корпусе «исламская» и «исламистская группировка» имеют равноценное значение, однако оно существенно отличается от словарных. Здесь группировка – это не результат и не сам процесс объединения, а исходное «целостное» обозначение политического актора. В большинстве случаев под «группировкой» понимается именно антиправительственная группировка, хотя опять же речь не идет ни о каком объединении. Сущностной характеристикой группировки в нашем корпусе является *готовность использования насильственных методов борьбы для достижения поставленных политических целей*. Среди организаций, описываемых как группировки, такие разные образования как «Хамас», «Боко Харам», «Аш-Шабаб», «Аль-Каида» и др. В связи с обнаружением

³⁷⁴ Группировка // Толковый словарь Ефремовой, 2000.

³⁷⁵ Группировка антиправительственная // Полит-словарь.ру [<http://www.polit-slovar.ru/dictionary/418/>], доступ от 12.03.2018].

такой модели репрезентации различных исламских организаций возникли вопросы: как еще они описываются? Есть ли какое-то общее представление о том, как идентифицировать этих специфических акторов политического процесса в разных странах? Мы просмотрели все конкордансы каждой из организаций на предмет выявления различных их наименований. Результаты представлены в таблице 18.

Таблица 18. Характеристика различных организаций политического ислама

	Количество упоминаний	Группировка	Партия	Организация	Движение	Другое
Братья-мусульмане	982	исламская, исламистская, группировка, умеренная, оппозиционная, радикальная	исламистская	экстремистская, влиятельнейшая, массовая исламская, исламистская, террористическая, международная терророрганизация, радикальная	исламское, организованное, египетское исламистское, египетское оппозиционное, исламистское	ассоциация, вышедшие из подполья, умеренные исламисты
Хамас	1275	Палестинская, экстремистская (а точнее террористическая), исламистская, исламская, правящая, радикальная, террористическая, радикальная шиитская	Политическая, исламистская, радикальная исламистская	исламистская, палестинская, суннитская	исламистское, радикальное, правящее, радикальное исламское, палестинское	
Аль-Каида	917	террористическая, экстремистская исламская		международная террористическая		транснациональная исламистская сеть, террористическая сеть, международная

						террористическая сеть
Джамаат	773	ваххабитская, исламистская, Оргпреступная, группировка		ваххабитская, радикальная религиозная	подпольное террористическое	местное автономное объединение, община
Талибан	1379	Экстремистская			радикальное исламское, боевики радикального исламистского движения, исламистское, афганское радикальное, боевики движения	
Хизб ут- Тахрир	417	мусульманская, исламистская	запрещенная экстремистская, именующая себя партией, партия радикальных исламистов	радикальная религиозная, международная исламистская, террористическая, экстремистская, международная террористическая, запрещенная, международная		радикальная экстремистско- террористическая секта

				религиозная, панисламистская транснациональная, запрещенная террористическая		
Хезболла	1347	радикальная шиитская, ливанская шиитская, проиранская, боевики группировки	ливанская	ливанская радикальная, шиитская, проиранская шиитская, исламистская	шиитское	
Аш-Шабаб	160	исламистская, радикальная, исламистская боевая, террористическая, сомалийская, исламистская террористическая, радикальная исламская		Религиозно- политическая, террористическая,	Радикальное исламское	Террористы
Джабхат Ан-Нусра	1 007	группировка, радикальная, экстремистская, оппозиционная, радикальная				

		исламистская, террористическая				
Боко Харам	255	Исламистская, нигерийская, террористическая			Беспощадное ваххабитское	Экстремистская секта
Имарат Кавказ	491	*террористическая, незаконная организация, Территория Имарата, Проект Имарат Кавказ, объединение боевиков, ставящее целью создание на территории кавказских республик РФ исламистского государства, Информационно-аналитическое интернет-издание, террористическое подполье, террористическая банда, территорию республик Северного Кавказа называют боевики, подчиняющиеся Доку Умарову, который считается его главой, запрещенное властями объединение боевиков, исламское шариатское государство, которое боевики хотят создать на Кавказе, незаконное вооруженное формирование, организованное преступное сообщество				

Нас интересовала в первую очередь не частота того или иного наименования, а вся палитра приписываемых характеристик. Оказалось, что едва ли можно говорить о каком-то единообразии в употреблении терминов. Фактически слова «группировка», «партия», «организация» и «движения» являются взаимозаменяемыми, о чем свидетельствует одинаковый набор прилагательных, относящихся к ним: экстремистская, террористическая, исламская и исламистская. Однако есть и некоторые оценочные оттенки в их значении и в описании некоторых организаций. Так, как уже было сказано выше, слово «партия» в целом сохраняет свое значение «легального актора политического процесса» и относится только к организациям «Братья-мусульмане», «Хамас», «Хезболла». Особняком стоит кейс «Хизб ут-Тахрир». В предыдущую таблицу, где были представлены различные страны и анализировался «конструкт исламских партий», эта организация попала из-за своего «второго названия» - «Партия исламского освобождения». Здесь же в разделе «партия» она фигурирует исключительно как запрещенная и даже как «псевдопартия». В основном в качестве ее наименования используется наиболее нейтральный термин «организация» с самыми различными прилагательными. На нее же вместе с организацией «Боко Харам» навешивается ярлык секты, в то время как термин «секта» в своем изначальном значении относится исключительно к религиозной сфере, не имея ничего общего со сферой политики. Ни «Хизб ут-Тахрир», ни «Боко Харам» не являются основателями отдельного религиозного направления, идущего вразрез с господствующими убеждениями, а скорее специфической политической идеологией, использующей религиозные символы. Кроме того, в целом не обращается внимание на самоназвания этих организаций. Нельзя сказать, что всегда это было бы оправданно, но в некоторых случаях могло бы внести существенную ясность в понимание. «Братья-мусульмане» называются ассоциацией лишь однажды, «Боко Харам» называется группировкой, движением и сектой, в то время как являются «Обществом приверженцев распространения учения Пророка и джихада». «Аль-Каиде»

предпочитают не давать никаких дополнительных наименований, что в свою очередь создает своеобразный смысловой вакуум.

Обращает на себя внимание тот факт, что определение «ваххабитский» используется только в российском контексте, когда речь идет о джамаатах, основанных в разных субъектах России. Под джамаатами, как правило, понимаются небольшие вооруженные группы, использующие исламскую риторику для легитимации собственной нелегальной деятельности. Определение «оргпреступная» прямо указывает на нелегальный характер их деятельности. Ситуация с религиозно-политическими проблемами в сфере ислама является ведущей в российском газетном дискурсе, что неудивительно. Об этом свидетельствует повышенное внимание к еще одному «актору» – «Имарат Кавказ». Однако схожесть его описания в сравнении с зарубежными подобными игроками заканчивается на обозначении его в качестве «террористической и незаконной организации». Опять же делается акцент на их незаконной деятельности. Причем в качестве причины указывается не только вооруженная борьба, но и формирование одноименного территориально-политического образования, даже имеющего свой собственный информационный портал.

В целом такое смешение терминологии приводит к выхолащиванию сущностного содержания. Как следствие, унификация этого лексического поля не приведет к значимым результатам. Тем не менее, в качестве серьезной проблемы видится безответственное отношение к терминам, приводящее к смещению акцентов в самом материале, что после воспроизводится в более широком общественном дискурсе и закрепляется на уровне стереотипов.

ИГИЛ: больше государство, чем группировка

Мы не стали рассматривать организацию «Исламское государство» в общем списке, так как, на наш взгляд, актуализировавшись в 2014 году, оно стало самостоятельным элементом в этом «молчаливом большинстве», требующем отдельного замечания.

Довольно очевидным представляется тот факт, что проблема ИГИЛ рассматривается в категориях противодействия и борьбы, о чем свидетельствуют коллокации данной лексики: «угрожать», «борьба против», «война», «воевать», «кампания», «сражаться». Термин «ИГИЛ» употребляется чаще, чем «Исламское государство»: 4 063 против 3 133, и это не учитывая еще одну аббревиатуру – ИГ. «ДАИШ» - гораздо менее популярное название для террористической организации и употребляется всего 500 раз. Почему именно ИГИЛ? Во-первых, это использование аббревиатур просто эргономично. Но гораздо важнее то, что аббревиатура выступает еще и как так называемый параграфемный элемент. Параграфемика – раздел лингвистики, который изучает невербальные средства коммуникации. Часто употребляемая и уже знакомая читателю аббревиатура, например, может стать органичной частью заголовка, делая его более узнаваемым: она перестает быть просто текстом, превращаясь фактически в визуальный элемент материала.

Отдельное рассмотрение ИГИЛ связано также и с тем, что данный элемент с точки зрения языка с определенного момента времени начинает вести себя иначе, чем все рассмотренные выше организации. До второй половины 2015 года сохраняется схема, которая работает в отношении ХАМАС и «Братьев-мусульман». «Исламское государство» выступает как элемент аффилиации тех или иных акторов политического процесса, то есть речь идет о «боевиках ИГИЛ», «представителей террористической организации ИГИЛ», «эmissарах «Исламского государства»». С 2015 года наблюдается тенденция на своеобразную субъективацию ИГИЛ: организация сама начинает выступать в роли актора, образуя собственную номинативную парадигму.

... ИГИЛ заявляет о намерении захватить священный город шиитов – Кербелу³⁷⁶.

³⁷⁶ Гашков И. Второе пришествие джихадистов // Независимая газета. 18.06.2014.

*В январе с.г. ИГИЛ издал четыре декрета, вводящих шариатский образ жизни для завоеванного населения*³⁷⁷.

О формировании номинативной парадигмы аббревиатуры начинают говорить, когда она становится элементом словообразования. «ИГИЛ» начинает склоняться (ИГИЛа, ИГИЛу) и аффиксироваться (игиловцы, игилы). Особенно интересны последние примеры: эти производные от слова ИГИЛ чаще всего встречаются в КП и МК в экспрессивном контексте.

*Там устали от России, точно так же, как устали от игилов и прочих алькаид*³⁷⁸.

Таким образом, данная языковая стратегия обнаруживает формирование образа ИГИЛ в качестве самостоятельного актора международных отношений. Однако на этом семантическое поле данного конструкта не исчерпывается. Оставаясь «группировкой» и претендуя на домен «государства», ИГИЛ выступает в том числе и как отдельная идеология – «доктрина ИГИЛ», «экстремальное воплощение отчаянного сопротивления прогрессу», «приманка для дураков и невежд» - и как региональная проблема, требующая выработки решения – «не просто радикальный ислам, это прежде всего криминальная торговля нефтью и оружием».

Неофиты, проповедники и мусульманки

Теория концептуальной (или когнитивной) метафоры исходит из простого предположения: существует определенный набор концептов, которые управляют нашим мышлением. Мы можем не осознавать это, но они находят свое отражение в языке. «В основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний — фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром — как с миром объектов, так и с социумом. Особую роль играет опыт непосредственного

³⁷⁷ Игнатенко А. Территория побеждающего единобожия // Независимая газета. 06.08.2014.

³⁷⁸ Малашенко А. От Игила до Донбасса // Независимая газета. 06.03.2015.

взаимодействия с материальным миром, отражающийся на языковом уровне, в частности, в виде онтологических метафор»³⁷⁹. Дж. Лакофф и М. Джонсон изложили эту теорию наиболее подробно в работе, ставшей классической по теории концептуальной метафоры «Метафоры, которыми мы живем»³⁸⁰. Процесс метафоризации включает в себя два основных элемента: «источник» (source domain) и «цель» (target domain). В своей работе авторы приводят массу примеров, предлагают их различные типологизации, но начинают свои рассуждения с одного из самых ярких примеров концептуальной метафоры «СПОР – ЭТО ВОЙНА». «Я никогда не побеждал его в споре / Его критические замечания били точно в цель / Если вы используете эту стратегию, он вас уничтожит»³⁸¹. Здесь «война» выступает в качестве источника метафоры, а спор, следовательно – цели. Дж. Лакофф и М. Джонсон говорят, что спор и война – это разные сущности, но мы говорим о споре в терминах войны. Таким образом, «Суть метафоры — это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида»³⁸².

В дискурсе об исламе также обнаруживаются такие концептуальные метафоры. Одна из таких метафор «ИСЛАМ – ЭТО СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ» обнаруживается при обращении к термину «исламизация». Она представляется как проблема серьезного масштаба. Достигается это за счет ее описания в терминах некоего неотвратимого природного бедствия: усилившаяся, постепенная, активная, тотальная, ползучая, решительная, мягкая, ускоренная, стремительная; также говорится о *волне* и *русле* исламизации. Заслуживает внимания и словосочетание «мусульманский город», которое также воспроизводит эту метафору: подразумевается превращение европейских городов в города с преобладающим мусульманским населением. Москва, кстати, здесь тоже относится к

³⁷⁹ Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 9.

³⁸⁰ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

³⁸¹ Там же. С. 26.

³⁸² Там же.

европейским городам. Проблема исламизации также транслируется как европейская, наряду со странами, где произошли политические трансформации после событий «арабской весны».

Примерно в тех же терминах описывается и «мусульманская диаспора».

Тесно связанной с этой концептуальной метафорой оказывается и другая метафора, способствующая формированию негативного образа ислама: «ИСЛАМ – ЭТО БОЛЕЗНЬ».

*Радикальный ислам держит США и Россию за горло*³⁸³.

*Болезнь радикального ислама переходит в хроническую фазу. Они наступают, они вновь берут города*³⁸⁴

*Этот короткий рассказ, будь он правдой, мог бы послужить некрологом Збигневу Бжезинскому, который сделал немало для создания исламистской экстремистской чумы*³⁸⁵.

Оказывается, что в эту концептуальную метафору укладывается и образ одной из самых опасных групп мусульман – неофитов. Во-первых, стоит отметить, что в подавляющем числе случаев слово «неофит» употребляется в косвенном падеже: говорится либо о большом «числе неофитов», либо о некоем воздействии, которому они подверглись. Если они и выступают в качестве субъекта действия, то чаще всего речь идет о совершенных ими терактах. Во-вторых, в образе неофита акцент сделан на психической нестабильности данной категории мусульман, иногда граничащей с безумием. Они описываются как малограмотные, взбеленившиеся, несообразительные, неискушенные.

К тому же неофит попадает в переплет культурных условностей и запретов, где чувствует себя полностью обезоруженным.

³⁸³ Радикальный ислам держит США и Россию за горло // Независимая газета. 04.06.2013.

³⁸⁴ Респектабельное варварство // Новая Газета. 05.06.2015.

³⁸⁵ Смерть Збигнева Бжезинского: Враг, достойный уважения // Комсомольская правда. 29.05.2017.

И здесь к психологическим, адаптационным и коммуникативным проблемам неопита добавляются когнитивные, когда взаимодействие с окружающими превращается в противостояние трактовок, убеждений, поступков³⁸⁶.

В отдельных случаях «неофитство» предстает как самая настоящая болезнь, для описания которой используется медицинская терминология.

Среди молодых явно наблюдается неофитский синдром. Происходит переоценка ценностей. Кто сегодня носит хиджабы? Их надевают те же самые девушки, которые еще три года назад были приверженцами европейского стиля в одежде³⁸⁷.

Есть такой синдром неопита, который у православных обычно проходит со временем, а у русских мусульман обычно не проходит³⁸⁸.

Мы проходим сейчас кризис неофитства. Те, кто недавно поверил в Бога, считают, что оскорбление Бога приближается к оскорблению его самого³⁸⁹.

Однако, этот «диагноз» не поддается лечению. Он лишь фиксируется в качестве одного из важнейших элементов угрозы, к которому могут апеллировать уже рассмотренные нами эксперты.

Неофит не умнеет – он созревает. Настоящей точкой отсчета для него становится день, когда он все-таки разочаровывается в своих единоверцах³⁹⁰.

Стоит отметить, что схожее с «неофитами» семантическое поле характерно и для «мусульманских проповедников». Собственно, они и становятся причиной появления неофитов, «промывая мозги» и «призывая к джихаду».

Мусульманские женщины также представляют собой отдельную категорию в группе неофитов, о чем уже неоднократно упоминалось. Однако тема «женщины в исламе» представляется преимущественно через проблематику традиционной исламской одежды и ее жизни в браке. Что

³⁸⁶ Бабич Г. Правовверные без уммы // Независимая газета. 15.12.2010.

³⁸⁷ Мельников А., Мальцев В. Нет Пророка в чужом отечестве // Независимая газета. 01.12.2010.

³⁸⁸ Светлова Е. Ислам славянской национальности // Московский комсомолец. 08.02.2011.

³⁸⁹ «А теперь что — уголовное дело заведут, если женщина без платка войдет в церковь?» Политики и религиозные деятели оценили законопроект // Московский комсомолец. 27.09.2011.

³⁹⁰ Бабич Г. Правовверные без уммы.

касается никабов и хиджабов, то они с одной стороны представляются как угроза общественному спокойствию, а с другой как агрессивное подчеркивание своей инаковости, недопустимое в обществе, где мусульмане являются меньшинством.

- *Вы гуляли по улицам? Видели, сколько мусульманских платков? Я вот не ношу кокошник, потому что здесь свои порядки, свои законы.* [Слова эмигрантки из России в Швеции]»³⁹¹

«- *Но в никабах по Москве ходить нельзя! Вас на каждом шагу будет останавливать милиция для проверки документов! Вам будут угрожать люди на улицах! Могут и побить!* [Слова продавщицы в магазине исламской одежды. Пыталась отговорить журналисток «МК» от покупки никаба для «спецзадания редакции» по изучению реакций окружающих на девушек в никабах]»³⁹²

Кстати, в заголовке этой статьи никаб представляется как «облачение радикальных мусульманок», что также ориентирует читателя на соответствующее восприятие материала.

Интересно, что именно эта тема является одной из актуализирующих проблему ислама в Европе. В большинстве случаев речь идет о Франции, где в 2004 году был принят закон, запрещающий «символы или одежду, очевидно демонстрирующие религиозную принадлежность» в образовательных учреждениях. Несколько статей посвящено Швеции, причем именно эта страна представляется как одна из самых успешных в плане инкорпорирования мусульманского сообщества в шведское общество. Например, в РФ получило освещение акция «Крик хиджаба», когда после нападения на девушку в хиджабе, шведки решили поддержать мусульманок, сами одев хиджабы. По словам одной из участниц: «Конечно, ксенофобы могут избить одну женщину за ее веру, но они не могут избить нас всех. Вот

³⁹¹ Снегирев Ю. Странная толерантность // Российская газета. 28.05.2013.

³⁹² Не носили б вы, бабы, никабы... // Московский комсомолец. 11.02.2011.

почему я одела хиджаб»³⁹³. Наконец, хиджаб выступает в роли символа невозможности интеграции мусульман в европейское сообщество.

*Вот оно, светлое будущее европейского сообщества. Молодые мусульманские женщины, прожившие большую часть жизни в Голландии, подчас не способны элементарно объяснить, что им нужно, продавцам в магазинах. Словарный запас у них — на уровне Элочки-людоедки! Но хуже всего, что некоторые исламские традиции идут вразрез с законодательством страны, но и на это власти закрывают глаза*³⁹⁴.

Что же касается мусульманского брака, то здесь речь идет о российском контексте и в первую очередь о республиках Северного Кавказа. Однако это не некие этнографические и культурологические зарисовки, а иллюстрация жестокости по отношению к своим женам, незаконной полигамии боевиков или же опять же незаконные браки с несовершеннолетними девушками.

*Следственный комитет РФ по Кабардино-Балкарии потребовал запретить мусульманские браки с девушками, не достигшим 16-летия, поскольку это противоречит требованиям российского законодательства*³⁹⁵.

*...там же нашли тело жены Ташуева по фамилии Афаунова, с которой главарь боевиков не так давно заключил мусульманский брак, оставив первую супругу, с которой сочетался браком в загсе, а также труп супруги Кунова*³⁹⁶.

В данной главе нами было выделено три условные группы тех, кто, на наш взгляд, ассоциируется в публицистическом дискурсе с исламом и вносит значительный вклад в формирование негативного образа ислама. Первая категория, объединяющая группировки и движения, в первую очередь была призвана продемонстрировать масштаб того самого «молчаливого большинства». Как правило, речь идет о зарубежных государствах и их

³⁹³ Федакина А. Шведки надели платки // Российская газета. 21.08.2013.

³⁹⁴ Фитисова А. «Беженцы, берите, что дают»: в Голландии зреет бунт против мигрантов // Московский комсомолец. 28.10.2015.

³⁹⁵ Брежицкая Е. Мимо свадьбы // Российская газета. 14.11.2011.

³⁹⁶ Самедов Т., Сергеев Н. Ликвидации достигли Прогресса // Коммерсант. 30.04.2011.

сложный внутривполитический контекст нивелируется, сводя все к описанию очередной активности той или иной организации. Таким образом, это способствует формированию не только негативного образа ислама, но и закреплению стереотипа о «нестабильных государствах третьего мира». ИГИЛ мы умышленно вынесли в отдельную категорию, чтобы продемонстрировать, как чрезмерное внимание прессы к деятельности этой организации привело к изменению дискурсивного статуса, фактически превратив его в настоящее государство, несмотря на все отрицания данного факта. Наконец, третья категория сопряжена, прежде всего, с внутренней угрозой, исходящей от неофитов и мусульманских женщин. Первые, вместе с мусульманскими проповедниками представляют угрозу, так как ввиду своей психологической нестабильности близки к превращению в боевиков и террористов. Женщин же, как правило, связывают с их нежеланием адаптироваться к принимающему обществу, и маркером здесь выступает хиджаб.

Глава 6. Шаг за рамки газетного дискурса: влияют ли СМИ на другие типы дискурса?

По итогам проведенного исследования может сложиться впечатление, что рассмотренные выше схемы выстраивания негативного политического образа ислама используются только в рамках газетного дискурса. Нагнетание ситуации, акцент на конфликтных ситуациях и умышленное использование провокационных оборотов – все это по умолчанию свойственно журналистам для привлечения наибольшей аудитории. Однако уже на этапе работы с риторикой экспертов и представителей мусульманского сообщества, появилось предположение, что подобные схемы востребованы не только в газетном дискурсе, но и иных сегментах российского публичного пространства. В качестве доказательства данной тенденции в данной главе мы решили обратиться к двум типам дискурса. Во-первых, это *официальный дискурс об исламе*. Речь идет о дискурсе, транслируемом различными государственными органами и государственными деятелями.

Предметом исследования на данном этапе стали аналитические материалы Государственной Думы, а также стенограммы парламентских заседаний. На примере материалов некоторых экспертных центров, ряда публикаций в СМИ, а также результатов опроса общественного мнения продемонстрировано, во-первых, «перетекание» идеи «борьбы с исламом» из официального дискурса в медийный и установление его в качестве доминирующего типа дискурса, оказывающего решающее воздействие на всю политическую сферу.

Во-вторых, мы также обратимся и к *официальному исламскому дискурсу*. Взаимосвязь с официальной властной риторикой уже была частично продемонстрирована в пятой главе. Здесь же мы подробно рассмотрим документ, иллюстрирующий одну из попыток создания «бренда традиционного ислама» – «Социальная доктрина российских мусульман». Над созданием текста работали ведущие представители мусульманской общины России. В ходе анализа данного текста будут выявлены схожие с

медийным дискурсом стратегии выстраивания образа «правильного традиционного ислама».

§6.1. Официальный дискурс об исламе: некоторые тенденции

Если на Западе точкой невозврата в восприятии ислама является теракт 11 сентября 2001 года, что подтверждается многочисленными исследованиями³⁹⁷, то Россия оказалась в меньшей степени подвержена влиянию данного фактора. Гораздо более существенное влияние оказали события «второй чеченской войны» и опосредованно распад Советского Союза. В начале 2000-х активизировалась риторика о ведущей роли «внешнего фактора» в происходящих на Кавказе событиях. Стоит отметить, что доминирующий образ врага несколько раз изменялся с тех пор.

Первым его вариантом была *угроза «экспорта ваххабизма»*. В информационных материалах 2001 года говорится, что «после декабря 1994 г. Россия фактически впервые открыто столкнулась с террористическими действиями влиятельных сил, связанных с исламским миром»³⁹⁸. Там же говорится об активизации мусульманских стран в вопросе финансирования различных организаций российских мусульман. Врагом номер один была объявлена Саудовская Аравия, а именно: отдел диппредставительства по делам ислама, Всемирная исламская лига и Министерство по делам ислама, многочисленные благотворительные фонды, их союзники в лице Кувейта, Объединенных Арабских эмиратов, Пакистана, служба общей разведки, а также Всемирная ассамблея исламской молодежи, занимающаяся вербовкой молодежи по всему миру. Второй по значимости внешней угрозой являлась деятельность «Ихван аль-Муслимун». Отмечается, что основной целью данной организации в отличие от саудовской активности был не Северный Кавказ, а республики Центральной Азии. При описании деятельности всех

³⁹⁷См. например: Jackson, L. (2010) “Images of Islam in US Media and their Educational Implications”, *Educational Studies* 46: 3–24; Eroukhanoff, C. (2015) “The remote securitisation of Islam in the US post-9/11: euphemisation, metaphors and the “logic of expected consequences” in counter-radicalisation discourse”, *Critical Studies on Terrorism* 8(2); 246–265

Ogan, C., Willnat, L., Pennington, R., Bashir, M. (2014) “The rise of anti-Muslim prejudice: Media and Islamophobia in Europe and the United States”, *The International Communication Gazette* 76(1): 27–46.

³⁹⁸ Аналитический вестник Терроризм в современном мире: некоторые факты, организации, причины (часть II). 2001. Вып. 38. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4606/16223>.

этих многочисленных акторов используется исключительно военная терминология: «плацдарм ассоциации», «агентура», «вербовали обучавшихся». В итоге делается вывод об «осуществлении грандиозного плана, направленного против России».

Интересно, что в тот момент в связях с внешними силами обвинялись все представители мусульманского сообщества и не только. «С начала 90-х годов северо-кавказские националисты, суфии и местные фундаменталисты начали получать финансовую поддержку из мусульманских стран, а также от международных исламистских организаций и вайнахской диаспоры»³⁹⁹. Разделение на традиционный и ваххабитский ислам, если и делалось, то делался акцент на нефункциональности такого подхода. «Победить фундаменталистский ислам, можно только опираясь на силы гуманистического ислама. В то же время миротворческий потенциал религии ограничен. ... Ислам как политическое средство достижения межэтнического согласия продемонстрировал свою ограниченность»⁴⁰⁰.

Стоит отметить, что потенциал «угрозы ваххабизма» сохраняется и по сей день. Однако, если в начале 2000-х употребление термина «ваххабизм» было еще как-то оправдано социально-политическими реалиями, когда на территории Северного Кавказа распространялся «экспортный вариант» этой идеологии, то с течением времени термин стал использоваться по инерции, а всех боевиков стали называть и называют до сих пор «ваххабитами». Ваххабизм – это религиозно-политическое учение в исламе XVIII века, связанное с именем Мухаммада Ибн ‘Абд ал-Ваххаба ат-Тамими. Не вдаваясь в идейные особенности этого учения⁴⁰¹, надо отметить важнейший момент: в своем изначальном варианте оно было в основе формирования саудовского государства и по сей день, пусть и в измененной форме, остается государственной идеологией Саудовской Аравии. Таким образом, употребление данного термина в отношении происходящего на Северном

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Аналитический вестник Проблемы законодательного обеспечения региональной безопасности на Северном Кавказе. 2000. Вып. 28. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4612/16255>.

⁴⁰¹ Подробнее см.: Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 — 1973). М.: Наука, 1982.

Кавказе не совсем корректно. Как называть деятельность радикальных группировок политического ислама – предмет отдельного рассмотрения. Однако, элемент «ваххабитской угрозы», несмотря на его неоднозначность, укоренился в современном российском дискурсе об исламе.

Идеи о внешнем характере угрозы легли в основу убеждения в том, что, во-первых, *имманентной чертой деятельности определенных мусульманских организаций является их зависимость от внешних источников финансирования*, что автоматически делает их врагами России, во-вторых, *ислам ассоциируется с терроризмом*, в-третьих, *решение данной проблемы возможно лишь насильственными методами*. В начале 2000-х на фоне открытых боевых действий с «ичкерийскими сепаратистами», а с 2007 года с исламистами из «Имарата Кавказ» эти идеи пользовались большой популярностью. Однако они не потеряли своей популярности и после 2009 года, когда официально была завершена контртеррористическая операция. В условиях постоянных сообщений из северокавказских регионов о нападениях на представителей силовых ведомств, сохраняется образ угрозы, которая для многих по-прежнему так и остается инспирированной внешними факторами.

Все это находит свое отражение в современной политике. Например, в Концепции противодействия терроризму, документе, закладывающем основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму, список внешних факторов, «способствующих возникновению и распространению терроризма», почти в два раза больше внутренних и включает в себя тезисы, связанные с финансированием со стороны международных террористических организаций, стремлением «ряда иностранных государств, в том числе в рамках осуществления антитеррористической деятельности, ослабить Российскую Федерацию и ее позицию в мире», наличием очагов нестабильности вдоль границ, а также лагерей боевиков в других государствах и т.д.⁴⁰² В Концепции уточняется,

⁴⁰² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 5 октября 2009 года // Российская газета. 20 октября 2009.

что процесс противодействия терроризму включает в себя три компонента: предупреждение, собственно борьба и ликвидация последствий. В разделе, посвященном описанию мер по предупреждению террористической деятельности, уделяется внимание тому, что принято называть «социально-гуманитарное противодействие терроризму», а именно описываются политические, социальные информационные и культурно-образовательные меры противодействия. Концепция была принята в 2009 году. Поправки в Федеральный Закон о противодействии терроризму с учетом блока, посвященного предупреждению террористической деятельности, внесены не были. Большая часть Закона посвящена различным аспектам участия Вооруженных сил в контртеррористической операции⁴⁰³. К сожалению, анализируя официальный дискурс об исламе, мы вынуждены обращаться к примерам из нормативно-правовой базы по вопросам противодействия терроризма, что также «симптоматично» для текущей ситуации.

В начале 2000-х актуализируется и другой вариант внешней угрозы – «либеральный Запад». «Либеральная политика Запада, прежде всего, таких стран как Франция, Германия, Англия и США, позволила экстремистам из стран Ближнего Востока создать здесь благоприятные условия для своей деятельности, расширения своего влияния»⁴⁰⁴. Кроме того, обвиняется также и либеральный подход в политике как таковой. «Либеральная образовательная политика, принятая в арабских государствах, позволяла молодежи из неимущих слоев населения, получать образование в колледжах и университетах, находившихся под влиянием наиболее консервативных идеологов. В результате они были легко привлечены в орбиту экстремистских движений»⁴⁰⁵.

Несколько иначе представлена эта проблема в думских выступлениях В.В. Жириновского. Стоит отметить, что ввиду своего востоковедного образования, он довольно часто обращается к примерам из политики

⁴⁰³ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ "О противодействии терроризму".

⁴⁰⁴ Аналитический вестник Терроризм в современном мире: некоторые факты, организации, причины (часть I). 2001. Вып. 38. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4607/16229>.

⁴⁰⁵ Там же.

исламского мира. Он отстаивает идею о том, что мусульманский мир стал жертвой западной агрессии⁴⁰⁶. «Вот что творит Америка на наших глазах - и издевается над исламским миром в целом, и над Ираком в частности, с которым у нас был договор о дружбе, там работали наши рабочие, и были тишина и покой в этой стране»⁴⁰⁷. В.В. Жириновский видит в странах мусульманского мира стратегических партнеров России, которые сейчас подвергаются негативному воздействию со стороны западных стран. Это также укрепляет представление о вражеской природе Запада, хотя и по другой причине.

Другие варианты внешней угрозы связаны с активной деятельностью на территории России ряда конкретных международных радикальных неправительственных организаций. Одной из таких внешних угроз является «Хизб Ат-Тахрир аль-Ислами». Решением Верховного суда России она признана террористической в 2003 году. Описание основных форм деятельности, помимо прочего, опять же включало в себя намек на внешний фактор: «воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего пропагандистская с мощным финансовым подкреплением)»⁴⁰⁸. Данное решение вызвало целый ряд критических замечаний. Основные аргументы сводились к тому, что, во-первых, «Хизб Ат-Тахрир» является действительно радикальной организацией, но она не использует насильственных методов в достижении своих целей⁴⁰⁹. Во-вторых, активная борьба⁴¹⁰, развернувшаяся как раз после признания ее террористической организацией, ведется не только против ее членов, но и против мусульман, не имеющих отношения к

⁴⁰⁶ Стенограмма заседания 11 октября 2001 г. // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1865/>.

⁴⁰⁷ Стенограмма заседания 20 марта 2009 г., N 81 (1054) // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/372/>.

⁴⁰⁸ Решение ВС РФ о признании террористическими ряда иностранных организаций // Religare.ru. 24 июня 2003. URL: http://www.religare.ru/2_5347.html.

⁴⁰⁹ Малашенко: Москве нужно остерегаться провокаций в Крыму // IslamNews. 10 сентября 2014. URL: <http://www.islamnews.ru/news-432444.html>.

⁴¹⁰ Подробнее см.: Малашенко А., Старостин А. Ислам на современном Урале // Московский центр Карнеги. Апрель 2015. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Malashenko_Ural_web_Rus1.pdf.

радикальной деятельности. Громче всех против «оправдания репрессий», «фабрикации уголовных дел и пыток» выступили различные правозащитные организации, а именно: Правозащитный Центр «Мемориал», Комитет «Гражданское содействие» и Институт прав человека⁴¹¹. Также активную позицию занимает исследовательский центр «СОВА». Специалисты Центра анализируют правовую составляющую действий государства по отношению к «Хизб Ат-Тахрир». А. Верховский говорит, что он не является ни «исламоведом», ни «знатоком истории», но лишь анализирует правоприменительную практику. Основная критика заключается в том, что члены этой организации осуждают на разные сроки просто потому, что они «аффилированы» с ней: «...суды не рассматривают экстремистскую и террористическую сущность деятельности Хизба по существу, ссылаясь только на решение Верховного суда», в котором отсутствует мотивировочная часть⁴¹². Кроме того, он также подчеркивает, что «маловероятно, что российские группы Хизба хотя бы готовятся к насильственной деятельности (если кто-то к ней и готовился, то крайне неудачно)»⁴¹³.

Однако в российском публичном дискурсе правозащитные и им сочувствующие организации известны как адепты идей все того же «враждебного либерального Запада», «пятая колонна», а в свете новых законодательных инициатив, еще и как «иностранные агенты». В то время, как образ «Хизб Ат-Тахрир» как источник террористической опасности извне распространяется гораздо эффективнее, чем как жертва российского политического режима. Одним из медийных лиц, кто часто акцентирует внимание на угрозе национальной безопасности со стороны «Хизб Ат-Тахрир», является С.А. Багдасаров. Прослуживший в Таджикистане во время гражданской войны 1994-1996 годов, затем он начал политическую карьеру, работал в Министерстве по делам СНГ. В 2007 году был избран депутатом

⁴¹¹ Пономарев В. Спецслужбы против исламской партии "Хизбут-Тахрир" // Информационно-аналитический центр «Сова». 8 февраля 2005. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2005/02/d3504/>.

⁴¹² Верховский А. Является ли Хизбут-Тахрир экстремистской организацией? // Информационно-аналитический центр «Сова». Октябрь 2005. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2005/10/d6036>.

⁴¹³ Там же.

Государственной Думы (5-ого созыва) от партии «Справедливая Россия». В своих выступлениях он неоднократно обращался к теме исламского фундаментализма. Сейчас позиционирует себя как эксперт по текущей ситуации на Ближнем Востоке⁴¹⁴. С.А. Багдасаров убежден, что безвизовая зона с «сомнительными союзниками по Договору о коллективной безопасности» и выходцы из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана представляют основную угрозу России, так как именно благодаря им в России появилась «Хизб Ат-Тахрир», а также «Исламская партия Туркестана»⁴¹⁵. Кроме того, они также связаны и с глобальным джихадом, создание которого явилось результатом «серьезной реформы», произошедшей в мире радикального ислама⁴¹⁶. Кроме того, он также подчеркивает эффективность идеологической деятельности «Хизб Ат-Тахрир», в связи с чем необходимо «разворачивать идеологическую борьбу»⁴¹⁷.

Чуть меньше внимания уделяется другой организации – «*Такфир валь Хиджра*». Появление этой организации, также как идеологии ваххабизма, изначально являлось сугубо локальным явлением. Она появилась в начале 1970-х годов на волне дискуссии внутри египетской организации «Братьев-мусульман» о возможности применения насилия в отношении правящего режима. Поддержавшие эту идею вышли из состава «Братьев-мусульман» и создали отдельную организацию «Такфир валь-Хиджра». Применение насилия легитимируется обвинением в неверии других мусульманских общин. Нет данных о наличии институционализированной международной сети этой организации, какая есть, например, у «Хизб Ат-Тахрир» или «Аль-Каиды», в целом информации о деятельности данной организации гораздо меньше, из чего можно предположить несистематичность действий членов этой организации. Ее деятельность была запрещена на территории России

⁴¹⁴Багдасаров Семен Аркадьевич. URL: <http://sabagdasarov.ru/news/>.

⁴¹⁵Стенограмма заседания 03 декабря 2008 г., N 58 (1031) // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/441/>.

⁴¹⁶Там же.

⁴¹⁷Стенограмма заседания 06 ноября 2009 г., N 121 (1094) // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/252/>.

решением Верховного Суда от 15 сентября 2010 года. Тогда же началась новая волна арестов⁴¹⁸ и критика правозащитников в адрес правоохранительных органов по поводу безосновательных обвинений, так же, как и в случае с «Хизб Ат-Тахрир»⁴¹⁹.

Дискредитация отдельных мусульманских политических организаций приводит к появлению идеи о недопустимости легитимации партий, использующих исламскую риторику – вне зависимости от того, радикальные они или нет. Несмотря на то, что в Государственной Думе даже высказывалось мнение в поддержку создания таких партий, наиболее распространена точка зрения о строгом запрете подобных действий. Депутат А.В. Чуев (фракция «Родина») на одном из заседаний Государственной Думы 4-ого созыва во время обсуждения Закона «О политических партиях» высказал идею о том, что существуют «исламско-демократические идеологии», которые могут не противоречить закону, но создание партий с такой идеологией будет противоречить Конституции. В результате граждане вынуждены голосовать не за партию, которая отражает их взгляды, а за иную партию. Эта идея не нашла поддержки в депутатском корпусе⁴²⁰. Превалирует противоположная точка зрения: «...даже самое незначительное признание экстремистов дает им политическую идентичность и усиливает их влияние среди масс. Отказ от этой практики снизит эффективность их деятельности. Как показывает история, помощь правительства и его признание экстремистов в качестве субъектов права влияет на рост их популярности в обществе. Однако со временем они начинают работать против официальных структур, которые прямо или косвенно содействовали их формированию и деятельности⁴²¹». Иными словами, речь идет об опасности появления нового популярного актора политического процесса и

⁴¹⁸ Движение "Ат-Такфирваль-Хиджра" // РИА Новости. 27 ноября 2013. URL: <http://ria.ru/spravka/20131127/980038286.html>.

⁴¹⁹ Джемаль: принадлежность задержанных в Москве уроженцев Северного Кавказа к "Ат-Такфирваль-Хиджра" сомнительна // Кавказский Узел. 29 ноября 2013. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/234286/>.

⁴²⁰ Подробнее см.: Стенограмма заседания 08 ноября 2006 г., N 191(905) // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/816/>.

⁴²¹ Аналитический вестник Терроризм в современном мире: некоторые факты, организации, причины (часть I)...

изменения расклада политических сил. Несмотря на то, что это отрывок из материала 2001 года, он не потерял актуальности и по сей день. Деятельность радикальных организаций политического ислама по-прежнему рассматривается в ключе дестабилизации обстановки в ряде регионов России. Не последнюю роль играет также и фактор их внешнего финансирования. Именно по этой причине на уже упомянутом заседании Государственной Думы В.В. Жириновский, полемизируя с А.В. Чуевым, не допускает создания исламских партий. «Они не только смогут лучше провести избирательную кампанию, но и ещё заплатят избирателям, которые проголосуют именно за них. Православные избиратели будут голосовать за них, потому что у Саудовской Аравии огромное количество денег»⁴²². Стоит отметить, что тема политического участия мусульман не только не является центральной в публичных дискуссиях, но и в какой-то степени табуирована. В то время как на Западе набирает популярность концепция так называемого «политического салафизма»⁴²³, когда включение радикальных элементов в политику рассматривается как один из вариантов снижения социальной напряженности и опасности экстремистской деятельности. Российское государство не может позволить себе «пойти на уступки» тому, кого само объявило врагом. В то же время поддерживаемый масштаб угрозы противоречит постоянным сообщениям об эффективной деятельности спецслужб по борьбе с «террористическим бандподпольем»⁴²⁴. Однако, декриминализация деятельности радикальных исламских организаций не рассматривается в качестве альтернативы силовому противодействию.

Как показывают социологические исследования, применение силы в принципе представляется населению как наиболее эффективный способ решения многих проблем. Так, согласно недавнему крупному исследованию

⁴²²Стенограмма заседания 08 ноября 2006 г., N 191(905)...

⁴²³См. например: al-Anani K., Malik M. Pious way to politics: the rise of political Salafism in post-Mubarak Egypt // Digest of Middle East Studies. 2013. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 57–73.

⁴²⁴См. например: Почти 100 боевиков ликвидированы в Дагестане в 2015 году // РИА Новости. 30 января 2016. URL: <http://ria.ru/incidents/20160130/1367469302.html>; ФСБ: в 2014 году ликвидированы 130 боевиков и предотвращены шесть терактов // Газета.ру. 10 июня 2014. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2014/06/10/n_6219949.shtml; За 2013 год в России ликвидировано более 250 боевиков // ТАСС. 28 апреля 2014. <http://tass.ru/politika/1153362>.

о восприятии войны и террора, проведенному Левада-Центром, граждане воспринимают военные операции как «необходимые и самоценные»⁴²⁵. «Военные операции, проводимые Россией, являются а) справедливыми, б) оборонительными, в) победоносными и триумфальными, г) превентивными». Такая мобилизационная стратегия используется властями для обеспечения поддержки существующего политического режима. Что же касается проблематики ислама, то здесь в качестве иллюстрации можно привести результаты соцопроса, проведенного тем же исследовательским центром, об оценке событий, связанных с терактом в редакции издания Шарли Эбдо⁴²⁶. Почти 75% опрошенных выступили за ужесточение политики в отношении мигрантов, более активную борьбу с «Аль-Каидой» и более жесткий контроль за мусульманской общиной во Франции, в то время как за ассимиляцию мусульман и расширение их прав выступили лишь 12% респондентов. Возможно, что такая «жесткая» позиция связана с соответствующей формулировкой вариантов ответа, не предполагающей иных альтернатив.

Представление о том, что весь ислам исключительно враждебен по отношению к российскому политическому режиму, постепенно меняется, когда на смену ей приходит другая дискурсивная модель. Появляется разделение ислама на «хороший» и «плохой»: традиционный и радикальный. Если категория «радикального ислама» в целом понятна – этим термином описываются различные нелегальные организации радикального политического ислама, то с традиционным исламом все не так просто. Сложно определить точную дату, когда это произошло. Эти категории начинают фигурировать в медийной среде с 2003-2004 года, и уже к 2009-2010 годам прочно входят как в научный и околонучный дискурс, так и в стереотипы широких масс населения.

⁴²⁵ Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян // Левада-центр. 23 марта 2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/23/hotyat-li-russkie-vojny-vojna-i-terror-v-vospriyatii-rossiyan/>.

⁴²⁶ Теракт в Париже: карикатуры, ислам, запреты // Левада-центр. 29 января 2015. URL: <http://www.levada.ru/2015/01/29/terakt-v-parizhe-karikatury-islam-zaprety/>.

Концепт «радикального ислама» емко описан в одном из очередных аналитических материалов Государственной Думы – там он называется «исламским экстремизмом»⁴²⁷. По мнению авторов, объединяющим моментом для всех «исламских экстремистов» являются цели, которые они ставят перед собой, а именно: установление в обществе основ исламского теократического государства, введение в общественную практику норм шариата и восстановление халифата. Кроме того, приводится исторический эпизод появления хариджитов⁴²⁸ в качестве примера зарождения экстремизма в лоне ислама. Говорится о том, что «хариджитская доктрина в последующие годы была подхвачена многими экстремистскими и анархистскими группами в мусульманских странах и активно используется в настоящее время». Также ключевой особенностью радикального ислама является восприятие его в качестве проблемы, требующей исключительно силового решения.

Что же касается традиционного ислама, то этот конструкт используется как для описания религиозно-политической ситуации в ряде российских регионов, так и в общефедеральном контексте. Важным моментом здесь является то, что во всех случаях – явно или неявно – традиционный ислам противопоставляется радикальному. Зачастую «традиционность» распространяется на весь российский ислам. И тогда этот «мирный» ислам, во-первых, наделяется характеристиками цивилизации, несущей в себе некий пласт традиций, которые успешно инкорпорируются (или должны инкорпорироваться) в российскую социокультурную действительность, а, во-вторых, описывается как региональный политический актор, способный урегулировать потенциальные конфликты. Иногда противостояние «радикального и традиционного» не выходит за рамки академической дискуссии⁴²⁹ (хотя и эффективность такой упрощенной концептуальной модели может вызывать вопросы). Однако иногда оно используется как

⁴²⁷ Аналитический вестник Терроризм в современном мире: некоторые факты, организации, причины (часть D)...

⁴²⁸ Группа мусульман, отделившаяся от основной группы, во время Сиффинской битвы 657 года в период первой фитны.

⁴²⁹ Мы говорили об этом в первом параграфе третьей главы.

агрессивная дискурсивная стратегия, позволяющая провести четкую границу между вражеским «радикальным исламом» и находящимся под угрозой «традиционным исламом».

Пример использования данной дихотомии, а также доведения ее до крайности, когда угроза со стороны радикальных исламских организаций фактически экстраполируется на всех российских мусульман, характерна для близкого к политическому истеблишменту экспертного сообщества. Их риторика подробно уже была рассмотрена в предыдущей главе.

§6.2. «Социальная доктрина российских мусульман»: манифест лояльности «традиционного ислама» российскому государству

Подавляющее число общественных дискуссий лежит в плоскости обсуждения проблем радикального ислама. Чем же отвечает «традиционный ислам»? Проводится множество мероприятий под девизами гуманитарного противодействия терроризму⁴³⁰, нацеленных на создание положительного образа ислама⁴³¹. Однако, зачастую они остаются на периферии и не находят отклика и поддержки у правящих кругов. Большинство инициатив мусульманского сообщества либо остаются на бумаге, либо носят декларативный характер. Ярким примером здесь является работа мусульманского сообщества России над его «Социальной доктриной российских мусульман». Первый вариант этого документа был разработан и опубликован Советом муфтиев России еще в 2001 году⁴³². По словам разработчиков, «процессы структуризации в самом мусульманском сообществе, перемены в общественной жизни страны, характерные для того времени, потребовали от руководителей исламской общины взвешенного

⁴³⁰См. например: Противостоять экстремизму через распространение идеи «золотой середины» // Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 19 июля 2016. URL:<http://www.dumrf.ru/common/event/11036>; Комитет по безопасности СМР провел круглый стол // Мусульмане России. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации. 18 июля 2016. URL: <http://www.dumrf.ru/common/event/11035>.

⁴³¹ Например многочисленные проекты Московского ДУМ, посвященные поддержке ветеранов, помощи детям в детских домах, донорские акции. Подробнее см.: <http://mosdum.ru/>

⁴³² "Социальная доктрина российских мусульман" призывает верующих приносить пользу обществу // ТАСС. 27 мая 2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1999282>.

подхода»⁴³³. Однако дискуссия актуализировалась только в 2014-2015 годах ввиду нескольких факторов. Во-первых, требовалось адаптировать документ в связи с изменившимися реалиями. Появился «бренд хорошего традиционного ислама», который нуждался в поддержке со стороны мусульманского сообщества. Во-вторых, разработка данного документа позволила лидерам мусульманского сообщества сымитировать единство по базовым принципам, изложенным в данном концептуальном документе. 14 июня 2015 года была подписана «Социальная доктрина российских мусульман». Несмотря на многолетние конфликты⁴³⁴, документ подписали председатель ЦДУМ Талгат Таджутдин, председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердыев, а также председатели Духовных управлений мусульман России и Татарстана Равиль Гайнутдин и Камиль Самигуллин⁴³⁵.

Красной нитью через весь документ⁴³⁶ проходит идея о терпимости ислама к идеологическому многообразию, другим религиозным направлениям и прочее. Говорится о гуманистической природе ислама. Позитивный образ ислама создается за счет описания вклада отдельных ученых-мусульман (Шихабетдин Марджани, Галимджан Баруди, Ризаэддин Фахреддин, Муса Бигиев, Исмаил Гаспринский) в развитие науки, образования и культуры в России.

Большой блок посвящен любви к Родине, патриотизму и гражданских обязанностях мусульман. Интересно, как политические категории легитимируются в религиозном дискурсе. Механизм схож для большинства категорий: сначала приводится определение того или иного политического

⁴³³ Аббясов Р.Р. Информированность мусульман о концептуальном документе «Основные положения социальной программы российских мусульман» // Теория и практика общественного развития. 2015. № 23. С. 21–24.

⁴³⁴ Подробнее см.: Сызранов А.В. Раскол Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМС) и образование региональных муфтиатов в постсоветской России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. №4. С. 13–17; Тульский М. Раскол в руководстве российских мусульман: 1994–2004 годы // Россия и мусульманский мир. С. 24–39.

⁴³⁵ Принята «Социальная доктрина российских мусульман» // Коммерсант. 14 июня 2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2746763>.

⁴³⁶ Социальная доктрина российских мусульман // Совет муфтиев России. URL: <http://www.muslim.ru/actual/13636/>.

понятия, затем подбирается аналог из религиозного или исторического контекста. Тем самым демонстрируется с одной стороны восприимчивость ислама к категориям иного дискурса, с другой стороны близость исламской и российской традиций политической философии. Например, «что касается термина «патриотизм», то он применяется в тех случаях, когда приоритет отдается идее, связывающей и объединяющей всех граждан.» Далее близость идеи патриотизма для мусульманского сообщества «объясняется» ссылкой на Мединскую Конституцию, которая «предполагает, наряду с общностью в религии, общность в гражданстве и значимость проживания на одной общей родине.» Со ссылкой на «слова Всевышнего» объясняется категория гражданских прав и обязанностей.

Стоит отметить, что отдельные разделы доктрины представляют собой своеобразный ответ на трудности, с которыми сталкивается мусульманская община в России. Так пятый раздел «Отношение ислама к крайностям и радикализму» включает в себя последовательную аргументацию по поводу основных категорий, которыми оперируют их оппоненты – представители радикального политического ислама, хотя в доктрине они так не называются. Так, в ответ на искажения и неверные трактовки подробно рассматривается понятие джихада. «Величайшая задача наших алимов, имамов, проповедников – представить молодому поколению мусульман ясную и полную картину джихада». Объясняется смысл «такфира», подчеркивается исключительный характер подобного действия. Последний блок этого раздела нацелен на разоблачение тезиса о разделении мира на «территорию войны» и «территорию мира». В противовес войне приоритет должен быть отдан мирному распространению ислама посредством различных средств массовой информации.

Поднимается также проблема «предвзятого подхода в освещении вопросов вероисповедания». Указывается на необходимость строгого следования профессиональной этике журналистов, отказа от оценочных суждений, формирующих ложное представление об исламе. Этой проблеме

посвящен небольшой параграф, однако, важно, что она вообще попала в повестку дня.

Наконец, важно подчеркнуть, что авторы Доктрины также частично восприняли устоявшуюся дихотомию «радикальный-традиционный». Частично потому, что в документе почти не используется термин «радикальный» (2 раза), в то время как различные формы «традиционного» встречаются гораздо чаще (29 раз). Первое, что обращает на себя внимание, этот тот факт, что авторы Доктрины признают себя в качестве представителей традиционного ислама. Причем делается это в довольно эмоциональной форме. «Традиционный ислам в России – это и есть подлинный ислам применительно к условиям и традициям нашей страны. Эта новая идентичность и интеграция, воспитавшая в мусульманах естественный общероссийский патриотизм, позволяет мусульманской общине России снимать многие угрозы, которые имеют место в других немусульманских странах вследствие различий в понимании традиций и культур.» Остальные употребления категории «традиции» относятся преимущественно к позитивной роли традиций в становлении современном существовании мусульманской общины в России: «российские мусульмане направляют свои усилия на укрепление традиционных семейных ценностей», «для мусульман России культурные традиции являются источником их национально-религиозного самосознания», «представители народов мусульманской традиции стояли бок о бок рядом с русскими и проливали свою кровь за Россию».

В целом этот документ представляет собой своеобразный манифест лояльности «хорошего ислама» российскому государству, что, фактически, и является сущностной характеристикой традиционного ислама: он декларирует гуманистические ценности и устанавливает патриотизм в качестве одного из главных ценностных приоритетов. Однако, основная проблема, о чем уже говорилось выше, заключается в чрезвычайно низкой информированности российского общества о подобной инициативе.

Согласно проведенному опросу представителями Совета муфтиев России, 84,1% заявили, что ничего не слышали о первом варианте социальной программы российских мусульман и, следовательно, больше половины затруднились ответить на вопрос о необходимости модернизации этого документа⁴³⁷.

В данной главе рассмотрены лишь некоторые источники исламского официального дискурса и официального дискурса об исламе, однако даже на основе их анализа складывается общее понимание ситуации. Официальный политический дискурс об исламе наполнен алармистской риторикой. Под воздействием ряда внешних факторов ислам радикализируется и превращается в угрозу национальной безопасности страны. Такая точка зрения сложилась во время «второй чеченской войны», однако с ее завершением ситуация не поменялась. Силовое разрешение возникающих конфликтов остается единственно возможным и максимально эффективным в представлениях представителей правящих кругов и близкого к ним экспертного сообщества. В то время как большинство социально-гуманитарных инициатив, в том числе идущих со стороны мусульманского сообщества остаются на периферии публичного пространства. Продвигаемый «бренд традиционного ислама» активно используется для противопоставления радикальному исламу, но он не выходит за рамки этого противопоставления, предлагая какое-либо новое решение проблемы. Представители официального мусульманского сообщества замкнуты на копировании официальной риторики государственных деятелей в богословском преломлении, что позволяет им демонстрировать свою лояльность властям.

⁴³⁷ Аббясов Р.Р. Информированность мусульман о концептуальном документе... С. 22.

Заключение

В рамках данной работы был проанализирован газетный политический дискурс об исламе с использованием методологии корпусной лингвистики. В ходе исследования удалось подробно проанализировать политический образ ислама в российских печатных СМИ, а также определить основные черты исламофобии, присутствующей в данном дискурсе.

В обзоре литературы были рассмотрены не только работы, непосредственно связанные с проблематикой данного исследования – методологически или предметно, но и была предпринята попытка проанализировать текущее состояние структуры знания об исламе, чтобы понять, почему вообще исследования, посвященные рассмотрению ислама в «проблемном» ключе, востребованы на сегодняшний день. Основная причина состоит в господстве ориенталистской парадигмы в подавляющем числе работ, посвященных исламу и мусульманам. А навязываемый текущим трендом поиск критериев для разделения ислам на «правильный и неправильный» во многом обуславливает и некоторые содержательные моменты, выявленные в ходе анализа газетного дискурса.

Проанализировав большой объем эмпирического материала, нам удалось выявить основные дискурсивные стратегии выстраивания негативного политического образа ислама. Одной из самых часто используемых, и фактически ставшей рамочной для всех остальных стратегий, является стратегия выстраивания дихотомии «свой-чужой» на примере противопоставления радикального и традиционного ислама. Другие прилагательные, выступающие атрибутами ислама, также поляризуются вокруг указанных категорий. Следующая стратегия отражает унификацию в восприятии мусульманской общины. Это было продемонстрировано на примере анализа невнимания к различиям многочисленных направлений в исламе, а также к специфическому употреблению числительных в описании действий мусульман. Третья стратегия заключается в криминализации нейтральных коннотаций ряда лексем, связанных с исламом (например,

«мусульманская литература» или «мусульманский праздник»). Неверная интерпретация мусульманских терминов также способствует стигматизации в восприятии ислама. Наконец, употребление модальных глаголов, являющихся коллокациями слов, связанных с исламом, также вносит вклад в формирование негативного образа ислама. Подробное рассмотрение различных моделей лексической сочетаемости слов, связанных с исламской тематикой, а также их контекстуальный анализ позволили лучше понять механизмы появления исламофобских настроений и закрепления их на уровне стереотипов.

Выявленные дискурсивные стратегии поставили вопрос о содержательном наполнении понятия исламофобия в дискурсе российских газет. Подробно рассмотрев контексты употребления основных элементов дискурса об исламе – «радикальный ислам» и «традиционный ислам», мы обнаружили целый ряд дискурсивных полей, в которые они входят. Так, радикальный ислам выступает лишь маркером для идентификации тех или иных сил, а также элементом таких дискурсивных полей, как мигрантофобия, европейская политика, не составляя собственного предметного поля. Традиционный ислам находится в таком же состоянии, представляя лишь реакцию на все тот же размытый по содержанию радикальный ислам. Таким образом, исламофобия является не цельной идеологией, а лишь набором артикуляций. Негативный образ ислама является лишь отдельным элементом различных дискурсивных полей (например, дискурса мигрантофобии или антиамериканизма).

Своего рода «выгодополучателями» использования негативного образа ислама являются представители экспертного сообщества, способствующие секьюритизации «исламской проблемы». В результате анализа дискурса наиболее востребованных экспертов, привлекаемых СМИ, были выявлены основные идеи, к которым они обращаются, представляя ислам в качестве угрозы: необходимость радикальных мер противодействия любым угрозам национальной безопасности, неопиты как основной источник угрозы со

стороны ислама и обращение к риторике традиционных ценностей для противостояния все той же угрозе радикального ислама. И даже если эксперт воздерживается от каких-либо алармистских высказываний, он все равно оказывается «заложником» дискуссии исключительно о радикальном исламе.

Другими «бенефициаром» являются представители официального мусульманского духовенства, которые используют данную проблему для собственной легитимации и демонстрации лояльности властям. Выстраивая дискурс вокруг нескольких узловых моментов: духовности, единства на основе евразийства и противостояния западным ценностям, – они обращаются к этой схеме для заявления своей позиции фактически по любому вопросу.

Наконец, нами была предпринята попытка определить, кто же именно воспринимается среди мусульман в качестве врага. Наиболее крупной оказалась категория, связанная с различными политическими группировками. Отдельный анализ репрезентации организации ИГИЛ дал возможность продемонстрировать стратегию превращения террористической организации в самостоятельного актора международных отношений. Третья категория «наиболее опасных мусульман» включила в себя неофитов и мусульманских женщин. На примере этой группы было продемонстрировано использование концептуальной метафоры «ИСЛАМ – ЭТО БОЛЕЗНЬ» в формировании негативного образа ислама.

Гомогенное восприятие ислама, о чем предупреждал Т. Асад, также контрпродуктивно, как и гомогенное восприятие исламофобии: как в практическом, так и в теоретическом смыслах. И в том, и в другом случае это приводит к значительному упрощению проблемы. В то время как анализ языковых стратегий дискурса исламофобии хорошо показывает его неоднородность и, следовательно, комплексный характер затрагиваемых проблем. При кажущейся тривиальности, на самом деле решается непростая задача. Подавляющее число исследовательских работ, посвященных проблемам исламофобии, упрощают ее до своего рода «диагноза», называя ее

трансформировавшейся формой ориентализма, разновидностью расизма или имманентной чертой современных правых идеологий в Европе. Лишь единицы обращают внимание на то, что гораздо более продуктивно рассматривать исламофобию, например, как набор артикуляций, когда она становится атрибутом того или иного типа дискурса, адаптируясь к специфике коммуникационного пространства. Таким образом, каждая из разобранных нами языковых стратегий является одним из этих «проявлений» исламофобии.

Использование инструментария корпусной лингвистики позволило выявить целый спектр стратегий, используемых для выстраивания негативного политического образа ислама. Однако необходимо учитывать, как минимум, два важнейших ограничения данного инструмента.

Во-первых, это определенная слабость статистического метода, лежащая в основе выявления коллокаций, которые выступили основным элементом нашего анализа. Как на основе совместной встречаемости определенных слов может быть сделан общий вывод относительно наличия доминирующего дискурса? Ведь часто высокий уровень совместной встречаемости показывает лишь грамматическую связь, не позволяя делать содержательных выводов о семантических связях. В связи с этим мы старались максимально избежать подобных ситуаций, используя статистические инструменты максимально гибко, а именно: уделяя большое внимание контексту и адаптируя применение той или иной процедуры для решения конкретной исследовательской задачи.

Во-вторых, это собственно специфика анализируемого материала – СМИ. Нагнетание ситуации, акцент на конфликтных ситуациях и умышленное использование провокационных оборотов – все это по умолчанию свойственно журналистам для привлечения наибольшей аудитории. Иными словами, конструирование негативного образа ислама получается востребовано редакциями рассматриваемых нами ресурсов. В таком случае насколько вообще релевантно рассмотрение газетных

публикаций при анализе проблемы исламофобии? С нашей точки зрения, медийный дискурс выступает важным элементом публичного пространства и оказывает серьезное влияние на множество других типов дискурса. И даже принимая во внимание неотъемлемый оценочный компонент, изначально свойственный СМИ, тем не менее, мы можем говорить о востребованности подобного дискурса, в котором доминирует негативный образ ислама.

Для подтверждения данного тезиса в шестой главе мы продемонстрировали «перетекание» идей о «борьбе с радикальным исламом» и «правильном традиционном исламе» из медийного дискурса в официальный дискурс об исламе и в официальный исламский дискурс и наоборот. На материале аналитических материалов Государственной Думы и стенограмм парламентских заседаний удалось выявить основные факторы, влияющие на восприятие ислама представителями власти, а также оценить степень взаимозависимости их риторики с риторикой СМИ. В этой же главе нами была рассмотрена «Социальная доктрина российских мусульман» - документ, иллюстрирующий одну из попыток создания «бренда традиционного ислама», о чем также активно говорится в СМИ.

Таким образом, с определенной долей уверенности можно утверждать, что механизмы конструирования негативного политического образа ислама, описанные в главах 3-5, могут быть обнаружены и в других типах дискурса. Здесь нами были очень кратко, на примере отдельных документов, рассмотрены лишь два типа дискурса. В качестве следующей задачи представляется перспективным обратиться к исследованию общественного мнения, что поможет понять, насколько транслируемый СМИ (и другими акторами публичного пространства) образ соответствует образу, имеющемуся у различных групп населения.

В качестве другой исследовательской перспективы стоит также отметить дальнейшую работу с корпусом. Во-первых, следуя алгоритму П. Бейкера о постоянном воспроизведении цикла задавания новых исследовательских вопросов, делать это можно почти бесконечно,

обнаруживая новые проблемы репрезентации ислама в СМИ. Во-вторых, перспективным также представляется и выход на сравнительное исследование. С одной стороны, осознавая всю разницу европейского и российского контекстов, можно предпринять попытку поиска общих элементов образа ислама. С другой стороны, определенный интерес представляет сравнение опыта выстраивания образа ислама российскими и советскими СМИ.

Список использованной литературы и источников

Источники

СМИ

1. Независимая газета (с приложениями). 1.01.2010 – 31.12.2017.
2. Российская газета. 1.01.2010 – 31.12.2017.
3. Коммерсант. 1.01.2010 – 31.12.2017.
4. Комсомольская правда. 1.01.2010 – 31.12.2017.
5. Московский комсомолец. 1.01.2010 – 31.12.2017.
6. Новая газета. 1.01.2010 – 31.12.2017.

Другие источники

1. Аналитический вестник Проблемы законодательного обеспечения региональной безопасности на Северном Кавказе. 2000. Вып. 28. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4612/16255>.
2. Аналитический вестник Терроризм в современном мире: некоторые факты, организации, причины (часть II). 2001. Вып. 38. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4606/16223>.
3. Аналитический вестник Терроризм в современном мире: некоторые факты, организации, причины (часть I). 2001. Вып. 38. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4607/16229>.
4. Социальная доктрина российских мусульман // Совет муфтиев России. URL: <http://www.muslim.ru/actual/13636/>.
5. Стенограмма заседания 03 декабря 2008 г., N 58 (1031) // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/441/>.
6. Стенограмма заседания 06 ноября 2009 г., N 121 (1094) // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/252/>.
7. Стенограмма заседания 08 ноября 2006 г., N 191(905) // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/816/>.

8. Стенограмма заседания 11 октября 2001 г. // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1865/>.

9. Стенограмма заседания 20 марта 2009 г., N 81 (1054) // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/372/>.

Нормативно-правовые акты

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013-2018 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 26 апреля 2013 года, № Пр-1059, с изменениями от 05.10.2016).

2. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д. Медведевым 5 октября 2009 года // Российская газета. 20 октября 2009.

3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности". Доступ через информационно-правовую систему «ГАРАНТ».

4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ "О противодействии терроризму". Доступ через информационно-правовую систему «ГАРАНТ».

Данные социологических опросов

1. Ислам – «соседняя дружественная религия» // ФОМ. 16 апреля 2015 [<http://fom.ru/TSennosti/12121>, доступ от 12.03.2018].

2. Россияне об исламе // ФОМ. 8 октября 2012 [<http://fom.ru/TSennosti/10652>, доступ от 12.03.2018].

3. Теракт в Париже: карикатуры, ислам, запреты // Левада-центр. 29 января 2015 [<http://www.levada.ru/2015/01/29/terakt-v-parizhe-karikatury-islam-zaprety/>, доступ от 12.03.2018].

4. Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян // Левада-центр. 23 марта 2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/23/hotyat-li-russkie-vojny-vojna-i-terror-v-vospriyatii-rossiyan/>.

Справочная литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. [http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm, доступ от 12.03.2018].
2. Князев А.А. Энциклопедический словарь СМИ [http://www.evartist.narod.ru/text16/069.htm#з_001_10, доступ от 12.03.2018].
3. Лингвистический энциклопедический словарь [<http://www.tapemark.narod.ru/les/401c.html>, доступ от 12.03.2018].
4. Прозоров С.М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
5. Толковый словарь Ефремовой, 2000.
6. Baker, P., Hardie, A., McEnery, T. (2006) Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh University Press.
7. Chandler, D., Munday, R. (2011) Dictionary of Media and Communication. Oxford University Press [<http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199568758.001.0001/acref-9780199568758-e-0385>, accessed on 12.03.2018].
8. Schaefer, R.T. (ed.) (2008) Encyclopedia of Race, Ethnicity and Society. Sage.
9. The Encyclopaedia of Islam. Volume XI / ed. by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. Van Donzel, W.P. Heinrichs. Brill, 2002

Учебная литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2001.
2. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2001.
3. Грудева Е.В. Корпусная лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта, 2012.
4. Копотев М. Введение в корпусную лингвистику: учебное пособие для студентов. Прага, 2014.

Электронные архивы, базы данных

1. Интегрум [<https://www.integrum.ru/>, доступ предоставлен НИУ ВШЭ].

2. Медиалогия [http://www.mlg.ru/ratings/methodology_media/, доступ от 12.03.2018].
3. Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/corpora-about.html>, доступ от 12.03.2018].
4. Реестр сертифицированных изданий 2013 г. // Бюро тиражного аудита. 24.01.2014 [http://press-abc.ru/REESTR_CURRENT_2013.xls, доступ от 12.03.2018].
5. Public.ru [<http://www.public.ru/funds/sources/>, доступ предоставлен НИУ ВШЭ].
6. Sketch Engine [<http://www.sketchengine.co.uk/>, accessed on 12.03.2018].
7. Software. AntConc. A freeware corpus analysis toolkit for concordancing and text analysis, Laurence Anthony's Website [<http://www.laurenceanthony.net/software.html>, accessed on 12.03.2018].

Научная литература

1. Абашин С. Геллнер, “потомки святых” и Средняя Азия: между исламом и национализмом // Ab Imperio. 2004. №3.
2. Аббясов Р.Р. Информированность мусульман о концептуальном документе «Основные положения социальной программы российских мусульман» // Теория и практика общественного развития. 2015. № 23. С. 21–24.
3. Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института антропологии РАН. Документ №127. М. 1999.
4. Алексеев И.Л. Власть, общество, религия в исламской политико-правовой мысли (цикл лекций) // Центр исламоведения Фонда Марджани; Культурно-просветительский и досуговый центр «Дар» г. Москвы (ДУМ РФ). 3.02.2017 и 5.05.2017. [<http://mardjani.ru/is/node/596>, доступ от 12.03.2018].
5. Алексеев И.Л. Собираение расколотов уммы: фундаментализм как реинтерпретация исламской истории // Ab Imperio. 2003. №4.

6. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI—XII вв.). М.: ИФВЛ РАН, 2003.
7. Архангельская Н., Градиловский С. Русский ислам // Русский архипелаг. 2002. [archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/russian-islam/, доступ от 18.01.2017]
8. Асадуллин Ф. Ислам в Москве. М.: Логос, 2007; Асадуллин Ф. Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: опыт прошлого и современность. М.: ИВ РАН, 2015.
9. Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2000.
10. Бартольд В.В. Ислам. Петроград: Изд-во «Огни», 1918.
11. Беккин Р. Merati, Simona E. (2017) Muslims in Putin's Russia. Discourse on Identity, Politics, and Security. Cham: Palgrave Macmillan, Springer, 2017. – 241 p. (рецензия) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №1. С. 348-354.
12. Беккин Р.И. Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. М.-СПб.: Институт Африки РАН, 2016.
13. Бобровников В.О. Исламский призыв (да'ва) на Кавказе XXI в. средствами кино: попытка дискурсивного анализа // Восток. 2011. № 4. С. 46–64.
14. Бобровников В.О. Крымская война на русском Кавказе: идеология фронта и дискурс мусульманского сопротивления // The Crimean War, 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals / Ed. by J. W. Borejsza. Warsaw: Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2011, p. 299–332.
15. Бустанов А. Русский язык ислама (публичная лекция) // Европейский университет в Санкт-Петербурге. 10.10.2017 [https://eu.spb.ru/news/18121-russkij-yazyk-islama, доступ от 12.03.2018].

16. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 — 1973). М.: Наука, 1982.
17. Видясова М.Ф. Радикальные исламистские движения в Тунисе // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд, с. 258-281.
18. Верховский А. Является ли Хизбут-Тахрир экстремистской организацией? // Информационно-аналитический центр «Сова». Октябрь 2005. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2005/10/d6036>.
19. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге. 2001.
20. Григорян С.Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М., 1966.
21. Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара: ООО «Офорт», 2013.
22. Деминцева Е. Б. Быть «арабом» во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2008;
23. Денисова В.В., Сергеева М.В. Изучение семантической просодии слова на базе анализа корпусов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012. № 18. С. 86.
24. Дискуссии. «Условно свободная» пресса // Свободная мысль – XXI. 2004. №8. С.138
25. Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе: эволюция форм и методов специфической практики // Добаев И.П. Современный терроризм на Северном Кавказе: эволюция форм и методов специфической практики. 2012. С. 132-140.
26. Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире и Тунисе. 1970 – 2017 гг. М.: Ленанд, 2018.
27. Жантиев Д.Р. Традиционная исламская мысль в османской Сирии в конце XIX - начале XX в. (на примере творчества шейха Йусуфа ан-Набхани)

// Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2015. № . С 21-29.

28. Журавский А.В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990.

29. Игнатенко А.А. InterТerror в России. Улики. М., 2005.

30. Игнатенко А.А. Виртуальный джихад // Ислам и политика. М., 2004.

31. Ильин М.В. Перспективы политического дискурс-анализа в России // Дискурс-Пи. 2006. С. 93-95.

32. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001.

33. Ислам в Татарстане. Энциклопедический словарь. Сост. и отв. редактор А.Ю. Хабутдинов. ИД «Медина», Москва, 2017.

34. Ислам: Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Прозорова. М., 1991.

35. История арабо-мусульманской философии: Учебник / Под ред. А.В. Смирнова. М.: Академический Проект, 2013.

36. Кадырова К.А., Куделин А.А., Лукашев А.А. Джихад многоликий. СПб: Культ-информ-пресс. 2015.

37. Капустина Е. Рынок исламских товаров и услуг в Дагестане: практики потребления и общественные дискуссии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 2. С. 176-202.

38. Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. М.: Логос. 2007.; Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.

39. Кисриев Э.Ф. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт. М., Росспэн. 2007.

40. Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. Пер. с англ. М. Г. Романов. СПб.: «Издательство “ДИЛЯ”», 2004.

41. Комар В.И. Исламские политические движения в Северной Африке: генезис и типология. М., 2001.

42. Коран / перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М.: Издательство восточной литературы, 1963.
43. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: «политический аспект» реформ // *Raх islamica*. 2010. №1(4). С. 141 – 162.
44. Котин И.Ю. Тюрбан и «Юнион Джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб.: Наука, 2009.
45. Кудряшова И.В. Идеологический дискурс политического ислама // *Политическая наука. Политическая идеология в современном мире: Сб. науч. тр.* М.: РАН. ИНИОН, 2003. №4. С. 132-147.
46. Кудряшова И.В. Культурно-религиозные ценности как ресурс общественно-политического развития // *Ислам в современном мире*. 2015. 11(2):65-74.
47. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // *Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Политология*. 2017. №4. С. 349-365.
48. Кудряшова И.В. Религиозный терроризм: концептуальные проблемы политического анализа // *Политическая наука*. 2018. №4. С. 54-68; Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // *Полис*. 2002. №1. С. 66-77.
49. Кузнецова-Моренко И.Б. Ислам в СМИ. Экзотика? // *ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан»*. 08.02.2012 [<http://cpei.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/121831.htm>, доступ от 12.03.2018].
50. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
51. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.
52. Малахов В. Грозит ли Европе исламизация? // *Отечественные записки*. 2013. №1 (52) [<http://magazines.russ.ru/oz/2013/1/24m.html>, доступ от 12.03.2018]

53. Малахов В. Не радикализация ислама, а исламизация радикализма // Сноб. 29.07.16 [<https://snob.ru/profile/30596/blog/111653>, доступ от 12.03.2018]
54. Малахов В., Летняков Д. Ислам в восприятии российским обществом: сравнительно-политический аспект// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. №2. С. 248–271.
55. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Московский центр Карнеги, 2006.
56. Малашенко А.В. Надо ли бояться ислама? М.: «Весь мир», 2017;
57. Малашенко А., Старостин А. Ислам на современном Урале // Московский центр Карнеги. Апрель 2015. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Malashenko_Ural_web_Rus1.pdf.
58. Малинова О. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. №1. С. 114-130.
59. Маточкина А.И. Образ ибн Таймийи на материале русскоязычных интернет-источников // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. №2. С. 63-80.
60. Мелкумян Е.С. Исламистские организации Кувейта: история возникновения и современное состояние // Pax islamica. 2012. № 1-2 (8-9). С. 452-471.
61. Монастырская А.А. Таблоидная пресса в России, 1990-2000 гг. : дисс. на соиск. учен. степ. канд. филолог. наук. СПб., 2003.
62. Мосягина С.В. Конфессиональная тема в СМИ Республики Татарстан // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2007. С. 75 – 80.
63. Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма: генезис и эволюция / Отв. ред. А.В.Смирнов. М.: Языки славянских культур, 2009.
64. Орлов В.В. Традиционная социальная организация алауитского Марокко (середина XVIII - начало XIX века): концепции - структуры – взаимосвязи. М., 1998.

65. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV веках (курс лекций) / Ответственный редактор В.И. Беляев. Л., 1966.
66. Пиотровский М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества / Отв. ред. П. А. Грязневич. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985.
67. Пономарев В. Спецслужбы против исламской партии "Хизбут-Тахрир" // Информационно-аналитический центр «Сова». 8 февраля 2005. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2005/02/d3504/>.
68. Почта Ю.М. Значение ислама и роль мусульман в становлении современной российской государственности // Ислам в современном мире. 2015. № 11(4). С. 91-100.
69. Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004.
70. Прытков А.В. Квалоид как тип СМИ // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. №2.
71. Решение ВС РФ о признании террористическими ряда иностранных организаций // Religare.ru. 24 июня 2003. URL: http://www.religare.ru/2_5347.html.
72. Роцин М.Ю. К истории ислама в Дагестане // Восточный социум и религия. М.: Институт востоковедения РАН, 2009.
73. Саватеев А.Д. Исламская цивилизация в тропической Африке. Москва : Ин-т Африки, 2006.
74. Сагадеев А.В. Восточный перипатетизм. М.: Изд. дом Марджани, 2009.
75. Саетов И.Г. Вызов модерну из центра Стамбула: джамаат “Исмаил Ага” в общественной жизни Турции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3-2. С. 90-97.
76. Саетов И.Г. Вызов модерну из центра Стамбула: джамаат “Исмаил Ага” в общественной жизни Турции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 3-2. С. 90-97.
77. Саид Э. Ориентализм. Санкт-Петербург: Изд-во «Русский мир», 1995.

78. Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. 2003. № 3-4.
79. Серрано С. Конструирование понятия «радикализация» и управление исламом на примере Франции (публичная лекция) // Центр исламоведения Фонда Марджани; Культурно-просветительский и досуговый центр «Дар» г. Москвы (ДУМ РФ). 22.02.2018. [<http://mardjani.ru/is/node/596>, доступ от 12.03.2018].
80. Сибгатуллин А. Исламский интернет. Москва – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2010.
81. Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока XIX—XX вв. М.: Наука, 1974.
82. Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. С. 178 – 200.
83. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., «Наука», 1986.
84. Сюкияйнен Л.Р. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №1. С. 24 – 43.
85. Сызранов А.В. Раскол Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМС) и образование региональных муфтиятов в постсоветской России // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. №4. С. 13–17.
86. Тён Ван Дейк. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Либроком, 2013.
87. Труевцев К.М. Ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств // Россия и мусульманский мир. 2016. № 6 (288). С. 122-146.
88. Тульский М. Раскол в руководстве российских мусульман: 1994–2004 годы // Россия и мусульманский мир. С. 24–39.

89. Федорова Е.Ю. Соотношение категорий “явное – скрытое“: иранская стратегия осмысления (на материале поэмы Мантик ат-тайр Фарид ад-Дина Аттара) // Рассыпанное и собранное: когнитивные приемы арабомусульманской культуры / Отв. ред. А. В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский дом ЯСК, 2017. (Философская мысль исламского мира: Исследования. Т. 10). С. 221-246.
90. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
91. Фролова Е.А. Дискурс арабской философии. Отв. ред. серии А.В. Смирнов. М.: Языки славянской культуры, ООО «Садра». 2016.
92. Фуко М. Рождение клиники. М.: Издательство «Смысл», 1998.
93. Хабутдинов А.Ю. Развитие мусульманской общины Татарстана в 2016 — начале 2018 г. //Ислам в современном мире. 2018. № 14(2). С. 25-42.
94. Шаймухамбетова Г.Б. Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция (начальный период). Москва, Наука, 1979.
95. Шихалиев Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3. С. 134–169.
96. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Серия "Ислам в России" / Под ред. проф. А.В. Малашенко. Уфа, 1999.
97. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
98. Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 134. М.: ИЭА РАН, 2000.
99. Ahmed, S., Matthes, J. (2017) “Media representation of Muslims and Islam from 2000 to 2015: A meta-analysis”, *The International Communication Gazette* 79(3): 219-244.
100. Akbarzadeh, Sh., Smith, B. (2005) *The Representation of Islam and Muslims in the Media (The Age and Herald Sun Newspapers)*. Monash University.

101. Al-Anani, K., Malik, M. (2013) "Pious way to politics: the rise of political Salafism in post-Mubarak Egypt", *Digest of Middle East Studies* 22(1): 57–73.
102. Alexeev, I., Ragozina, S. (2017) "From 'Good' to 'Right' Islam: The Categories and Concepts in the Modern Russian Analytics and ideology Language", *Islamology* 7(1): 88-105.
103. Allen, Ch. (2010) *Islamophobia*. GBR: Ashgate Publishing Group.
104. An-Na'im, A.A. (1990) *Toward an Islamic Reformation: Civil Liberties, Human Rights, and International Law*. Syracuse University Press.
105. Asad, T. (1986) "The Idea of an Anthropology of Islam", *Occasional Papers Series*. Center for Contemporary Arab Studies Georgetown University.
106. Aslan, R. (2005) *No God but God. The origins, Evolution, and Future of Islam*. Random House.
107. Ayaan, H.A. (2016) *Heretic: Why Islam Needs a Reformation Now*. Harper Paperbacks.
108. Baker, M., Francis, G., Tognini-Bonelli, E. (2003) *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. John Benjamins Publishing Company.
109. Baker, P. (2006) *Using Corpora in Discourse Analysis*. Continuum.
110. Baker, P. (2010) "Representations of Islam in British broadsheet and tabloid newspapers 1999-2005", *Language and Politics* 9(2): 310-338.
111. Baker, P., Gabrielatos, C., McEnery, T. (2013) *Discourse Analysis and Media Attitudes. The Representation of Islam in the British Press*. Cambridge University Press.
112. Baker, P., Hardie, A., McEnery, T. (2006) *Glossary of Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.
113. Berg, H. (2012) "The Essence of Essentializing: A Critical Discourse on "Critical Discourse in the Study of Islam"", *Method and Theory in the Study of Religion* 24: 337-356.
114. Bleich, E. (2011) "What Is Islamophobia and How Much Is There? Theorizing and Measuring an Emerging Comparative Concept", *American Behavioral Scientist* 55(12): 1581-1600.

115. Bobrovnikov, V. (2017) "Islamic Discourse of Visual Propaganda in the Interwar Soviet Orient (1918 – 1940)", *Islamology* 7(2): 53-73.
116. Brown, M.D. (2006) "Comparative Analysis of Mainstream Discourses, Media Narratives and Representations of Islam in Britain and France Prior to 9/11", *Journal of Muslim Minority Affairs*. December 26(3): 297-312.
117. Bustanov, A. (2011) "The sacred texts of Siberian Khwāja families: the descendants of Sayyid Ata", *Journal of Islamic Manuscripts* 2(1): 70-99.
118. Bustanov, A., Kemper, M. (eds.) (2012) *Islamic Authority and the Russian Language. Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*. Netherlands: Pegasus.
119. Bustanov, A.K. (2012) *Settling the Past: The Soviet Oriental Projects for Kazakhstan, 1920s–1980s*. PhD Thesis. Amsterdam.
120. Bustanov, A.K. (2015) "Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations", *Central Asian studies series* 29.
121. Bustanov, A. (2011) "The sacred texts of Siberian Khwāja families: the descendants of Sayyid Ata", *Journal of Islamic Manuscripts* 2(1): 70-99.
122. Caldas-Coulthard, C.R., Moon, R. (2010) "'Curvy, hunky, kinky': Using corpora as tools for critical analysis", *Discourse Society* 21(2): 99-133.
123. Chouliaraki, L. (2002) "'The Contingency of Universality': Some Thoughts on Discourse and Realism", *Social Semiotics* 12(1): 83-114.
124. Cifti, S. (2012) "Islamophobia and Threat Perceptions: Explaining Anti-Muslim Sentiment in the West", *Journal of Muslim Minority Affairs* 32(3): 293–309.
125. Clement, W.R. (2003) *Reforming the Prophet. The Quest for the Islamic Reformation*. Insomniac Press.
126. Dahinden, U., Koch, C., Wyss, V., Keel, G. (2011) "Representation of Islam and Christianity in the Swiss Media", *Journal of Empirical Theology* 24: 197-208
127. Eickelman, D. (2003) "Inside Islamic Reformation", in B. Rubin (ed.) *Revolutionaries and Reformers. Contemporary Islamist Movements In The Middle East*, pp. 203–205. State University of New York Press.

128. Ekman, M. (2015) "Online Islamophobia and the politics of fear: manufacturing the green scare", *Ethnic and Racial Studies* 38(11): 1986-2002.
129. Elgamri, E. (2008) *Islam In The British Broadsheets. The Impact Of Orientalism On Representations Of Islam In The British Press*. Ithaca Press.
130. Eroukhmanoff, C. (2015) "The remote securitisation of Islam in the US post-9/11: euphemisation, metaphors and the "logic of expected consequences" in counter-radicalisation discourse", *Critical Studies on Terrorism* 8(2); 246–265.
131. Fairclough, N. (1989) *Language and Power*. Longman.
132. Fairclough, N. (2006) *Language and Globalisation*. Routledge.
133. Fairclough, N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge.
134. Fairclough, N. (1995) *Media Discourse*. Bloomsbury Academic.
135. Garaev, D. (2017) "Jihad as Passionarity: Said Buriatskii and Lev Gumilev", *Islam and Christian-Muslim Relations* 28(2): 203-218.
136. Gee, J.P. (2011) *How to make a discourse analysis? A Toolkit*. Routledge.
137. Gee, J.P. (2011) *An introduction to discourse analysis: theory and method*. 3rd ed. Routledge.
138. Hasemi, N. (2009) *Islam, Secularism, and Liberal Democracy. Toward a Democratic Theory for Muslim Societies*. Oxford University Press.
139. Hodgson, M. (1977) *The Venture of Islam. Vol. 1–3*. University Of Chicago Press.
140. Howarth, D. (1996) "Ideology Critique to Discourse Theory: Reconstructing Laclau and Mouffes's Approach to Political Analysis", *Staffordshire Papers in Politics and International Relations* 30: 1–34.
141. Huston, S. (2002) *Corpora in Applied Linguistics*. Cambridge University Press.
142. "Islamophobia challenge for us all" (1997), The Runymede Trust [<http://www.runymedetrust.org/publications/17/32.html>, accessed on 12.03.2018].
143. Jackson, L. (2010) "Images of Islam in US Media and their Educational Implications", *Educational Studies* 46: 3-24

144. Jackson, R. (2007) "Constructing Enemies: 'Islamic Terrorism' in Political and Academic Discourse", *Government and Opposition* 42(3): 394-426.
145. Jaworska, S, Krishnamurthy, R. (2012) "On the F word: A corpus-based analysis of the media representation of feminism in British and German press discourse, 1990–2009", *Discourse Society* 23 (4): 401-431.
146. Jessop, B. (2002) *The Future of the Capitalist State*. Cambridge: Polity Press.
147. Jessop, B. (2004) 'Critical semiotic analysis and cultural political economy', *Critical Discourse Studies* 1(2): 159–174.
148. Joseph, C. B. (2017) "Heretic: Why Islam Needs a Reformation Now", *The European Legacy* 22(1): 94–96.
149. Kabir, N. (2006) "Representation of Islam and Muslims in the Australian Media, 2001–2005", *Journal of Muslim Minority Affairs* 26(3): 313-328.
150. Kabir, S.N., Bourk, M. (2012) "Representing Islam and Muslims in New Zealand Newspapers", *Journal of Muslim Minority Affairs* 32(3): 324-338.
151. Kassimeris, G., Jackson, L. (2011) "The West, the rest, and the 'war on terror': representation of Muslims in neoconservative media discourse", *Contemporary Politics* 17(1): 19-33.
152. Kaya, S. "Islamophobia in Western Europe: A Comparative, Multilevel Study", *Journal of Muslim Minority Affairs* 35(3): 450–465.
153. Kemper, M. (1998) *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin: Klaus Schwarz Verlag.
154. Khatab, S., Bouma, G.D. (2007) *Democracy in Islam*. Routledge.
155. Kort, A. (2005) "Dar al-Cyber Islam: Women, Domestic Violence, and the Islamic Reformation on the World Wide Web", *Journal of Muslim Minority Affairs* 25(3): 363–383.
156. Kovalskaya, K. (2017) "Nationalism and Religion in the Discourse of Russia's 'Critical Experts of Islam'", *Islam and Christian–Muslim Relations* 28(2): 141-161.

157. Kundnani, A. (2014) *The Muslims are Coming!: Islamophobia, Extremism, and the Domestic War on Terror*. New York: Verso Books.
158. Kusnetsova-Morenko, I. (2010) "Others or ours? The role of the popular media in public perceptions of Muslims in Russia after 9/11", in G. Jonker, Sh. Thobani (eds) *Narrating Islam. Interpretations of the Muslim World in European Texts*, pp. 213-233. London, New York: I.B. Tauris.
159. Laclau, E., Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso. Second Edition.
160. Lathion, S. (2015) "Fight Islamophobia in Europe? Less Islam and Muslims and More Citizenship!", *Islam and Christian-Muslim Relations* 26(2): 133-144.
161. Lewis, B. (2002) *What went wrong? Western Impact and Middle Eastern Response*. Oxford University Press.
162. Mahmood, S., Asad, T. (1996) "Modern Power and the Reconfiguration of Religious Traditions", *SEHR* 5(1) [<https://web.stanford.edu/group/SHR/5-1/text/asad.html>], accessed on 21.01.2017].
163. Marranci, G. (2004) "Multiculturalism, Islam and the clash of civilisations theory: rethinking Islamophobia", *Culture and Religion* 5:1, 105-117.
164. Martin, P., Phelan, S. (2002) "Representing Islam in the Wake of September 11: A Comparison of US Television and CNN Online Messageboard Discourses", *Prometheus* 20(3): 263-269.
165. McEnery, A., Wilson, A. (1996) *Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.
166. Merati, S.E. (2015) *Russia's Islam: Discourse on Identity, Politics, and Security*. FIU Electronic Theses and Dissertations.
167. Merati, S.E. (2017) *Muslims in Putin's Russia. Discourse on Identity, Politics, and Security*. Palgrave Macmillan.
168. Mondon, A., Winter, A. (2017) "Articulations of Islamophobia: from the extreme to the mainstream?", *Ethnic and Racial Studies*: 1-29.
169. Nasar, M. (2014) "Islamophobia and postcolonialism: continuity, Orientalism and Muslim consciousness", *Patterns of Prejudice* 48:5, 500-515.

170. Naumkin, V.V. (2005) *Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Rifle*. Boulder: Rowman and Littlefield.
171. Ogan, C., Willnat, L., Pennington, R., Bashir, M. (2014) “The rise of anti-Muslim prejudice: Media and Islamophobia in Europe and the United States”, *The International Communication Gazette* 76(1): 27–46.
172. Partington, A. (2004) “Utterly content in each other’s company: Semantic prosody and semantic preference”, *International Journal of Corpus Linguistics* 9(1): 131-156.
173. Pipes, D. (2013) “Can Islam Be Reformed? History and human nature say yes”, *Middle East Forum* [<http://www.danielpipes.org/13033/can-islam-be-reformed>, accessed on 23.01.2017].
174. Ponomariov, A. (2016) “Rais Suleimanov (Kazan’) and his Struggle Against Foreign and Jihadist Influence in Russia’s Islam Community” (conference paper), *Image of Islam in Russia*. 6-8 October 2016, Uppsala, Sweden.
175. Poole, E. (2009) *Reporting Islam. Media Representations of British Muslims*. I.B. Tauris.
176. Poole, E., Richardson, J.E. (eds) (2006) *Muslims and the News Media*. I.B. Tauris.
177. Popowich, M. (2005) *An Analysis of ‘The Expert of Islam’ in Canadian News Media*. Institute of Islamic Studies. McGill University, Montreal.
178. Powell, K.A. (2011) “Framing Islam: An Analysis of U.S. Media Coverage of Terrorism Since 9/11”, *Communication Studies* 62(1): 90-112
179. Renard, J. (2011) *Islam and Christianity: Theological Themes in Comparative Perspective*. University of California Press.
180. Rushdie, S. (2005) “The Right Time for An Islamic Reformation”, *Washington Post*. 7.08.2005 [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/08/05/AR2005080501483.html>, accessed on 23.01.2017].
181. Rostow, D.A. (1970) *Transitions to democracy: Toward a dynamic model*.
182. Rostow, W.W. (1960) *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge University Press.

183. Sachedina, A. (2001) *Islamic Roots of Democratic Pluralism*. Oxford University Press.
184. Sajid, A. (2005) "A New Word for an Old Fear", *Palestine-Israel Journal of Politics, Economics & Culture* 12(2/3).
185. Salama, H.Y. (2011) "Amir Ideological collocation and the recontextualisation of Wahhabi-Saudi Islam post 9/11: a synergy of corpus linguistics and critical discourse analysis", *Discourse Society* 22(315): 315-342.
186. Semati, M. (2010) "Islamophobic Culture and Race in the Age of Empire", *Cultural Studies* 24(2): 256-275.
187. Sibgatullina G. & Kemper M. (2017) "Between Salafism and Eurasianism: Geidar Dzhemal and the Global Islamic Revolution in Russia", *Islam and Christian Muslim Relations* 28(2): 219-236.
188. Sinclair, J. (1991) *Corpus, Concordance, Collocation*, p. 110. Oxford University Press.
189. Sinclair, J. (1999) "A way with common words", in *Out of Corpora: Studies in honour of Stig Johansson*. Rodopi.
190. Stoeckl, K. (2016) "Postsecular Conflicts and the Global Struggle for Traditional Values" (lecture), *State, Religion and Church* 3(2): 102–116.
191. Stubbs, M. (2001) *Words and Phrases. Corpus Study of Lexical Semantics*. Blackwell Publishing.
192. Talbot, M. (2007) *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh University Press.
193. Taras, R. (2013) "'Islamophobia never stands still': race, religion, and culture", *Ethnic and Racial Studies* 36(3): 417-433.
194. Thomas, D. (2008) *Christian doctrines in Islamic theology*. Brill.
195. Tognini-Bonelli, E. (2001) *Corpus Linguistics at Work*. John Benjamins Publishing Company.
196. Torfing, J. (1999) *New Theories of Discourse: Laclau, Moufe and Žižek*. Oxford: Blackwell.

197. Turner, B.S. (2013) *The Sociology of Islam: Collected Essays of Bryan S. Turner*. Ashgate Publishing Company.
198. Van Dejk, T. (1977) *Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. London and New York: Longman.
199. Van Dejk, T. (1984) *Prejudice in Discourse*. Amsterdam: Benjamins.
200. Van Dejk, T. (1988) *News as Discourse*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
201. Van Leeuwen, T. (2008) *Discourse and Practice, New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford University Press.
202. Widdowson, H.G. (1996) "Reply to Fairclough: Discourse and interpretation: conjectures and refutations", *Language and Literature* 5(1): 57-69.
203. Wodak, R., Meyer, M. (eds) (2001) *Methods of Critical Discourse Analysis*. Sage Publications.
204. Zhang, M., Mihelj, S. (2012) "Hong Kong identity and the press-politics dynamics: a corpus-assisted discourse study", *Asian Journal of Communication* 22(5): 506-527.
205. Zunes, S. (2017) "Europe's Refugee Crisis, Terrorism, and Islamophobia", *Peace Review* 29(1); 1-6.